

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

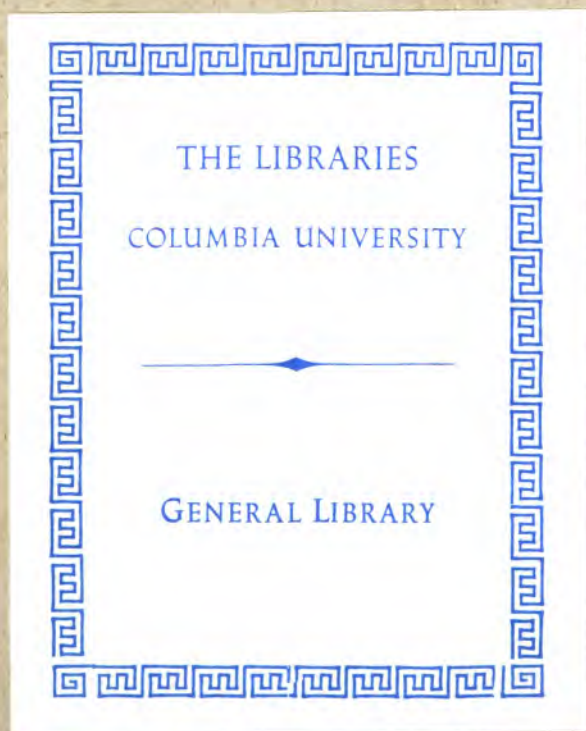
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**НАЧАТКИ
РУСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.**

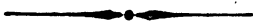
СОЧИНЕНИЕ

МИХАЙЛА МАКСИМОВИЧА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Объ отношеніи русской рѣчи къ западнославянской.

К І Е В Ъ.

Въ Типографіи Θεοφιλα Гляксберга.

1848.

AG
10
МЭ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

Съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Кіевъ 1846 года Августа 9 дня.

Ценсоръ А. Федотовъ-Чеховскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предметъ русской филологіи я поставляю не одинъ собственно такъ называемый Рускій языкъ, въ связи съ церковно-славянскимъ; но цѣлюю Рускую рѣчь, т. е. совокупность всѣхъ нарѣчій, принадлежащихъ Руси, сѣверной и южной. Только совмѣстнымъ и подробнымъ ихъ изслѣдованіемъ, въ связи съ нарѣчійми западнославянскими, филологія наша можетъ раскрыть тѣ законы, по которымъ образовались разные виды русской рѣчи, въ томъ числѣ и господствующій нынѣ языкъ рускій, — опредѣлить съ точностью ихъ отличительныя свойства, — и добыть себѣ вѣрную и прочную теорію.

Долго еще работаютъ надъ этими русской филологіи, что бы явиться ей основательною, правильною и богатою наукою. Въ настоящую пору она не дошла не только до полного, но даже и до перваго образо-

ванія своего вѣсьми частями; она только готовитъ необходимыя къ тому запасы...

Сообразно такому состоянію Руской филологіи, я рѣшился написать эти Начатки въ видѣ критическихъ изслѣдованій, имѣя въ виду только внутреннее содержаніе науки, и не имѣя надобности составлять округленнаго и докончаннаго учебника. Читатель найдетъ въ моемъ сочиненіи нѣсколько новыхъ свѣденій и понятій о Руской рѣчи, собранныхъ и выработанныхъ мною при долговременномъ ея изученіи; найдетъ также подробный разборъ господствующихъ и современныхъ филологическихъ мнѣній.

Въ первой книгѣ, написанной 1845 года, подробно разсмотрѣно все то, чѣмъ опредѣляется въ филологіи отношеніе русской рѣчи къ западнославянской.

Вторая книга, написанная 1846 года, содержитъ въ себѣ изслѣдованія о звукахъ русской рѣчи.

М. М.

О Г Л А В Л Е Н І Е

В В Е Д Е Н І Е

	<i>стр.</i>
Статья I. О системѣ славянскихъ нарѣчій.....	9.
Статья II. О степеняхъ сродства между нарѣчійми.	34.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ О ПОДНОГЛАСІИ.

Статья III. О полногласіи русской рѣчи вообще..	51.
Статья IV. Объ отношеніи церковнославянскаго языка къ рускому	60.
Статья V. О древности полногласія въ славянской рѣчи.....	80.
Статья VI. О существенномъ отличіи русской рѣчи отъ западнославянской	96.
Статья VII. О видоизмѣненіяхъ существеннаго признака въ языкахъ славянскихъ.....	105.
Статья VIII. Дополнительные замѣчанія.....	118.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

РАЗБОРЪ ПРИМѢТЪ, КОТОРЫМИ РУСКУЮ РѢЧЬ СОЕДИНЯЮТЪ СЪ ЮГОЗАПАДНОЮ.

Статья IX. О двухъ важнѣйшихъ примѣтахъ Добровскаго.....	127.
Статья X. О двухъ примѣтахъ; прибавленныхъ Шафарикомъ.....	138.

Статья XI. О восьми примѣтахъ Добровскаго, непризнанныхъ Шафарикомъ.	147.
Статья XII. О вставномъ звукѣ л вообще , и объ отношеніи губныхъ звуковъ къ ерю	162.
Статья XIII. О производствѣ женскихъ именъ съ окончаніемъ лъ послѣ губныхъ звуковъ	172.
Статья XIV. О производствѣ мужескихъ именъ съ окончаніями ель и ей послѣ губныхъ звуковъ	180.
Статья XV. О вставномъ звукѣ л въ глаголахъ	206.

В В Е Д Е Н І Е.

С Т А Т Ь Я I.

О системѣ славянскихъ нарѣчій.

§ 1. Какое мѣсто занимаетъ рускій языкъ въ кругу соплеменныхъ ему языковъ славянскихъ?—Этотъ вопросъ, по моему, есть существенный и основный для русской филологіи. Лѣтъ за десять рѣшали его у насъ не иначе, какъ по системѣ Добровскаго, т. е. ставили рускій языкъ въ одинъ разрядъ съ языками Славянъ задунайскихъ. Но съ 1836 года, у насъ и у западныхъ Славянъ, стали рѣшать иначе этотъ вопросъ; а какъ онъ въ связи съ цѣлою филологическою системою славянскихъ языковъ, то прежде всего надо посмотреть на ея ходъ и измѣненіе.

§ 2. По мнѣнію Добровскаго, рускій языкъ составляетъ одно изъ 10 славянскихъ нарѣчій и принадлежитъ къ одному разряду съ нарѣчіями Славянъ задунайскихъ.

Разрядъ 1-й**Антскій.**

Въ немъ 5 нарѣчій:

1. Руское.
2. Старославянское
(т. е. церковное).
3. Иллирское или
сербское.
4. Хорватское или
кroatское.
5. Виндское (т. е.
хоруганское).

Разрядъ 2-й**Собственно-Славянскій.**

Въ немъ 5 нарѣчій:

1. Словацкое.
2. Чешское или богем-
ское.
3. Сорабское или венд-
ское Верхней Луза-
ции (верхнелужиц-
кое).
4. Сорабское Нижней
Лузаци (нижнелу-
жицкое).
5. Польское.

Это распределение 10-ти славянскихъ на-
рѣчій въ 2 разряда утверждено на извѣстныхъ
примѣтахъ (notae), которыя въ видѣ двухъ
столпцовъ, въ каждомъ по 10 примѣтъ, вы-
ставляются обыкновенно подъ двумя разря-
дами.

§ 3. Система Добровскаго имѣла большой
успѣхъ въ филологіи; но она имѣетъ и большіе
два недостатка.

Первый недостатокъ состоитъ въ причи-
сленіи рускаго языка къ одному разряду съ
югозападными, тогда какъ сѣверозападные
принимаются за особый разрядъ. Отъ этого

первый разрядъ, въ сравненіи со вторымъ, неправиленъ по составу и несоразмѣренъ по объему.

Другой недостатокъ состоитъ въ несоразмѣрномъ раздѣленіи славянской рѣчи на *нарѣчія*, и въ поставленіи на эту степень рускаго языка, наравнѣ съ нарѣчіями хорватскимъ, словацкимъ и даже двумя лужицкими. Въ обоихъ случаяхъ не соблюдена *постепенность сродства*, безъ которой не можетъ быть системы правильной и естественной.

Исправить первый недостатокъ системы Добровскаго значило бы вовсе измѣнить ее. Но къ поправленію втораго недостатка представлялись два способа: 1) *подраздѣленіе* рускаго языка по крайней мѣрѣ на два особыя нарѣчія, для уравненія ихъ съ прочими; 2) *соединеніе* нѣкоторыхъ западнославянскихъ нарѣчій въ болѣе правильныя и болѣе объемныя нарѣчія, для уравненія ихъ съ рускими. Эти перемѣны были необходимы, не только по общему требованію систематическаго устройства, но и по особой сущности предмета, т. е. по свойству самихъ нарѣчій, которое во многомъ выражено неправильно или совсѣмъ невыражено системою Добровскаго. Такъ на примѣръ, еще Шлецеръ принималъ за особыя нарѣчія — болгарское, лужицкое, полабское. Но въ системѣ Добровскаго прежде-

временно исчезло нарѣчіе полабское; недѣлимое лужицкое нарѣчіе распалось на два; а болгарское, столь особенное отъ другихъ задунайскихъ, скрылось въ толгѣ нарѣчій иллирскихъ.

§ 4. Съ особеннымъ вниманіемъ къ постепенности средства, Шафарикъ старался поправить систему Добровскаго — вторымъ способомъ, т. е. соединеніемъ западнославянскихъ нарѣчій въ болѣе объемные отдѣлы, которые онъ назвалъ *ръчами*.

Языкѣ славянскій.

Отдѣлъ I. Молвь (*mluva*) юговосточная.

1. Рѣчь руская.

1. Нарѣчіе великоруское.

2. Нарѣчіе малоруское.

3. Нарѣчіе бѣлоруское.

2. Рѣчь болгарская.

4. Нарѣчіе церковное или кирилловское.

5. Нарѣчіе новоболгарское.

3. Рѣчь иллирская.

6. Нарѣчіе сербское.

7. Нарѣчіе хорватское.

8. Нарѣчіе хорутанословенское.

Отдѣлъ II. Молвь западная.

4. Рѣчь ляшская.

9. Нарѣчіе польское.

5. Рѣчь чешская.

10. Нарѣчіе чешское.

11. Нарѣчіе угрословенское т. е. словацкое.

6. Рѣчь лужицкосербская.

12. Нарѣчіе верхнелужицкое.

13. Нарѣчіе нижнелужицкое.

7. Рѣчь полабская.

14. Нарѣчіе древанское.—

Такимъ образомъ, по Шафарику, кругъ славянскихъ нарѣчій дѣлится на 2 молви, 7 рѣчей и 14 нарѣчій; рускія нарѣчія составляютъ первую рѣчь въ молви юговосточной.

§ 5. Шафарикъ полагаетъ, что такое распредѣленіе славянскихъ нарѣчій будетъ самое согласное съ сущностью предмета (Сл. Нар. стр. 5). Эти слова мы охотно повторимъ во второмъ отдѣлѣ нарѣчій, который еще у Добровскаго обозначенъ вѣрно. Шафарикъ далъ ему надлежащую полноту и внутреннее устройство, если не окончательное, то уже весьма удовлетворительное. Что касается до перваго отдѣла, то онъ, оставленный въ прежнемъ объемѣ и составѣ, не получилъ и у Шафарика желаннаго устройства. Подведеніемъ хорутанскаго языка, вмѣстѣ съ хорватскимъ, подъ одну иллирскую рѣчь, и соединеніемъ болгарскаго языка съ церковнымъ въ одну болгарскую рѣчь, Шафарикъ прибавилъ въ системѣ

только двѣ искусственныя *рѣчи*. Обѣ онѣ очевидно приурочены къ тому дѣленію задунайскихъ Славянъ на два отдѣла, какое принято Шафарикомъ въ его Старожитностяхъ Славянскихъ. Но такое историко-географическое дѣленіе Славянъ не составляетъ еще необходимости принимать и двѣ рѣчи задунайскія: въ Старожитностяхъ (стр. 485) лужицкіе Славяне съ полабскими поставлены въ *одинъ* полабскій отдѣлъ; а между тѣмъ языкъ Полабцовъ и Лужичей въ Народописаніи принятъ за *двѣ* особыя рѣчи.

Если языки полабскій, лужицкій, польскій приняты за особыя *рѣчи*, тогда и хорутанскій и болгарскій должны-бы быть поставлены на ту же степень. По своей особенноти, болгарскій отъ церковнаго, а хорутанскій отъ сербскаго, — они не должны быть соединяемы съ ними въ одну *рѣчь*, — тѣмъ болѣе, что рѣчь у Шафарика принимается въ смыслѣ *языка*, какъ главнѣйшая степень сродства, которая »полагается основою и средоточіемъ» систематическаго распредѣленія. Такихъ рѣчей и въ югозападномъ удѣлѣ столько же, какъ и въ сѣверозападномъ.

Въ подраздѣленіи русской рѣчи прямо на три нарѣчія сдѣланъ сколѣкъ: невидно того ближайшаго сродства, которымъ великорусское

нарѣчіе связывается съ бѣлорускимъ, и оба вмѣстѣ отдѣляются отъ южнорускаго. Если при соединеніи нарѣчій имѣется въ виду *постепенность* родства; то для ея соблюденія *юговосточный* разрядъ слѣдуетъ дѣлать не прямо на три рѣчи, но прежде всего на два *отдѣлы*: на *восточный* или *русскій*, и *южный* или *задунайскій*. Тогда въ искусственномъ *юговосточномъ* разрядѣ будетъ по крайней мѣрѣ два отдѣла, сами по себѣ столько же правильные и естественные, какъ отдѣлъ *сѣверозападный*.

§ 6. Значительнѣйшую перемѣну въ системѣ Добровскаго сдѣлалъ Палацкій. Въ своей Исторіи Богеміи (1836, I. стр. 55), онъ раздѣлилъ славянскую рѣчь на три вѣтви:

1. *Восточную* или *русскую*.
2. *Югозападную* или *иллирскую*.
3. *Сѣверозападную* или *лишскую*.

Но иллирская или югозападная рѣчь у Палацкаго представлена въ томъ же объемѣ, какъ у Шафарика, т. е. къ ней отнесены только нарѣчія сербское, хорватское и хорутанское; — руская рѣчь представлена не сама по себѣ, а соединенно съ болгарскою, какъ принималъ Венелинъ. Такимъ образомъ въ дѣле-

ни Палацкаго, хотя сохранена особенность *сѣверозападной* рѣчи, но разорвана связь *юго-западной*; иллирской рѣчи дано слишкомъ большое значеніе, какъ особой вѣтви, наравнѣ съ сѣверозападною; а болгарская, будучи отчислена къ составу *восточной* или *русской*, затѣмняетъ ея особенность и отдѣльность отъ нарѣчій задунайскихъ.

Дѣленіе Палацкаго носить на себѣ характеръ *школы чешской*, состоящей въ томъ, что сѣверозападная рѣчь принимается за особый отдѣлъ, а руская соединяется съ задунайскими языками, со всеми — какъ у Добровскаго и Шафарика, или только съ болгарскимъ — какъ у Палацкаго.

§ 7. Обратимся къ Славянщинѣ задунайской: что тамъ выработала филологія для естественной системы славянскихъ нарѣчій, и какъ она рѣшаетъ вопросъ о языкѣ русскомъ?

Отдѣленная отъ насъ рѣкою Дунаемъ, она принимаетъ его границею и для нарѣчій. Представитель ея Копитаръ дѣлилъ всю Славянщину на двѣ части: *задунайскую* и *додунайскую*. Эти два отдѣла въ филологіи старше, чѣмъ два разряда Добровскаго; ибо еще Катанчичъ дѣлилъ славянскія нарѣчія

на *иллирскія* (южныя) и *сарматскія* (сѣверныя).

Это отлученіе задунайскихъ нарѣчій въ особый разрядъ, и соединеніе русской рѣчи съ сѣверозападною, пустьъ будутъ отличіемъ *школы задунайской*.

§ 8. Копитаръ (въ Глаголитѣ, 1836) принималъ слѣдующіе славянскіе языки или нарѣчія,— не полагая разницы въ этихъ названіяхъ.

*I. Славяница задунайская.*¹

1. Языкъ *церковный*.
2. Языкъ *болгарскій*.
3. Языкъ *хорватосербскій* или *иллирскій*.
4. Языкъ *словенскій* или *хорутанскій*.

II. Славяница додунайская.

1. Языкъ *южнорускій*.
2. Языкъ *сѣвернорускій*.
3. Языкъ *польскій*.
4. Языкъ *сарабскій* т. е. лужицкій.
5. Языкъ *гешкій* съ *словацкимъ*.

1. Во избѣжаніе сбивчивости въ словахъ *задунайскій* и *додунайскій*, я употребляю ихъ такъ, какъ они приходится по отношенію къ намъ. У Копитара, какъ задунайскаго Славянина (Крайнца), эти имена (*Slavismus transdanubianus, cisdanubianus*) наоборотъ.

И такъ здѣсь поставлены въ первой половинѣ одни *югозападныя* нарѣчія; а сѣверо-западныя во второй половинѣ, вмѣстѣ съ русскими, — какъ бы въ оправданіе древней сказки о Чехѣ, Лехѣ, Руссѣ и сестрѣ ихъ Вендѣ.

§ 9. Сравнивъ систему Добровскаго съ Копитаровою, находимъ, что каждая изъ нихъ, выдѣливъ одну, ближайшую къ себѣ половину западнославянской рѣчи, другую половину ея причисляетъ къ русской. Тамъ изъ славянскаго круга выдѣлена сѣверозападная часть; а здѣсь югозападная. Такимъ образомъ у Копитара выработался для системы *югозападный* или *задунайскій* удѣлъ, столькожъ вѣрный въ объемъ своемъ, какъ у Добровскаго удѣлъ *сѣверозападный*. Оба они оправдываютъ другъ друга и имѣютъ одинакое право въ системѣ.

Что касается до второй половины Копитаровой, то она также несоразмѣрна въ объемъ и неправильна въ составѣ, какъ первый разрядъ у Добровскаго; въ ней также затемнена особенность сѣверозападной рѣчи, какъ въ томъ невидна особенность рѣчи югозападной; у обоихъ одинаково невидны значеніе и особенность русской рѣчи. Потому и здѣсь также, для показанія постепенности

средства, необходимо подраздѣленіе на два отдѣла: на *восточный* или *русскій*, и на *сѣверо-западный*.

У Копитара невыставлено филологическихъ примѣтъ, какими украшена система Добровскаго; но это лучше: не было по крайней мѣрѣ того обмана въ наукѣ, какой произведенъ примѣтами Добровскаго.

§ 10. И такъ, ни одна западнославянская школа не опредѣлила ясно того мѣста и значенія, какое руская рѣчь имѣетъ въ кругу славянскомъ; и обѣ школы показали, что оба западные удѣла славянской рѣчи соединимы съ рускою, и что западнославянская рѣчь равно къ ней близка въ обоихъ удѣлахъ своихъ.

У Добровскаго югозападный нарѣчій примкнуты къ рускому, посредствомъ церковнаго. И это правдоподобно,—если возьмемъ во вниманіе *письменный* языкъ Руси, который начавшись употребленіемъ церковнославянскаго языка, хотя уже и обрусѣлъ, но все таки остался *славянорусскимъ*. Въ этомъ отношеніи имѣетъ свою справедливость то мнѣніе, что языкъ церковнославянскій есть *древній русскій*. Но такое мнѣніе, легко впадая въ крайность, производитъ хотя и господствующій, но пре-

вратный взглядъ на развитіе и коренныя свойства рускаго языка, и на его отношеніе къ церковному. Такъ и въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго (I. 79) — собственныя, родимыя формы языка рускаго называются «новыми, нынѣшними»; а формы церковнаго языка, принятыя у насъ позднѣе, именуется «древними, старинными».

У Копитара сѣверозападные нарѣчія прикинуты къ рускому, посредствомъ польскаго. И это также правдоподобно, — если возьмемъ во вниманіе *письменный* западнорусскій языкъ: въ 17-мъ вѣкѣ онъ точно *былъ польскорускимъ*. Въ этомъ отношеніи могъ говорить Гречь, что «малороссійское нарѣчіе можетъ даже назваться нарѣчіемъ языка польскаго, къ коему оно составляетъ переходъ отъ рускаго». (Простр. Грам. 1827. с. 35) Но отсюда проистекаетъ другое заблужденіе, по которому коренныя южнорусскія слова и формы, неизвѣстныя въ избранномъ рускомъ языкѣ и сходныя съ польскими, считаются заимствованіемъ изъ языка польскаго, — хотя этиже слова встрѣчаются въ древней русской письменности, и ведутся въ другихъ нарѣчіяхъ западнославянскихъ и русскихъ.

§ 11. При такомъ направленіи филологи-

ческой системы соединять рускую рѣчь съ удѣлами западнославянскими, для нея оставалось еще два опыта. Или разрознить рускую рѣчь, подобно западнославянской, и присоединить одну часть русской къ одной западной, а другую къ другой. Но единство и цѣлость русской рѣчи такъ ясны и очевидны, что никакая система не рѣшится на такой дѣлежъ. Еще оставалось для системы: не одинъ, а оба западные удѣла соединить съ рускою рѣчью, въ общую цѣлость рѣчи славянской; и различать въ ней только нарѣчія съ ихъ видоизмѣненіями, какъ онѣ исчислены, напримѣръ, у Шлецера или въ Исторіи Карамзина. Но для системы это значило бы отказаться отъ своего дѣла, послѣ первыхъ неудавшихся опытовъ.

§ 12. Повѣрка системы Добровскаго системою Копитаровою показываетъ ясно, что въ нихъ для науки выработались уже два правильные удѣла: *югозападный* и *сѣверозападный*. И если ихъ означить особо въ кругу славянскомъ, то въ немъ останется сама по себѣ *восточная* или *русская* половина его.

И она действительно составляетъ особый, самостоятельный отдѣлъ въ кругу славянскомъ. Не предоставивъ ей такого значенія,

система неизбѣжно допускаетъ одинъ неправильный разрядъ, въ которомъ и самостоятельность русской рѣчи невидна, и теряется особенность одного изъ двухъ западныхъ удѣловъ. Отъ этого сродство славянскихъ нарѣчій затемняется на первыхъ, главныхъ своихъ степеняхъ.

Руская рѣчь не можетъ быть соединена съ которымъ нибудь однимъ западнымъ удѣломъ, безъ того, чтобы не нарушились равновѣсіе и правильность всей системы; слѣдственно, руская рѣчь и по этому должна быть принимаема за особый, самостоятельный отдѣлъ въ кругу славянскомъ.

§ 13. Таковъ выводъ изъ прежнихъ опытовъ системы, которая необходимо должна была перейти отъ нихъ къ новымъ опытамъ, гдѣ русской рѣчи было бы дано самостоятельное мѣсто, отдѣльно отъ всѣхъ языковъ западнославянскихъ.

При такомъ выводѣ, изъ системы Добровскаго, начинающейся съ рускаго языка, возникаетъ само собою слѣдующее дѣленіе на *три* разряда :

1. *Восточный* или *рускій*.
2. *Югозападный* или *задунайскій*.
3. *Сѣверозападный*.

Такое дѣленіе и обнародовалъ Падеждинъ 1836 года (въ Телескопѣ, кн. 1). Здѣсь *русская* рѣчь представлена въ надлежащей отдѣльности отъ всѣхъ западнославянскихъ языковъ; а рѣчи *югозападной* предоставлена та цѣлость, какую имѣетъ она въ системѣ Копитаровой. Этимъ Падеждинское дѣленіе отличается существенно отъ современнаго и подобнаго себѣ дѣленія Палацкаго (см. § 6).

Рускій или восточный разрядъ Падеждинъ (Энцикл. Лекс. IX. 1837.) дѣлитъ прямо на три языка — великорускій, южнорускій и бѣлорускій. —

Тому же дѣленію славянскаго круга прямо на 3 разряда послѣдовалъ Срезневскій (Ж. М. II. Пр. 1843. кн. 4.), въ своемъ распределеніи славянскихъ нарѣчій, которыхъ онъ считаетъ 12:

1. *Востогныя*: великорусское и малорусское.
2. *Югозападныя*: старославянское (церковное), болгарское, сербское, хорватское, хорутанское.
3. *Слаерозападныя*: полабское, польское, лужицкое, чешское, словацкое.

§ 14. При вышесказанномъ выводѣ, Копитаровское дѣленіе приняло бы слѣдующій видъ:

1. Разрядъ *задунайскій* или *югозападный*.
2. Разрядъ *русскій* или *восточный*.
3. Разрядъ *сверозападный*.

Въ такомъ дѣленіи исполнилась бы давняя мысль Востокова (1820), что русскій языкъ составляетъ *средину* между двумя западными удѣлами. Но понятіемъ *средины* невыражается въ системѣ ни отношеніе русской рѣчи къ западной, ни постепенность сродства вообще; притомъ же— два западнославянскіе удѣла, и безъ того разрозненные, разошлись бы вовсе на противоположные концы.

§ 15. Западнославянская филологія, присоединяя рускую рѣчь къ одному изъ двухъ западныхъ удѣловъ, и заботясь о различеніи этихъ двухъ удѣловъ, не признала ихъ ближайшаго, взаимнаго сродства, по которому они какъ два родные брата. Мнѣ казалось необходимымъ пополнить этотъ пропускъ, чтобы система сколько можно болѣе выражала постепенность сродства; и я въ 1836 году составилъ распредѣленіе нѣсколько отличное отъ всѣхъ прежнихъ. (См. въ моей книгѣ: *Откуда идетъ Русская Земля*. К. 1837).

По моему понятію, кругъ языковъ и народовъ славянскихъ дѣлится прежде всего на двѣ половины:

1. *Восточную или рускую.*

2. *Западнославянскую.*

Эти половины выражаютъ собою ту степень сродства, на которой коренная *славянская рѣчь* разошлась въ двѣ первоначальныя вѣтви. Здѣсь *русская рѣчь* принимается соотвѣтственно не одному какому либо западному удѣлу, но обоимъ вмѣстѣ, — и они оба къ русской рѣчи относятся, какъ разрозненныя дѣти родной сестры ея — рѣчи *западнославянской*.

Каждая половина подраздѣляется опять на двѣ ближайшія другъ къ другу части — *южную и сѣверную*, которыя составляютъ собою новую степень сродства и могутъ называться *удѣлами*. Здѣсь русская рѣчь дѣлится на *южнорускую и сѣвернорускую*; а западнославянскія нарѣчія соединяются въ два удѣла — *югозападный и сѣверозападный*. Такимъ образомъ въ славянскомъ кругу я различаю сперва 2 половины, потомъ 4 удѣла.

§ 16. Въ *восточной или русской* половинѣ, гдѣ природа славянская болѣе сохраняетъ полноту бытія своего, и славянская рѣчь является болѣе единою и цѣлою, чѣмъ въ половинѣ западной.

I. Рѣчь южнорусская. Она въ своихъ мѣстныхъ разностяхъ запечатлѣна наибольшимъ единствомъ, и составляетъ одинъ *языкъ южнорусскій*. Въ немъ можно различать 2 нарѣчія:

1. Нарѣчье *малорусское*, съ поднарѣчїями украинскимъ и сѣверскимъ.

2. Нарѣчье *червонорусское*, съ поднарѣчїями галицкимъ и закарпатскимъ.

Малорусское или малороссійское нарѣчье отличается, между прочимъ, употребленіемъ глаголовъ въ будущемъ времени съ окончаніемъ *и.ну, и.мешъ, и.ме, — и.мемъ, и.мете, и.мутъ*; наприм. знат-иму, водит-иму. Этого нѣтъ въ нарѣчїи червонорусскомъ, которое отъ всѣхъ русскихъ нарѣчїй отличается особенно тѣмъ, что въ творительномъ падежѣ женскихъ именъ и нѣкоторыхъ мѣстоименій, вмѣсто окончаній *ю, ею*, ставитъ *овъ, ёвъ*; наприм. водовъ, землёвъ, мновъ, тобовъ.

Всѣ разности малорускаго нарѣчїя соединяются въ два поднарѣчїя. *Украинское*, любящее во многихъ случаяхъ обращать звукъ *о (ѵ)* въ тонкое, а иногда въ легкое *и*;—букву *ь* почти вездѣ оно принимаетъ за тонкое *и*. Сюда относятся разности: переяславская, вольнская, слобожанская. *Сѣверское* поднарѣчье въ тѣхъ же случаяхъ звукъ *о (ѵ)* обра-

щаетъ въ доегласные звуки *уи*, *юи*; а букву *ь* принимаетъ всегда за тонкое *е*.

Разности нарѣчія червонорускаго соединяются также въ два поднарѣчія. *Галицкое*, отличающееся тѣмъ, что оно окончиваетъ третье лице глаголовъ на *тъ*, а не на *ть*, какъ вообще въ южнорускихъ нарѣчіяхъ, и въ среднерускомъ. *Закарпатское*, отличающееся дебелимъ выговоромъ звука *ы*, даже и послѣ гортанныхъ звуковъ; между тѣмъ какъ въ южнорускомъ языкѣ вообще *ы* имѣетъ легкій отголосокъ, средній между дебелимъ *ы*, и тонкимъ или острымъ *и*. Буква *ь* въ обоихъ червонорускихъ нарѣчіяхъ, также какъ и въ малорускомъ, принимается за тонкое или острое *и*.

II. Рѣчь сѣверноруская. Она разнообразна болѣе, чѣмъ южноруская, и состоитъ въ двухъ главныхъ видахъ :

1. Въ нарѣчїи *великорускомъ*.
2. Въ нарѣчїи *бѣлорускомъ*.

Оба эти нарѣчія, безъ сомнѣнїя, составляютъ одно цѣлое; а потому въ системѣ они должны быть неразлучно, подъ общимъ именемъ, равно идущимъ къ нимъ обоимъ: таково названіе — *сѣвернорускаго языка*. — Нарѣчіе великоруское отличается удержаніемъ звука *л*

въ окончаніи 3-го лица прошедшаго времени мужескаго рода; между тѣмъ какъ въ бѣлорускомъ и малорускомъ окончаніе *ль* передѣлано на *съ*. Нарѣчіе бѣлорусское или литовскорусское отличается отъ великорускаго совокупностью двухъ примѣтъ: звукъ *о*, когда онъ безъ ударенія, обращается въ дебелое *а*;—*д* и *т* при отонченіи обращаются въ *дз* и *ц* (= *тс*); наприм. *хадзиць* вм. ходить.

§ 17. Разности обширнаго великорускаго нарѣчія не приведены еще въ желанную извѣстность и требуютъ новаго систематическаго переслѣдованія. Пока оно состоится,² я по-

2. Сахаровъ (въ Сказан. Рус. Нар. '841) раздѣлилъ великоруское нарѣчіе на 4 *подрѣчія*: московское, новгородское, суздальское и воложское. Въ этомъ дѣленіи, мнѣ кажется, во все несоблюдена постепенность средства: въ *подрѣчьи* московскомъ — излишнее соединеніе; а въ трехъ остальныхъ — несоразмѣрное съ цимъ раздѣленіе.

Къ московскому отнесенны у Сахарова не только собственно-московское нарѣчіе и часть среднерускаго (*тульское*, *рязанское*, *калужское*); но и *тверское*, и *владимирское*. При такомъ объемѣ, какую же примѣтою обозначаются это *подрѣчіе московское*, въ отличіе отъ трехъ остальныхъ?

Въ *воложскомъ* подрѣчьи у Сахарова различены *разнорѣчія*: вологодское, устюжское, сибирское и проч. а въ *новгородскомъ* — собственно-новгородское, архангельское, онежское. При такомъ ихъ объемѣ, чѣмъ же

вторю здѣсь то распредѣленіе, какое предложилъ я 1839 года, въ моей Исторіи Древней Руской Словесности (въ гл. IV и V).

А. Сѣверовосточная часть великорускаго нарѣчія, говорящая на о. Этимъ употребленіемъ *дебелаго о*, необращаемаго въ *а*,— которое принадлежитъ и южнорускому выговору,— отличаются два нарѣчія :

1. Нарѣчіе *верхнеруское*. Здѣсь господствуетъ поднарѣчіе *новгородское*, принимающее букву *ь* за тонкое или острое *и*,— какъ въ украинскомъ и червонорускомъ выговорѣ,— и опускающее въ 3 лицѣ глаголовъ единственнаго, а иногда и множественнаго числа, окончаніе *тъ*; наприм. *вѣзьме, хѣди, люби*.

2. Нарѣчіе *нижнеруское* или такъ-называемое *суздальское*. Оно произноситъ букву *ь* какъ *е*; а въ окончаніи родительнаго падежа прилагательныхъ именъ *аго, его*, необращаетъ звука *г* въ *в*, какъ это бываетъ вообще у Великороссіянъ.

Эти два нарѣчія распространились за Ураломъ, составляя тамъ двѣ особыя разности — *сибирскую* и *камчатскую*.

обозначатся то и другое подрѣчіе, т. е. *заволжское* и *новгородское*, въ отнѣченіи отъ *суздальскаго*?

Подробнымъ отвѣтомъ на предложенные два вопроса, изыскатель руской народности оказалъ бы услугу нашему языкознанію.

Б. Великорускія нарѣчія, говорящія на *а*, т. е. обращающія звукъ *о* безъ ударенія — въ *а*. Здѣсь ясно различаются два нарѣчія:

3. Нарѣчіе *среднеруское*.

4. Нарѣчіе *московское*, которое изъ Москвы распространилось уже по всей Руси, и составило изъ себя *обще-рускій* или собственотакъ называемый *рускій языкъ*.

Въ московскомъ выговорѣ, при обращеніи кореннаго *о* безъ ударенія въ *а*, этотъ звукъ слышится легкій; но въ среднерускомъ выговорѣ онъ сближается уже съ дебылымъ, бѣлорускимъ *а*. — Кромѣ того, среднеруское нарѣчіе отличается отъ московскаго тѣмъ, что въ немъ звукъ *г* выговаривается гортанно, какъ *h*, а не *g* (тожь въ южнорускомъ и бѣлорускомъ); звукъ *в* не обращается въ *ф* (тожь въ южнорускомъ и бѣлорускомъ); — въ окончаніяхъ 3-го лица глаголовъ, вм. *тъ* ставится *ть*, — сходно съ малорускимъ; — вм. *ся*, прилагаемаго къ прошедшему времени глаголовъ, ставится *си*; — коренной звукъ *ы* въ глаголахъ не обращается въ *о*; напр. крыю, мью (сходно съ южнорускимъ), а не крою, мою. — Отъ бѣлорускаго нарѣчія среднеруское отличается необращеніемъ коренныхъ *д* и *т* въ *дз* и *ц*, — между тѣмъ какъ у Великоросіянъ, говорящихъ на *о*, эти *дз* и *ц* встрѣчаются нерѣдко — въ губер-

ніяхъ новгородской, симбирской, нижегородской.

§ 18. Въ *западной* половинѣ, по разрозненному бытію народовъ, а можетъ быть и по врожденному стремленію къ разнообразію, славянская рѣчь произошла болѣе разъединенною и различною, чѣмъ въ восточной.

III. Рѣчь югозападная. Къ ней принадлежатъ 5 языковъ:

3. *Церковнославяскій.*
4. *Болгарскій.*
5. *Сербскій.*
6. *Хорватскій.*
7. *Хорутанскій.*

IV. Рѣчь сѣверозападная. Къ ней принадлежатъ также 5 языковъ:

8. *Польскій.*
9. *Чешскій.*
10. *Словацкій.*
11. *Лужицкій.*
12. *Полабскій.*

§ 19. И такъ въ славянскомъ кругу 12 языковъ; а если бы, послѣдую Шафаріку и Копитару, соединить словацкій съ чешскимъ, а хорватскій съ сербскимъ, тогда было бы 10.

Всѣ они соединяются въ 4 удѣла и 2 половины, и составляютъ одну славянскую рѣчь.

СЛАВЯНСКАЯ РѢЧЬ.

I. Руская или восточная.

1. Южноруская.

2. Сѣверноруская.

II. Западная.

3. Югозападная.

4. Сѣверозападная.

Въ такомъ видѣ я представляю систему славянскихъ нарѣчій, выражающую главныя степени сродства ихъ.

§ 20. Соотвѣтственно этому дѣленію славянской рѣчи, и въ славянскомъ племени будутъ тѣже 2 половины, 4 удѣла, и въ нихъ 10 народовъ.

ПЛЕМЯ СЛАВЯНСКОЕ.

I. Половина восточная.

Рускіе или восточные Славяне.

1. Удѣль юговосточный.

1. Народъ южнорускій.	13, 144, 000.
1. Малороссіане.	10, 370, 000.
2. Червопору́ссы.	2, 774, 000.

2. Удѣль сѣверовосточный.

2. Народъ сѣвернорускій.	38, 040, 000.
1. Великороссіане.	35, 314, 000.
2. Бѣлоруссы.	2, 726, 000.

II. Половина западная.

Западные славяне.

3. Удѣль югозападный.

3. Народъ болгарскій.	3, 587, 000.
4. Народъ сербскій.	5, 000, 000.
5. Народъ хорватскій.	1, 095, 000.
6. Народъ хорутанскій.	1, 151, 000.

4. Удѣль сѣверозападный.

7. Народъ польскій.	9, 365, 000.
8. Народъ чешскій.	4, 414, 000.
9. Народъ словацкій.	2, 753, 000.
10. Народъ лужицкій.	142, 000.
И того ³ всѣхъ Славянъ	78, 691, 000.
Рускихъ	51, 184, 000.
Западныхъ	27, 507, 000.

Славянскій народъ¹, у котораго заимствованъ церковный языкъ Кириломъ и Мефодіемъ, уже не существуетъ отдѣльно. Всего вѣроятнѣе, что то были Славяне *македонскіе*, вошедшіе потомъ въ составъ народа *болгарскаго*.

Славяне *полабскіе* почти забыли свой языкъ, и уже обнѣмчился.—

3. Счетъ Славянъ заимствованъ изъ Шафарикова Славянскаго Народописанія (1842); только въ числѣ Сербовъ и Хорватовъ сдѣлана перемѣна: по указанію Срезневскаго, отъ первыхъ перечислено ко вторымъ—294,000.

С Т А Т Ь Я II.

О степеняхъ сродства между нарѣчіями.

§ 21. Степени сродства потому опредѣляются въ филологіи, что онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Опредѣленіе ихъ важно; ибо безъ этого наука не можетъ привести многообразіе своего предмета къ стройному единству и цѣлости.

Двойственность человѣческой природы представляетъ двоякое основаніе, на которомъ должна утвердиться система, въ изображеніи человѣка — первоначально - единого, и по которому система человѣческаго слова должна совпадать съ системою человѣческаго рода.

Подобно царствамъ природы, все человѣчество дѣлится постепенно на части, такъ что каждый его отдѣлъ, будучи частью своего цѣлаго, самъ есть особое цѣлое, относительно своихъ частей.

По такому отношенію и подчиненію (въ которыхъ и состоитъ стройная цѣлость), каждый отдѣлъ природы или человѣчества знаменуетъ особую *степень сродства*. Ни одна степень не должна быть упускаема изъ виду; но система обращаетъ главное вниманіе на значительнѣйшія степени, на которыхъ примѣтнѣе особенность образованія.

Каждый отдѣлъ царства, по своему особенному свойству и развитію, можетъ быть отличнымъ отъ другихъ и въ своемъ подраздѣленіи. Потому однообразіе въ подраздѣленіяхъ не есть еще непрѣмненное условіе системы, хотя и составляетъ ея красоту.

Многіе члены человѣчества давно утратили свою особенность и вошли въ составъ другихъ; иные совсѣмъ отжили бытіе свое и утонули безъ вѣсти въ минувшемъ; нѣкоторые живутъ неузнанные наукою. Безъ вѣрнаго знанія обо всѣхъ ихъ нельзя составить полной системы; а система истинная не приметъ въ себя ничего вымышленнаго.

§ 22. Шафарикъ, въ Славянскомъ Народописаніи, изъявилъ справедливое намѣреніе, чтобы разныя степени человѣческаго слова означать особыми именами, соотвѣтственно тѣмъ же степенямъ человѣческаго рода. Осно-

вою и средоточіемъ своего дѣленія онъ принялъ: *кмень* (по переводу Бодянскаго *покольніе*)— *языкъ*; *народъ*— *рѣчь*. Но я думаю, что наименовка степеней сродства на рускомъ языкѣ должна установиться нѣсколько иначе.

Названію *народъ* соотвѣтствуетъ не *рѣчь*, а *языкъ*. Такъ утверждено уже вѣковымъ употребленіемъ, по силѣ котораго говорится: *языкъ* еврейскій, санскритскій, греческій, латинскій, рускій, польскій, сербскій и проч.

По-славянски *языкомъ* называется и собственно *языкъ*, какъ опредѣленнѣйшій видъ человѣческаго слова, и *народъ* говорящій известнымъ *языкомъ*.

Это двойное значеніе имени *языкъ*, и его происхожденіе, какъ мнѣ кажется, отъ личнаго местоименья *язъ* или *я* (какъ бы въ знакъ того, что въ *языкъ* выражается личность народа)—требуя, чтобы *языкъ* и *народъ* были приняты какъ два названія равностепенныя и соотвѣтственныя другъ другу. Какъ трудно отступить отъ этого, видно у самаго Шафарика: на 3-ей страницѣ Народописанія повторяется у него трижды: »языки, кмены»; а на 4-ой страницѣ трижды говорится, уже по общему употребленію: »языкъ, народъ».

§ 23. И такъ равностепенныя и взаимно

соотвѣтственные названія суть *народъ* и *языкъ*. Сообразуясь съ этимъ, можно распредѣлить и остальные слова, наблюдая, чтобы высшимъ, объемнѣйшимъ степенямъ предоставлены были имена, имѣющія менѣе опредѣленное и болѣе обширное значеніе.

Сообразно двумъ органическимъ царствамъ природы, и въ системѣ человѣческаго *царства* можно принять дѣленіе его сперва на *области*, потомъ на *округи*, за тѣмъ на *круги*. Это и будутъ 4 объемнѣйшіе отдѣла, знаменующіе собою 4 высшія, отдаленнѣйшія степени сродства. За ними слѣдуютъ отдѣлы ^{меньше} болѣе обширные, знаменующіе собою низшія, ближайшія степени сродства.

§ 24. На *первой* степени было не множество народовъ и языковъ, какъ нынѣ; но единство человѣка въ *родѣ* и *словѣ*; ибо «отъ единыя крове весь языкъ человѣчъ, жити по всему лицу земному». (Дѣян. XIII. 26)

Единство человѣка было не только на первоначальной землѣ, но и на землѣ обновленной всемірнымъ потопомъ. «И бѣ вся земля устнѣ единѣ и гласѣ единѣ всѣмъ.—Се родъ единѣ и устнѣ единѣ всѣмъ». (Быт. XI. 1. 6).

Сіе первоначальное единство расторгнуто посредствомъ другаго грознаго переворота на

землѣ, извѣстнаго подъ именемъ *разспянія* людей и *смѣшенія* языка ихъ »да не услышать кійждо гласа ближняго своего». (Быт. XI. 7).

Уже послѣ сего произошло постепенно то разнообразіе въ родѣ и словѣ Человѣческомъ, какое представляется нынѣшнимъ множествомъ народовъ и языковъ.

Расторженіе первоначальнаго единства въ такое многоразличіе не можетъ быть изъяснено никакимъ разнообразіемъ климата, пищи и жизни. Безъ особеннаго, крутаго переворота въ Человѣчествѣ, оно не могло произойти также, какъ земля не могла принять нынѣшняго лица своего безъ потопа всемірнаго.

§ 25. Вторую степень сродства составляютъ *области*, на которыя прежде всего дѣлится Человѣческое царство. Здѣсь родъ Человѣческій является *породами* (гасе), каковы: кавказская или бѣлая, монгольская или желтая, американская или красная, и негрская или черная. ⁴ Человѣческія породы опредѣ-

4. *Четверное* число породъ принимали Линней, Бюффонъ, Кантъ, Рудолфъ. Кювье сократилъ его въ три, причисливъ американскую породу къ монгольской. Друкіе; по примѣру Блюменбаха, принимаютъ *пять* породъ. Бори-сень-Венсанъ дѣлитъ всѣхъ людей прежде всего надвое: на гладковолосяхъ и курчавоволосыхъ, — что совпадаетъ съ дѣленіемъ Виреевскимъ.

ляются преимущественно образованіемъ тѣла, у каждой особеннымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и между языками каждой породы есть свои общія отличительныя черты, хотя филологія, кажется, не успѣла еще опредѣлить ихъ достаточно. Но еслибы понадобилось назвать особымъ именемъ совокупность языковъ каждой породы, то для этого можно взять въ отдѣльномъ видѣ общеславянское слово *вѣтъ*, такъ часто употребительное въ соединеніи съ предлогами (отвѣтъ, завѣтъ, привѣтъ и пр.). Это имя всего болѣе, мнѣ кажется, можетъ итти къ языку человѣка на степени ближайшей къ его первородному, вѣщему слову.

Породы человѣка, во многихъ русскихъ книгахъ, называются *поколѣніями*. Но этимъ именемъ въ рускомъ языкѣ выражается различіе людей не столько по степени сродства ихъ, сколько по времени ихъ существованія. Въ поколѣніяхъ олицетворяется не одна изъ первыхъ или высшихъ степеней; но послѣд-

У другихъ писателей встрѣчаются другія числа, 6 и 7; а нѣкоторые ученые вовсе отказываются отъ дѣленія на породы и даже отрицаютъ его. Это послѣднее есть крайнее удаленіе науки отъ своей цѣли. Разнорѣчія ученыхъ объ этомъ предметѣ и трудность его опредѣленія нисколько не опровергаютъ его дѣйствительности. Мало - ли что наука видитъ теперь только, какъ *зерцаломъ въ гаданіи!*

няя изъ нихъ, до которой дошло развитіе человѣчества,— въ которой мысленно и совмѣстно заключаются всѣ предыдущія степени. Поколѣніе есть особое (индивидуальное) бытіе человѣчества, въ дѣйствительномъ, но скоропроходящемъ явленіи.

»Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой *поколѣній*,
По тайной волѣ Провидѣнія,
Восходятъ, зрѣютъ и падаютъ;
Другія имъ вослѣдъ идутъ».

(Пушкинъ въ Евг. Онѣг.).

§ 26. Области дѣлятся на *округи*. На этой третьей степени человѣческой родъ является *кольнами*. Таковы, въ породѣ кавказской: наше колѣно *индоевропейское*, колѣно *симицеское*. Человѣческому слову на этой степени можетъ быть усвоено имя *говоръ*, у котораго менѣе опредѣленное и болѣе общирное значеніе, чѣмъ у имени *речь*.

Каждый округъ дѣлится на *круги*. На этой четвертой степени родъ человѣческой является *племенами*. Таковы въ индоевропейскомъ колѣнѣ племена: персидское съ индскимъ греческое съ латинскимъ, славянское съ литовскимъ, и нѣмецкое съ кельтскимъ. Человѣческое слово на этой степени имѣетъ уже опредѣленное образованіе, но все еще родовое

значеніе; и всего приличіе можетъ называться *рѣчью*: рѣчь славянская, рѣчь нѣмецкая и проч.

У Добровскаго и Шафарика принимается «языкъ славянскій» въ значеніи родовомъ, какъ совокупность всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Но одного славянскаго языка давно уже нѣтъ, какъ нѣтъ одного народа славянскаго. Они давно разошлись во многіе языки и народы.

§ 27. Принимая такимъ образомъ четыре высшія степени въ человѣческомъ царствѣ, я нахожу приличными для нихъ и взаимно соотвѣтственными слѣдующія имена:

1. Царство: родъ — слово.
2. Область: порода — вѣтъ.
3. Округъ: колено — говоръ.
4. Кругъ: племя — рѣчь.

Подобно цѣлому царству, и каждый кругъ его имѣетъ свои степени развитія, по которымъ племя и рѣчь переходятъ въ *народы* и *языки*.

Рѣчи и племена въ царствѣ человѣческомъ тоже, что роды (*genus*) въ царствахъ органическихъ; а языки и народы соотвѣтствуютъ видамъ (*species*) органической природы. Тамъ мные роды явились прямо однимъ или же нѣ-

сколькими видами; другіе перешли въ нихъ, раздѣлясь сперва на такъ-называемые подро-ды (subgenus). Въ иномъ родѣ значительная и ясная разница между видами; въ другомъ мало примѣтная.

Тоже въ рѣчахъ и въ племенахъ человѣческихъ. Въ каждомъ кругу свое; ибо въ каждомъ кругу общій образецъ человѣческой породы явился запечатлѣнный особенными примѣтами. Племенные особенности породы и особенное образованіе каждого говора въ его рѣчахъ, принимаютъ еще новые, опредѣленнѣйшіе виды, подъ которыми племена и рѣчи пребываютъ въ своихъ *народахъ* и *языкахъ*.

§ 28. Въ славянскомъ кругу, какъ показано выше, рѣчь и племя явились особыми языками и народами на разныхъ степеняхъ сродства. Прежде всего славянскій кругъ раздѣлился на двѣ половины: *рускую* или *восточную*, и *западную*. На этой *пятой* степени славянская рѣчь имѣетъ еще родовое значеніе, и можетъ называться тѣмъ же именемъ: рѣчь руская, рѣчь западнославянская. Тоже и съ племенемъ: племя руское, племя западнославянское.

Въ русской или восточной половинѣ, рѣчь и племя приняли два вида: *южнорускій* и *сѣвернорускій*, которые столько особенны, что

ихъ, по сравненію съ другими, должно было признать за два языка и народа. Они произошли и опредѣлились, безъ сомнѣнія, еще въ весьма древнее время, и приходятся на *шестой* степени сродства, которую я называю *удѣломъ*.

Родные другъ другу по своему происхожденію, два восточнославянскіе удѣла, при св. Владимірѣ соединились еще новымъ союзомъ государственнымъ и церковнымъ въ одну Русь. Тогда древняя восточнославянская природа, просвѣтлѣнная христіанствомъ, преобразилась въ новое бытіе и проникнута стала новымъ единствомъ *рускаго духа*.

Въ западной половинѣ своей, славянская рѣчь и племя образовались въ особые языки и народы уже на *седмой* степени сродства; а на *шестой* степени, т. е. въ двухъ удѣлахъ своихъ — *югозападномъ* и *сѣверозападномъ*, они имѣютъ еще родовое значеніе.

И такъ славянская рѣчь, развиваясь въ особые языки, въ западной половинѣ своей перешла одну степень лишнюю противу восточной. Потому естественно, что въ нашей русской или восточной половинѣ меньше было разъединенія и внутренняго измѣненія славянской рѣчи, — что въ большей полнотѣ и цѣлости мог-

ли сохраниться ея родовыя, первообразныя свойства.

§ 29. *Языкъ* есть живая совокупность словъ, которою выражаетъ себя *народъ*, и которая отъ одного поколѣнія передается другому и сохраняется ими, какъ завѣтное наслѣдіе.

Народъ, какъ особый видъ племени, вполне познается только въ кругу своихъ соплеменниковъ. Языкъ, будучи особымъ образованіемъ родовой рѣчи, можетъ быть вполне яснымъ только въ связи съ прочими языками своего племени. Изъ соображенія всѣхъ ихъ получается понятіе объ ихъ родовыхъ принадлежностяхъ и свойствахъ, безъ котораго ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть достаточно извѣстнымъ; ибо безъ знанія о родѣ нѣтъ вѣрнаго понятія о видѣ.

Первоначальный славянскій языкъ уже давно не существуетъ особно; но онъ продолжаетъ бытіе свое въ нынѣшнихъ языкахъ, отъ него происшедшихъ. Онъ существуетъ въ нихъ своими коренными принадлежностями и свойствами, въ нихъ разсѣянными и перемѣшанными, такъ что, кромѣ словъ и оборотовъ обшихъ имъ всѣмъ, у каждаго изъ нихъ вѣрно уцѣлѣло еще что нибудь отъ родоначальнаго языка, что не сбережено у другихъ, или не

доставалось на долю нѣкоторыхъ. Такимъ образомъ въ сравнительномъ изслѣдованіи соплеменныхъ языковъ состоитъ надежнѣйшее средство къ полнѣйшему знанію каждаго, и даже къ взаимному пополненію ихъ самихъ. И нѣтъ ни одного нарѣчія въ славянскомъ кругу, которое могло бы оставлено быть безъ вниманія, и не могло бы послужить собою хотя нѣсколько или для проясненія, или для пополненія другихъ. Всѣ они суть члены одного тѣла, и составляютъ одно тѣло.

§ 30. Въ разныхъ вѣтвяхъ народа, языкъ его является съ большими или меньшими отмѣнами въ звукахъ, въ цѣлыхъ словахъ и въ оборотахъ словъ. Эти отмѣны происходили сколько отъ внутренняго стремленія къ разнообразію, столько и отъ внѣшнихъ условій, подъ которыми шла жизнь народа и развивался его языкъ.

Отмѣны, съ какими бываетъ языкъ въ своемъ народѣ, называются *нарѣчіями* (діалектами). Если какое нарѣчіе многосложно, то нѣкоторыя среднія степени его измѣненій можно называть *поднарѣчіями*; а ихъ дробнѣйшія и менѣе замѣтныя отмѣны — *разноствями*. Имена «подрѣчіе и разнорѣчіе» я считаю здѣсь неумѣстными.

Какъ въ опредѣленіи высшихъ степеней, такъ и здѣсь, наука обязана наблюдать *постепенность* сродства, — чтобы нарѣчія и ихъ разности не остались раскиданными членами; но были бы правильно сближены, и дробнѣйшія заключились бы въ тѣхъ объемнѣйшихъ, къ которымъ они принадлежатъ.

Для того-то въ удѣлѣ языка южнорускаго, я различилъ (1836 г.) сперва два нарѣчія — *малорусское* и *червонорусское*; и уже въ нихъ подразличаю дробнѣйшія отмѣны.

Такъ и въ удѣлѣ сѣвернорускаго языка, прежде всего принимаются нарѣчія *великорусское* и *бѣлорусское*. Но потомъ, въ обширномъ великорусскомъ нарѣчці, должно отличать еще двоякій говоръ: нарѣчія говорящія на *о*, и нарѣчія говорящія на *а*; и уже къ нимъ должно относить дробнѣйшія разности языка, какими говорятъ Великороссіяне въ разныхъ областяхъ государства рускаго.

§ 31. Для совершенства нашего познанія объ русской рѣчи, необходимо изслѣдовать всю переходчивость ея звуковъ, всѣ оттѣнки ея словъ, все разнообразіе и подвижность ея оборотовъ. Только тогда можно съ полнымъ отчетомъ различать въ ней существенное отъ измѣнчиваго, самородное отъ пришлаго, и у-

видѣть ясно весь ея звуковой составъ и ея духъ. Тогда наука узнаетъ вполне и основательно свойства и принадлежности господствующаго нарѣчія, въ которомъ преимущественно совершенствуется и растетъ языкъ рускій.

§ 32. *Языкъ рускій*, возникшій изъ нарѣчія московскаго, подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка, есть главный представитель не только русской рѣчи, но и всей славянской. Своею мужественною силою и торжественною звучностью онъ превосходитъ всѣхъ своихъ соплеменниковъ.

По словамъ Карамзина (1817), онъ «можетъ равняться въ силѣ, красотѣ и пріятности, съ лучшими языками древности и нашихъ вѣременъ».

Убѣжденіе въ достоинствахъ рускаго языка принадлежало всѣмъ мастерамъ и знатокамъ его. Вотъ что говорилъ объ немъ первый его устроитель, нашъ всеобъемлющій Ломоносовъ.

»Повелитель многихъ языковъ, языкъ російскій не только обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ. Невѣроятно

сіе покажется иностраннымъ, и нѣкоторымъ природнымъ Россіянамъ, которые больше къ чужимъ языкамъ, нежели къ своему трудовъ прилагали. Но кто, не упрежденный великими о другихъ мнѣніями, простретъ въ него разумъ, и съ прилѣжаніемъ вникнетъ, со мною согласится. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣють у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. И ежели чего точно изобразить не можемъ; не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море». (Россійская Грамматика. СПБ. 1755 г.).

Приведу еще нѣсколько строкъ, написанныхъ спустя полвѣка краснорѣчивымъ Мерзляковымъ, у котораго столько поколѣній учились словесности и языку отечественному.

»Можно сравнить въ настоящее время (1811 г.) свѣдѣнія наши объ обширномъ языкѣ россійскомъ со свѣдѣніями о пространной

россійской имперіи. Онъ извѣстенъ намъ только съ нѣкоторыхъ сторонъ».

»Мы видимъ, что онъ имѣеть систему отличную почти отъ всѣхъ новѣйшихъ языковъ. Подобно древнимъ, онъ отличается опредѣленными окончаніями въ падежахъ, и потому свободенъ въ перестановкѣ словъ, по силѣ смысла или гармоніи; столько же, или еще болѣе измѣняемъ въ глаголахъ; въ сложеніи и въ производствѣ обиденъ и натураленъ; какъ наслѣдственная отросль славянскаго, богатъ словами для всѣхъ родовъ слога; живописенъ и простъ, какъ другіе языки, почитаемые первобытными. Вотъ что даровала природа языку-россійскому».

»Стихотворцы, сколько бы они знамениты ни были, не совершаютъ еще великаго дѣла образованія языка. Если основательныя науки его не образуютъ, онъ никогда не будетъ имѣть настоящей своей точности».

»Образованіе языка совершается съ образованіемъ народа. Онъ принужденно обогащаться не можетъ. Работы его медленны и зависятъ отъ времени. Одно главное правило: *полюбить его!*»

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ О ПОЛНОГЛАСИИ.

СТАТЬЯ III.

О полногласіи русской рѣчи вообще.

§ 33. Главное отличіе русской рѣчи отъ западнославянской состоитъ въ томъ, что она болѣе сохранила *полногласіе* словъ, т. е. обиліе гласныхъ звуковъ среди согласныхъ. По-русски, на примѣръ, говорится — молоко, дорога, береза; а по-западнославянски — млеко, дрога или драга, бреза или бриза.

Полногласіе принадлежитъ всѣмъ рускимъ нарѣчіямъ, сѣвернымъ и южнымъ; слѣдственно, оно есть *общее* свойство русской рѣчи. Это должно замѣтить въ филологіи потому особенно, что на полногласіе смотрѣли у насъ какъ на сѣ-

верное свойство, и было говорено, что «нарѣчіе южныхъ Руссовъ удержало въ своихъ словахъ преимущественное господство согласныхъ, подобно языкамъ сербскому и болгарскому». (Уч. Зап. М. У. 1834 г. N 8) Но въ языкѣ южной Руси столько же полногласія, какъ и у сѣверной. Въ немъ произносятся полногласно иногда и тѣ слова, изъ которыхъ не только въ западной Славянщинѣ, но и въ Великой Руси, уже опущенъ гласный звукъ; на примѣръ: тѣренъ, солѡдкій, бѡрошно, долѡня (вм. долѡнь, какъ говорится въ нарѣчіяхъ верхнерускомъ и среднерускомъ; по-московски оборочено въ ладонъ; по-западнославянски сокращено въ длонъ, длань).

§ 34. Полногласіе составляетъ собою не господство гласныхъ надъ согласными, но ихъ равновѣсіе, которое поддерживается звуками полугласными.

Господства гласныхъ звуковъ нѣтъ въ образцовомъ устройствѣ славянской рѣчи. Избытокъ гласности является въ ней подъ видомъ двоегласія. Но обыкновеннѣйшій способъ, которымъ нарушается ея образцовое полногласіе, состоитъ въ обращеніи гласныхъ въ полугласные, или же въ опущеніи гласныхъ изреди согласныхъ.

Равновѣсіе основныхъ стихій слова, руская рѣчь—въ своихъ собственныхъ, древнѣйшихъ формахъ—сохранила болѣе, чѣмъ западнославянская. Тамъ, черезъ частое убавленіе полногласія, происходитъ иногда перевѣсъ согласныхъ звуковъ, по которому слова остаются иногда вовсе безъ гласныхъ, а по силѣ латинскаго письма—даже и безъ полугласныхъ. Такъ въ сѣверозападномъ удѣлѣ, Словаки и Чехи, вмѣсто волкъ, перстъ, торгъ, говорятъ: влъкъ, пѣрстъ, тѣргъ; пишутъ: wlk, prst, trg. Такъ въ югозападномъ удѣлѣ, Сербы, вмѣсто крестъ, серпъ, кровь, черень или черный, говорятъ, а нѣкоторые и пишутъ: крет, срп, крв, црн. И это для Серба, Словака и Чеха—по выраженію Караджича—*благогласно*.

Въ церковнославянскомъ языкѣ—по его собственной, древней формѣ—обращеніе полныхъ гласныхъ въ *з* и *ь* производилось въ срединѣ словъ, не только при *р* и *л*, но и при другихъ согласныхъ, на примѣръ: влъкъ, тѣргъ, пятькъ, днь, мьчь.

Подобнымъ стремленіемъ обращать полные гласные въ легкій полугласный звукъ, при всѣхъ согласныхъ, отличается нынѣшній языкъ хорутанскій. Примѣчательно, что при такомъ стремленіи этотъ языкъ болѣе всѣхъ славянскихъ развиваетъ въ себѣ звуки двое-

гласные. Полнота, истощаемая въ однихъ гласныхъ, переносится въ другіе, и этимъ способомъ поддерживается еще первородное равновѣсіе въ стихіяхъ словъ.

Въ славянской филологіи вошло почти въ повѣрье, что тѣ полногласныя формы словъ, которыми наша восточная рѣчь рознится отъ западной, суть позднѣйшія, и составляютъ въ ней наибольшее ꙗклоненіе отъ первообраза славянскаго; что *ѣ* и *ь*, представляемые такъ часто языкомъ церковнымъ въ срединѣ словъ, замѣнены полными гласными, и у насъ и въ западной Славянщинѣ, уже въ послѣдствіи; и что отсутствіе этихъ гласныхъ составляетъ первообразную форму словъ въ рѣчи славянской.

Такое понятіе о первообразѣ славянскомъ, объ его измѣненіи у Славянъ западныхъ, и объ крайнемъ удаленіи отъ него въ нарѣчіяхъ русскихъ — составляетъ донынѣ господствующій взглядъ на коренныя свойства и на развитіе какъ русской, такъ и всей славянской рѣчи. Если рускій или западный Славянинъ говоритъ, на примѣръ — полкъ, огонь, овесъ, день, мечъ или мачъ, волкъ или вилькъ, черный или чарный, то полагается, что здѣсь звуки *о*, *е*, *и*, *а* — вставлены или прибавлены. Но если, на примѣръ Болгаринъ, говоритъ — »огньъ, длъго,

крѣкъ, црно, Българинъ», то это называется—
«еще по старому». (Сл. Нар. с. 43).

По предположенію, что и въ русской рѣчи господствовали сперва тѣже сокращенныя и малогласныя формы словъ, какія представляетъ языкъ церковный, и что русское полногласіе есть явленіе позднѣйшее и пришлое, — Добровскій приписывалъ его вліянію финскаго языка, а Востоковъ считалъ его слѣдствіемъ климата. Но такія мнѣнія, очевидно, произошли отъ того же, хотя и господствующаго, однако неправильнаго и превратнаго понятія о первообразѣ славянскомъ и объ измѣненіи его въ разныхъ нарѣчіяхъ, особенно въ русскихъ.

§ 35. Слѣдуя Добровскому, Давыдовъ говорилъ, что «славянское нарѣчіе сѣверныхъ Руссовъ измѣнилось отъ сліянія съ рѣченіями Финновъ, которыя изобилуютъ гласными. (Уч. Зап. М. У. 1834 г.)

Если бы дѣло шло о какихъ нибудь отдѣльныхъ словахъ, или объ какомъ нибудь частномъ и областномъ измѣненіи русской рѣчи, то можно бы еще предположить вліяніе финское. Такъ на примѣръ, если поселянинъ рязанскій говоритъ: суоль, дубчкя, винубъ, вмѣсто соль, дочка, вино; то можно бы еще по-

думать, что древній Вятчъ, вдавшись въ предѣлы Финновъ, перенялъ у нихъ такое удвоеніе гласныхъ; ибо Финны говорятъ: суола вм. соль, и прочая. Это предположеніе могло бы возникнуть особенно потому, что нѣкоторые славянорусскіе филологи доегласіе считаютъ свойствомъ чуждымъ для языковъ славянскихъ. Но сообразивъ, что такое же раздвоеніе гласныхъ встрѣчается у большей части западнославянскихъ языковъ, мы не можемъ приписать финскому вліянію и сказанный выговоръ рязанскій. Онъ могъ развиться самъ собою, съ тою разницею, что въ русскихъ нарѣчіяхъ доегласіе появляется отъ избытка полногласія и не въ ущербъ ему; тогда какъ въ хорутанскомъ языкѣ оно съ избыткомъ развивается въ однихъ звукахъ, истощая полноту другихъ. (§ 34.)

Чтобы полногласіе, такъ равномерно проникающее всю рускую рѣчь, было занято ею отъ Чуди, съ которою зналась постоянно только сѣверовосточная Русь, этого и предполагать не слѣдовало. Возьмемъ для примѣра полногласныя рускія слова: борода, огонь, пороса, тетеревъ. Предположимъ, что эти слова и у насъ сперва выговаривались сокращенно, какъ теперь у разныхъ западныхъ Славянъ: брада, огнь, праса, тетревъ. На языкѣ Чуди они вы-

говариваются такъ: парта, угни, порсась, те-три. Очевидно, что полногласныя формы этихъ словъ въ русской рѣчи произошли не отъ финскихъ рѣченій; ибо эти послѣднія ближе къ сокращенной западнославянской, чѣмъ къ нашей полногласной формѣ. Есть финскія рѣченія, въ которыхъ больше гласныхъ звуковъ, чѣмъ въ русскихъ; но въ большей части такихъ словъ русская рѣчь и не приняла финскаго полногласія; на примѣръ—тавара, таппара, гамутта, гурта; по-русски—товарь, топорь, хомуть, хортъ. Такимъ же образомъ русская рѣчь отказалась и отъ того гласнаго звука, которымъ въ санскритскомъ языкѣ кончаются, на примѣръ, слова—наса, свана, сака, пата; по-русски—носъ, звонъ, сукъ, путь. Русская рѣчь любитъ полугласные звуки въ концѣ словъ; и ея полногласіе, о которомъ идетъ дѣло, состоитъ не въ окончательныхъ гласныхъ, а въ *середочныхъ*, принадлежащихъ *корнямъ* словъ.

§ 36. Нельзя допустить и того, чтобы полногласіе русской рѣчи, не принадлежавъ ей первоначально, произошло послѣ—отъ климата, какъ предполагалъ Востоковъ. Отъ какого климата?—Надеждинъ (1837) опредѣлительно сказалъ: отъ сѣвернаго. Но полногласіемъ отличается вся русская рѣчь, и сѣверная, и

южная; слѣдственно, вся восточная половина славянскаго круга. Потому оно можетъ быть названо скорѣе *восточнымъ* нежели сѣвернымъ свойствомъ. Сѣверъ не даетъ полногласія. Исландцы и другіе Скандинавы далѣе нашихъ Новгородцовъ зашли на европейскую полночь; однако слова, общія славянской и нѣмецкой рѣчи, не сдѣлались отъ того полногласнѣе у Скандинавовъ. На сѣверѣ они болѣе обезгласились и ожестѣли. Слово борода сократилось въ *bart* (исланд. нѣм. голл.); тетеревь, по-шведски *teder*, въ исландскомъ обратилось въ *thidr*; молоко, въ англосаксонскомъ изъ *meoloc* сократилось въ *milk*; сорочка по-шведски *sark*, по-исландски *serk*.

Напротивъ того въ языкѣ санскритскомъ встрѣчаемъ полногласіе во многомъ близкое къ рускому, иногда еще большее. Сравните слова: патага, катара, чатуръ, титтира—съ нашими: птаха, который (въ польск. ктуры, чешск. ктери), четыре или чотыри, тетеревь. Два послѣднія слова и по-литовски (теттерись, кетури) полногласнѣе, чѣмъ у западныхъ Славянъ (—чтери или чтыри, тетревъ). Другіе примѣры изъ санскритскаго языка приведены будутъ ниже.—Поэтому сближенію русской рѣчи съ самымъ восточнымъ отдѣломъ индо-европейскаго округа, относительно полногла-

сія, оно также можетъ быть называемо скорѣе *восточнымъ* свойствомъ, нежели сѣвернымъ.

§ 37. Сравненіе словъ и другія соображенія привели меня къ мысли, что полногласіе въ русской рѣчи не есть достояніе нажитое ею отъ Чуди, на хладномъ сѣверѣ (гдѣ наши новгородскіе *Словьне* промышляли объ иныхъ приобрѣтеніяхъ);—что оно есть родовое наслѣдіе русской рѣчи, съ которымъ и вышла она изъ общей колыбели племень и народовъ.

На него я смотрю какъ на остатокъ первобытной Славянщины, сбереженный на нашемъ русскомъ востокѣ болѣе, чѣмъ сохранился онъ у нашей западной братіи.

Опущеніе или сокращеніе гласныхъ среди согласныхъ, какое представляютъ западнославянскіе языки, есть не первообразъ славянской рѣчи, а наибольшее отклоненіе отъ него, происшедшее на славянскомъ западѣ, особенно за Дунаемъ.

Первородное полногласіе убавилось и въ русской рѣчи, сколько по общей наклонности индоевропейскаго говора — сокращать свои первобытныя полнозвучныя формы словъ; но еще болѣе — по вліянію церковнаго языка на языкъ Руси, въ христіанскую пору ея жизни.

Вотъ понятіе, которое въ моей Исторіи древней Руской Словесности, я осмѣлился противопоставить господствующему филологическому мнѣнію. Здѣсь я разовью его подробно,

С Т А Т Ъ Я IV.

Объ отношеніи церковнославянскаго языка къ рускому.

§ 38. Церковнославянскій языкъ, прежде всѣхъ соплеменниковъ своихъ, получилъ полное письменное образованіе. Потому несомнѣнно, что въ этомъ языкѣ сохранились многія древнія принадлежности славянской рѣчи. Нельзя однако допустить, чтобы въ немъ (какъ полагаетъ Шафарикъ, въ Сл. Народ. с. 35.) совмѣстно и цѣликомъ сохранились всѣ тѣ свойства *первобытной Славящины*, которыя отрывочно разсѣяны по другимъ нарѣчіямъ. Еще несправедливѣе то мнѣніе, будто языкъ церковный былъ общежительнымъ языкомъ нашихъ восточныхъ Славянъ въ 9. вѣкѣ, и будто народная руская рѣчь отмѣнилась отъ него уже въ послѣдующіе вѣка.

Послѣднее мнѣніе распространилось у насъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Если не первымъ, то главнымъ его строителемъ у насъ былъ Шишковъ. Поборая за *старый* слогъ на *новый*,—который, отрѣшаясь отъ церковнаго языка, подвергался излишнему вліянію французскаго,—Шишковъ называлъ нашъ церковный языкъ корнемъ и началомъ рускаго, и даже утверждалъ наконецъ, что нарѣчіе руское »не есть нарѣчіе славянскаго языка, а тотъ же самый языкъ, неимѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія».

Такое понятіе о тожествѣ двухъ родственныхъ языковъ, хотя и не обращалось у насъ въ общее мнѣніе; однако съ нѣкоторыми измѣненіями повторялось и такими знатоками языка, какъ Калайдовичъ, Давыдовъ, Павскій.

К. Калайдовичъ, напримѣръ, (въ своемъ *Иоаннѣ Екзархѣ Болгарскомъ*, 1824 г.) доказывалъ, что языкъ церковнославянскій есть тотъ коренной древній языкъ, который еще и въ половинѣ 9-го вѣка былъ общимъ у Моравовъ, Болгаръ, Рускихъ, и удругихъ славянскихъ народовъ, и не имѣлъ еще особыхъ отличій отъ языка рускаго.

Давыдовъ (*Учен. Зап. М. У. 1834.*) говорилъ, что Священное Писаніе переведено на

»древній рускій языкъ«, отъ котораго произошелъ нынѣшній языкъ Руси южной и сѣверной.

Но церковный языкъ обработанъ не по древнему рускому, а по одному изъ задунайскихъ нарѣчій, бывшихъ въ 9-мъ вѣкѣ. Всего вѣроятнѣе, что онъ составлялъ особое нарѣчіе *македонское*, принадлежавшее тѣмъ Славянамъ, среди которыхъ, въ городѣ Солунѣ, родились наши славянскіе первоучители. Считаю лишнимъ повторять здѣсь разныя мнѣнія объ этомъ, разобранныя мною въ Исторіи древ. Рус. Слов. гл. VII.

§ 39. Церковный языкъ, уже и въ древнее время отличный отъ сербскаго, болгарскаго и хорутанскаго,—какъ свидѣтельствуютъ о томъ ихъ особенности, видныя изъ древнихъ памятниковъ,—тѣмъ болѣе отличенъ былъ отъ *народной* русской рѣчи. Онъ принятъ на Руси, вмѣстѣ съ христіанствомъ, какъ соплеменный языкъ, на который были переведены богослужебныя книги. И онъ сталъ молитвеннымъ языкомъ Руси, также какъ и Болгарь, Моравовъ, Сербовъ, Хорутанъ и Хорватовъ; какъ былъ онъ нѣкоторое время у Чеховъ и Поляковъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ церковный языкъ сталъ

и *письменнымъ* языкомъ Руси, какъ это бываетъ обыкновенно съ языкомъ богослужебнымъ. Въ этомъ смыслѣ онъ столько же есть *древній рускій*, сколько и старо-славянской, старо-паннонскій, старо-болгарскій, старо-сербскій. Древній Русинъ могъ называть его иногда *своимъ* языкомъ, подобно тому, какъ Іоаннъ экзархъ болгарскій называлъ его и *своимъ* и *словѣнскимъ*. А что онъ прослылъ преимущественно *болгарскимъ*, тому причиною было то, что Болгары, покорившіе и покрывшіе своимъ именемъ Македонію и Фракійское Загорье (861 г.), и принявшіе тогда же христіанство, были первымъ славянскимъ народомъ, у котораго процвѣла письменная словесность на языкѣ церковномъ, и отъ котораго наиболѣе расходились переводы разныхъ книгъ. Несторъ справедливо сказалъ, что одна и таже «грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ». Зачѣмъ же филологамъ распространять на народную рѣчь то, что сказано о *грамотѣ* славянской, о языкѣ письменномъ.

Что языкъ церковный былъ отличенъ отъ народнаго языка Руси, и въ древній до-татарскій періодъ ея жизни, то видно изъ всѣхъ почти нашихъ древнихъ памятниковъ.

Не считали его за одно съ языкомъ *свое-народнымъ* и въ среднія времена, ни на сѣве-

рѣ, ни на югѣ рускомъ. Новгородскій переписчикъ Евангелія (1506 г.) оговаривался, что въ церковныя книги » многи *пословицы* привходили новгородскіи. » Въ Евангеліи Переславскомъ, переведенномъ (1556-61 г. на Волини, въ городѣ Пересопницѣ) съ церковнаго языка на западнорускій, повторяется не разъ, что оно переложено » изъ языка болгарскаго на мову рускую. »

Въ прошломъ столѣтіи Ломоносовъ, хотя сродный намъ языкъ славянскій называлъ кореннымъ, однако ясно различалъ отъ него нашъ *природный* языкъ *россійскій*. Говоря объ ихъ соединеніи въ письменномъ языкѣ нашемъ, онъ сказалъ, что » *россійскій* языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердится, коль долго церковь *россійская* славословіемъ Божиимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ. » (Въ Предисловіи о пользѣ книгъ церковныхъ.)

Въ нынѣшнемъ столѣтіи Каченовскій (въ своемъ Взглядѣ на успѣхи *россійскаго* витійства, 1811 г.) говорилъ опредѣлительно, » что языкъ гражданскій и общенародный всегда былъ у насъ отличнымъ отъ языка церковнаго; что богослужебный языкъ, принесенный въ Русь по крещеніи жителей кievскихъ

и новгородскихъ, былъ весьма отличенъ отъ общеупотребительнаго. «

Не будемъ же въ наше время смѣшивать понятія о *письменномъ* употребленіи церковнаго языка на Руси, съ понятіемъ о *народной* русской рѣчи. Надо вовсе устранивъ филологическое мнѣніе о тождествѣ рускаго языка съ церковнымъ, о происхожденіи изъ него народныхъ русскихъ нарѣчій, и объ его первообразности для всѣхъ языковъ славянскихъ. Ложное въ началѣ и основаніи своемъ, это мнѣніе остается сбивчивымъ при всѣхъ своихъ изворотахъ и ограниченіяхъ. —

Изъ церковнаго языка осталось много въ письменномъ языкѣ рускомъ; но наша народная рѣчь, съ своими главными особенностями, конечно была прежде, нежели церковный языкъ явился въ письменномъ видѣ и сталъ извѣстенъ на Руси. Считать его представителемъ первобытной Славянщины несправедливо. Старшинство въ этомъ отношеніи принадлежитъ болѣе русской рѣчи, особенно по праву ея полногласія. Церковный языкъ въ кругу славянскомъ былъ однимъ изъ младшихъ братьевъ. Но ему суждено было первому передать Слово Божіе для Руси и для всего племени славянскаго. И вотъ въ чемъ его главное достоинство и важность передъ другими.

§. 40. По непрестанному обращенію гласныхъ звуковъ въ полугласные, церковный языкъ составлялъ противоположность русской рѣчи. Въмѣсто гласныхъ *о*, *е*, древняя церковная письменность почти на каждой строкѣ представляетъ *ъ* и *ь*, въ срединѣ словъ. Какъ же произносились эти буквы у Славянъ болгарскихъ, моравскихъ, паннонскихъ? По мнѣнію Востокова — *полугласно*; и это мнѣніе стало господствующимъ. Шафарикъ называетъ *ъ* и *ь* въ церковномъ языкѣ » полугласными или слабыми гласными.« (Слав. Нар. с. 35.) И по мнѣнію Вячеслава Ганки, полугласные *ъ*, *ь*, нѣкогда произносились какъ короткіе *о*, *е*.

Однако Павскій отрицаетъ, чтобы *ъ* и *ь*, въ древнемъ славянскомъ языкѣ, выговаривались полугласно, какъ короткіе гласные (Ф. II. 1. 43. 75.). По его мнѣнію — » первый установитель славянскаго правописанія писалъ одни *постоянныя* гласныя, требуемыя смысломъ; а *бѣглыя* гласныя *о* и *е*, требуемыя выговоромъ, онъ предоставлялъ догадкѣ читателя. Читающій самъ долженъ былъ догадываться гдѣ къ *ъ* и *ь* прибавить въ выговорѣ *о* или *е*.«

Очевидно, что такое истолкованіе приспособлено къ рускому выговору, и зависитъ отъ того, что у Павскаго *ъ* и *ь* сближены съ

согласными буквами, и что церковный языкъ не отдѣленъ у него ясною чертою отъ рускаго.

Кириль и Мефодій славянскую правопись устанавливали не для Руси и не по рускому выговору. Они устанавливали ее для Славянъ задунайскихъ и моравскихъ; а у тѣхъ Славянъ всего больше и опускаются или сокращаются гласные звуки, произносимые у насъ сполна, а въ церковномъ замѣщаемые буквами *з* и *ь*. Если въ срединѣ однихъ словъ было писано *о*, а въ срединѣ другихъ *з*; то конечно потому, что въ однихъ словахъ *о* выговаривался сполна, какъ и у насъ, напр. гробъ, слово; а въ другихъ недоговаривался, наприм. крѣкъ, влѣкъ, а не кровь, волкъ. Если было писано: чело и чѣловѣкъ или чловѣкъ; то конечно потому, что въ первомъ словѣ звукъ *е* выговаривался сполна, какъ и у насъ; а во второмъ уже недоговаривался или совсѣмъ невыговаривался. Въмѣсто отецъ, конецъ, писано было отьць, коньць,— конечно потому, что въ нихъ не выговаривался полный *е*. Такъ и теперъ гласный звукъ *е* часто совсѣмъ опускается изъ окончаній *ецъ*, *екъ*,— у Лужицкой, на прим. вотць, пташкъ,— и у Кашубовъ, на прим. кравць, пѣскъ.

§ 41. Бѣглость гласныхъ есть свойство *непостоянное*, и въ разныхъ нарѣчіяхъ разное, такъ что по одному нарѣчію нельзя заключать о другомъ, безъ положительнаго знанія о каждомъ словѣ въ каждомъ нарѣчіи.

Буквы *ъ* и *ь*, такъ строго различаемыя въ древней церковной правописи, показываютъ, изъ какихъ гласныхъ произошли онѣ въ языкѣ церковномъ. Если пишется *тргъ*, *влькъ*, — значить, что эти слова произошли изъ *торгъ*, *волкъ*, а не изъ *тергъ* (хорв.), *велкъ* (верхнелуж.) или *вилькъ* (польск.). Если пишется *днь*, *мчь*, *двьрь*, значить, что предки тѣхъ Славянъ, по нарѣчію которыхъ образованъ церковный языкъ, говорили *день*, *мечь*, *двьрь*, а не *дань* и *мачь* — какъ въ сербскомъ, и не *дварь* — какъ въ санскритскомъ.

На мой взглядъ, древняя церковная правопись тѣмъ важна для филологіи нашей, что по ней можно заключать: въ какихъ полногласныхъ формахъ нѣкогда были въ славянской рѣчи слова, теперь употребительныя уже сокращенно.

Такъ на примѣръ, изъ слова *вьрьхъ* (верхъ) можно заключать, что оно сокращено изъ *верехъ*; и такое заключеніе оправдывается поднарѣчіемъ новгородскимъ, въ которомъ вѣсто

верхъ говорится *верѣхъ* (а верхомъ называется мѣра вершокъ).

Изъ слова *сѣмьрѣть* видно, что вмѣсто смерти говорили нѣкогда *сомереть* или *сомерть*; и подобная форма встрѣчается дѣйствительно въ глаголитской письменности — *семерть*. Она видна и въ уменьшительныхъ словахъ *семерѣтка*, *семерѣточка*, весьма извѣстныхъ въ нарѣчьи верхнерускомъ.

Писано было *мѣнѣ* или *мѣнѣ*; и по-южно-русски дѣйствительно говорятъ не *мнѣ*, а *менѣ* или *мени*.

Вмѣсто *кто*, *что*, было писано *кѣто*, *чѣто* или *чѣто*, — вѣрно потому, что эти мѣстоименья выговаривались нѣкогда: *кото*, *чето* или *чото*. И въ языкѣ Полабцовъ дѣйствительно было не *кто*, а *като*. Эта форма видна и въ мѣстоименяхъ — *который* или *каоторый*, по - санскрит. *катара*. А мѣстоименье *что* состоитъ явно изъ кореннаго *чо* и частицы *то*, откидаемой въ косвенныхъ падежахъ. Въ отдѣльномъ, безприбавочномъ видѣ мѣстоименье *чо* употребительно еще у Словаковъ и у Червоной Руси; у Поляковъ и Чеховъ оно произносится *чо*, въ косвенныхъ падежахъ — *чѣго*, *чѣму*; а у нашихъ Рязанцовъ говорится еще — *цо*, *цево*, *цему*.

Впрочемъ, за уменьшенемъ полногласія въ славянской рѣчи, для многихъ словъ, писанныхъ въ церковномъ языкѣ съ *ъ* и *ь*, нельзя уже найти полногласныхъ формъ въ пынѣшнихъ живыхъ нарѣчіяхъ. Напр. вм. *мъногъ*, какъ находимъ это слово въ Евангеліи Остромировомъ, нигдѣ у Славянъ не говорится уже *моногъ*; а только — *многъ*; но въ рѣчи нѣмецкой удержался гласный звукъ послѣ *м*: *manag*, *monig*, *menig*. Филологія должна утверждаться на томъ, что она можетъ узнать положительно— на формахъ словъ дѣйствительно существующихъ или существовавшихъ. Потому изъ полногласныхъ формъ, о которыхъ можно заключать по древней церковной правописи, только тѣ можно принимать за дѣйствительныя, которыя можно доказать и подтвердить какимъ нибудь живымъ славянскимъ нарѣчіемъ, или же письменнымъ памятникомъ, принимая при этомъ въ соображеніе языка и другихъ родственныхъ или смежныхъ рѣчей.

Шимкевичъ, въ своемъ Корнесловѣ, справедливо поступалъ, что тѣ слова, которыя въ рускомъ языкѣ употребительны еще полногласно, оставлялъ и въ корнѣхъ подъ этою формою, а не подъ сокращенною церковною, какъ у Рейфа. Напримѣръ: *голова*, *городъ*; а не *глава*, *градъ*. Жаль однако, что при

сравненіи русскихъ словъ съ другими, церковнославянскія поставлены въ Корнесловѣ по новой, а не по древней ихъ правописи,— какъ это сдѣлано въ небольшихъ словаряхъ, приложенныхъ Копитаромъ къ его Глаголиту, и Востоковымъ къ Остромирову Евангелію. Впрочемъ и то надо сказать, что въ дошедшихъ къ намъ церковнославянскихъ рукописяхъ, даже древнѣйшихъ, представляется немалое разнообразіе въ постановкѣ середочныхъ ѣ и ѣ; и составитель словаря не рѣдко обязанъ будетъ возстановлять ихъ по своему собственному соображенію.

§ 42. » Во многихъ случаяхъ можно пожалѣть о потерѣ древней системы правописанія « — говоритъ Павскій; » потерявъ ее, мы перемѣшали буквы постоянныя съ бѣглыми, и въ случаѣ нужды должны распознавать ихъ не иначе, какъ при помощи грамматической аналогіи и по руководству древнихъ славянскихъ рукописей. Филологу, который долженъ дать отчетъ во всякой буквѣ, знать различіе между постоянными и бѣглыми буквами необходимо. « (Ф. Н. 1. 76—77.)

Нѣтъ сомнѣнія въ пользѣ такого знанія. Но бѣглость буквъ у каждаго славянскаго языка особенная и притомъ перемѣчивая. Ошибся

бы филологъ, если бы по руководству древнихъ славянскихъ рукописей, по находящимся въ нихъ ерамъ и ерямъ, сталъ заключать о бѣглости и постоянствѣ звуковъ— въ языкѣ рускомъ. Такъ, на примѣръ, по-церковнославянски было писано *хрѣбтъ*. Отсюда видно только, что эта форма сокращена изъ полной *хребетъ*; но никакъ не слѣдуетъ, чтобы и у насъ на Руси въ этомъ словѣ оба *e* когда нибудь были бѣглыми. У насъ первый *e* постоянный; а бѣглый только второй: *хребетъ*, *хребта*, *хребтовый*, *хребетной*. Но въ языкѣ польскомъ наоборотъ: постояннымъ остается второй *e*, а бѣглымъ сдѣлался первый: *грзбеть*, *грзбету*, *грзбетовый*.

Въ рускомъ языкѣ, въ именахъ: *волкъ*, *плоть*, *торгъ*, *мечь*, *дверь*— звуки *о*, *e*, *постоянные*; а въ именахъ *золъ*, *день*— *бѣглые*. Но по-церковнославянски они *равно* были обращены въ *з* и *ь*: *влѣкъ*, *плѣть*, *тѣргъ*, *мѣчь*, *двѣрь*, *зѣль*, *дѣнь*.

Имя *попелъ* по-южноруски въ родительномъ падежѣ *пѣпелу*, а не *поплу*; т. е. звукъ *e* передъ *л* остался постояннымъ. Такъ и по-сербски—въ именит. *пепео*, въ родит. *пепела*. Но въ рускомъ языкѣ— *пепелъ*, въ ро-

дительномъ падежѣ *непла*; даже и въ имени-
тельномъ можно сказать *неплѣ*.

Вообще говоря, звуки встарину были у
насъ постояннѣе; бѣглыми становились впослед-
ствіи. Такъ слово *камень* въ род. падежѣ *ка-*
меня, и по-церковнославянски *камене*; но те-
перь по-русски говорителѣ уже и *каменя*, и *камня*.
Въ именахъ: ротѣ, лобѣ, лень, звуки *о*, *е*,
южнорускимъ выговоромъ удерживаются и въ
косвенныхъ падежахъ; но великорускимъ вы-
говоромъ они опускаются.

Чего постояннѣе, кажется, какъ звукъ *у*
въ словѣ голубь или голубъ: съ разными из-
мѣненіями онъ есть и въ языкѣ церковномъ,
и въ другихъ славянскихъ, также въ румын-
скомъ, латинскомъ (*columba*). Однако въ язы-
кѣ Лужичей звукъ *у* бѣжалъ изъ слова голубъ,
также какъ и изъ слова жолудъ; и они вы-
говариваются тамъ: голбъ или гойбъ, жолджъ
или жолжъ.

Изъ всего сказаннаго видно, кажется, что
при уставленіи церковной правописи, Кирилъ
и Мефодій могли руководиться произноше-
ніемъ бывшимъ дѣйствительно, а не сообра-
женіемъ о постоянствѣ и бѣглости звуковъ.
Гдѣ гласный звукъ выговаривался у нихъ
сподна, тамъ и писана была гласная буква;
гдѣ онъ былъ обращенъ въ полугласный,

тамъ писаны были *з*, *ь*; а гдѣ вовсе былъ опущенъ, тамъ не писали и полугласныхъ. Буквами *з* и *ь* означалось дѣйствительное произношеніе словъ въ церковномъ языкѣ 9-го вѣка; а не нарочное опущеніе гласныхъ, съ предоставленіемъ самому читателю пополнять ихъ. На письмѣ опускались буквы, для сокращенія письменнаго, въ словахъ подѣ титлами; въ такомъ разѣ опускались и полугласныя буквы, напримѣръ въ Остромировомъ Евангеліи: *сърдьцьмъ* и *срдцьмъ*. Буквы *з* и *ь* въ среднѣ словъ конечно стоятъ на мѣстѣ гласныхъ; но потому, что эти гласныя въ церковномъ языкѣ были уже обращены въ полугласныя, не бывъ однако совсѣмъ опущены. Это его особенность въ кругу славянскомъ.

§ 43. Для тѣхъ Славянъ, по произношенію коихъ и для которыхъ писали славянскіе первоучители и ихъ ученики, безъ сомнѣнія удобно было выговаривать такъ часто *з* и *ь* среди согласныхъ. Но для Руси, привыкшей къ полногласной рѣчи, конечно было трудно это непрестанное обращеніе гласныхъ въ полугласныя. Потому на первыхъ порахъ, безъ сомнѣнія, было у насъ большое разногласіе въ чтеніи. Одни, особенно тѣ, которые учились у Задунайцовъ и Моравцовъ, вѣроятно

держались буквы, и приучали свой языкъ къ выговору своихъ учителей. Для другихъ, которые болѣе слѣдовали своенародному выговору, *ѣ* и *ь* служили титлами, подѣ которыми скрывались полные гласные звуки, извѣстные имъ изъ своенароднаго языка. Читая: дѣньсь, сѣрдѣце, отѣць, зѣль, и прочая, они конечно выговаривали: денесь, сердце или сердце, отецъ, золь. Но у Сербовъ тѣже слова, конечно, произносились: данась, срдѣце, отаць, заль. Такое разнорѣчіе необходимо было, по несходству древней церковной правописи съ народнымъ рускимъ и сербскимъ выговоромъ. Это совершенно понятно, когда послушаешь, какъ розно читають Италіанецъ, Французъ и Нѣмецъ одно и тоже латинское евангеліе.

§ 44. Въ слѣдствіе разнообразнаго выговора, представляется большая пестрота и въ древней русской письменности. Церковная правопись и церковныя формы словъ составляютъ главную основу; но сквозь нее непрестанно сквозить своенародный, привычный выговоръ, и полныхъ гласныхъ вмѣсто *ѣ* и *ь*, и разныхъ согласныхъ буквъ, которыя у насъ не такъ произносились, какъ были въ языкѣ церковномъ.

Одни, слѣдуя и подражая церковной пра-

вописи, писали: вѣлкѣ или вѣлкѣ, плѣкѣ, чѣрный или чѣрный, чѣрвленѣ или чѣрленѣ. Для близости къ церковному произношенію, Іоаннѣ дьякѣ, въ Святославовскомъ Сборникѣ, такъ часто писалъ *шт* вмѣсто *ш*.

На эту статью сокращали у насъ и своенродныя слова. Имена: Волга, Черниговѣ, Рось, писали, а можетъ быть иныя и выговаривали: Вѣлга, Чѣрнѣговѣ, Рѣсь (даже вм. Русь!).

Другіе поступали наоборотъ: полагали правиломъ замѣнять подугласныя *ѣ* и *ь* гласными *о* и *е*. Нѣкоторые выполняли это правило даже въ концѣ словъ, какъ видно на нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ грамотахъ; именно на Договорѣ Мстислава Смоленскаго, 1228 г. Можетъ быть иныя, читая такое писаніе, и выговаривали *о*, *е*, вмѣсто *ѣ*, *ь*. По крайней мѣрѣ изъ древнихъ стихирарей видно, что протяженіе *ѣ* и *ь* въ *о* и *е* имѣло мѣсто въ нѣнѣи церковномъ.

Съ концомъ древняго періода, Рускіе стали уже отставать отъ писанія *ѣ* и *ь* въ среднѣи словъ, гдѣ оно не приходилось по рускому выговору. Однако нѣкоторые, особенно южныя Руссы, старались удерживать ихъ на письмѣ, еще въ 16-мъ и даже въ 17-мъ вѣкѣ. Ученый схимникъ и архитипографъ Кіевопечерской Лавры Памва Берында, какъ уроженецъ

молдавскій, — *молилъ* типографовъ (въ своемъ Славенороссійскомъ Лексиконѣ) о соблюденіи ера и еря. Но дѣло кончилось тѣмъ, что Рускіе, образовавъ свою правопись вообще по церковнославянской, занявъ много въ свой новый языкъ изъ богослужебнаго, и въ немъ самомъ измѣнили многое; и его полугласные звуки, въ срединѣ словъ, замѣнили полными гласными, сообразно своенародному великорусскому выговору.

Такимъ образомъ нашъ церковный языкъ, образованный сначала по произношенію одного изъ задунайскихъ нарѣчій, отличавшійся непрестаннымъ обращеніемъ гласныхъ звуковъ въ полугласные, растворился у насъ полногласіемъ русской рѣчи. Начатый въ Царѣгородѣ, святыми братьями Кириломъ и Мефодіемъ, онъ преобразился у насъ въ новый видъ, въ которомъ съ особенною красотою является въ писаніяхъ св. Димитрія Ростовскаго. Ими, какъ вѣнцомъ, завершается наша старая славяноруская словесность. Въ нихъ же довершается и развитіе церковнаго языка, возвращеніемъ его къ полногласію, какъ первобытному свойству рѣчи славянской.

§ 45. Церковный языкъ, какъ соплеменный рускому, легко могъ присвоиться Руси.

Она слушала его при богослуженіи; молилась на немъ повседневно. И онъ отозвался въ ея нарѣчіяхъ, особенно въ великорусскомъ. Ибо въ Великой или Московской Руси постояннѣе, исключительнѣе сживалась съ нимъ народная рѣчь, не бывъ смущена наводненіемъ польщины, которая, будучи сама на то время угнетена латинью, не могла дать ничего живоноснаго языку западной Руси, и только помѣшала его письменному развитію.

Какъ свѣтъ ученія Христова озарилъ душу и обновилъ жизнь рускую; такъ и языкъ церковнославянскій дополнилъ и, можно сказать, одуховилъ собою древнюю рускую рѣчь.

Читая на немъ Священное Писаніе и Отцовъ церкви, узнавая черезъ него столько святыхъ, вѣковѣчныхъ истинъ, древняя Русь сама высказала на немъ такъ много своихъ мыслей и чувствъ, и записала на немъ столько важнаго и любопытнаго о своей жизни. Въ продолженіе вѣковъ древняя народная рѣчь Московской Руси и языкъ церковный сроднились между собою и сочетались недѣлимо въ одинъ живой, цѣльный составъ, какой представляетъ собою нынѣшній *русскій языкъ*. Въ немъ къ прежнимъ, своенароднымъ словамъ и оборотамъ, вполнѣ прижились не только многія слова, но и нѣкоторыя фор-

мы и обороты церковнославянскіе, которыхъ прежде не было у Руси. Многія своенародныя формы словъ или исключены изъ него, какъ обветшалыя; или не успѣли еще войти въ него. Иныя слова утвердились въ немъ и по *старой*, народной формѣ; и по *новой*, церковной, съ разными ограниченіями. Сообразно съ значеніемъ церковнаго языка у Руси, и его слова въ рускомъ языкѣ имѣютъ обыкновенно болѣе мысленное и обширное значеніе, болѣе сановитости, чѣмъ тѣже слова народной формы. Языкъ рускій не утратилъ отъ того своенароднаго свойства и склада; ибо основа его звуковъ, словъ и оборотовъ осталась своя прежняя. Но онъ, принявши въ себя такъ много изъ языка церковнаго, приобрѣлъ то *двойственное* богатство, при которомъ онъ въ состояніи уже отвѣчать вѣрными отголосками русской душѣ, для выраженія ея мыслей и чувствъ, и для изображенія внѣшняго міра, въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ.

С Т А Т Ь Я V.

О древности полногласія въ славянской рѣчи.

§ 46. Языкъ церковный, и народный языкъ Руси, какъ двѣ особыя стихіи, до своего соединенія, были различнѣе между собою, нежели теперь. Потому не удивительно, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ нашей письменности попадаются рускія формы словъ среди церковнославянскихъ. Онѣ примѣчаются и въ церковныхъ книгахъ, начиная съ древнѣйшей, съ Евангелія Остромирава. Но въ памятникахъ, относящихся къ общественной жизни, на примѣръ въ лѣтописяхъ и грамотахъ, еще болѣе выказывается народная руская рѣчь, съ разными особенностями своими, въ томъ числѣ и съ полногласными формами словъ, чуждыми для языка церковнаго.

Такъ, можно сказать, на первыхъ листахъ, на которыхъ еще въ Царѣгородѣ руская рѣчь сошлась съ языкомъ церковнымъ, она обозначилась уже своимъ полногласіемъ. Я разумѣю Договоры рускихъ Князей съ Греками, внесенные Несторомъ въ его лѣтопись. Эти договоры конечно были писаны греческимъ Славяниномъ, который въ свой текстъ

вносилъ цѣликомъ и выраженія рускія, — что видно ясно изъ языка договоровъ, — чему не противорѣчатъ и слова Нестора: »приведоша рускія слы, и велѣша глаголати, писати обоихъ рѣчи на харатьѣ.»

Въ договорѣ Олеговомъ (912 г.) встрѣчаемъ слѣдующія народно-рускія слова: *полеилникъ* (по-церковн. плѣнникъ), *отмоломени*, *бороненіе*, *возборонитись*. Въ договорѣ Игоревомъ (945 г.): »да не имѣють *волоости* (зм. власти) купити *наволокъ* лише по 8 *золотникъ*» или »въ *вусты* Днѣпра Бѣльбережи;» также *Переяславль*, *Передѣславинь*, *Володиславль*, *города*, *взворотити*.

Въ памятникахъ 11-го вѣка находимъ тоже; на примѣръ въ Руской Правдѣ: *болого* (зм. благо), *волога*, *молоко*, *хоронили*, *перегородить*, *перевѣсище*, *который*. Последнее слово встрѣчается въ той же формѣ не только въ Святославовскомъ Сборникѣ 1073 г., въ грамотѣ Мстиславовой 1128 г., въ кievской лѣтописи, въ пѣсни Игорю; но даже и въ Остромировомъ Евангелии. Въ нынѣшнемъ южнорускомъ языкѣ оно произносится: *который* и *котрый*.

Несторова лѣтопись представляетъ множество примѣровъ древняго полногласія въ именахъ, глаголахъ, частицахъ: *Володимерь*,

володѣти, Полотескъ, Половцы, золото, молонья, невѣголосъ, воробей, горожане, городъ, норовъ, заморозъ, порогъ, берегъ, дерево, черево, жерело, середа, середній, чересь, и прочая.

Не говорю о послѣдующихъ памятникахъ русской письменности 12-го и 13-го вѣковъ: о пѣсни Игорю, о лѣтописяхъ кievской, новгородской, и прочая. Во всѣхъ ихъ встрѣчается много словъ полногласной формы, въ какой они и теперь употребительны, въ томъ же самомъ или уже въ измѣненномъ и ограниченномъ значеніи. Многія слова тамъ встрѣчаются въ такой полногласной формѣ, въ какой они не слышны уже въ общепринятомъ русскомъ языкѣ; однако ведутся еще въ царствіяхъ областныхъ, сохраняются въ старинныхъ пѣняхъ, пословицахъ, сказкахъ; а нѣкоторыя и въ нихъ уже не слышны, или же не услышаны еще для общей извѣстности.

§ 47. Не ясно ли, что полногласныя формы словъ ведутся у насъ издревле, и что на Руси, въ первые вѣка ея христіанства, полногласіе составляло господствующій говоръ! Народныя, привычныя формы словъ непрестанно вривались въ письменный текстъ; и отъ того такое множество ихъ въ нашей древ-

ней письменности. Въ послѣдствіи, когда рускому люду присвоился языкъ церковный, и сокращенныя формы словъ стали приниматься въ общежительный, разговорный рускій языкъ: древнее полногласіе убавилось, и произошла та двойственность формъ, которою пестрѣтъ руская письменность отъ начала своего до нашего времени, и которая уже не изгладится въ ней; ибо рускій языкъ не можетъ уже отрѣшиться отъ всего, что передано ему языкомъ церковнымъ.

Убавленіе полногласія въ русской рѣчи было причиною и тому, что въ ней есть не мало словъ, происшедшихъ видимо отъ корней полногласныхъ, между тѣмъ какъ самыя корни уже изветшали или совсѣмъ забыты.

§ 48. Не бывъ ни вліяніемъ чуждымъ, ни произведеніемъ сѣвера, полногласіе русской рѣчи составляетъ ся *первобытное* свойство; и если бы оно не было родовымъ, исконнымъ ея достояніемъ, то его и совсѣмъ бы не было въ ней. Ибо нѣтъ никакой особенной причины къ такой перемѣнѣ, которая была бы вопреки общему ходу и славянской, и другихъ родственныхъ рѣчей. Извѣстно, что, на примѣръ, въ языкѣ греческомъ, полнозвучныя и протяженныя формы словъ принадле-

жать древнѣйшему времени, а сокращенныя явились и утвердились позднѣе. Сокращеніе тамъ происходило и въ корняхъ и въ окончаніяхъ словъ. Въ языкѣ новогреческомъ это обозначилось еще болѣе, чѣмъ въ эллинскомъ. Тоже въ разныхъ видахъ замѣчается и на другихъ родственныхъ рѣчахъ, и въ кругу славянскомъ. Я замѣтилъ уже (§ 36), что нѣкоторыя слова, у западной братіи нашей произносимыя сокращеннѣе нежели у насъ, у древнихъ Индовъ были съ такимъ же какъ у насъ, и даже съ бѣльшимъ полногласіемъ. Слѣдственно, полногласныя формы этихъ словъ чрезвычайно древнія. Извѣстно также, что на примѣръ, близкія къ намъ рѣки: *Днипръ*, *Прутъ*, въ отдаленнѣйшіе вѣка произносились полнозвучнѣе — *Данаприсъ*, *Пората*.

Изъ подобныхъ соображеній, а всего болѣе изъ самой рѣчи славянской, открывается, что она, при своемъ развитіи въ нынѣшніе языки и нарѣчія, сокращала свои древнія полныя формы словъ, и въ корняхъ, и въ окончаніяхъ.

§ 49. Наклонность къ сокращенію всего болѣе, и можетъ быть прежде всего, въ славянской рѣчи обнаружилась на окончаніяхъ словъ.

Такъ, вмѣсто слоговъ *as*, *os*, *us*, *is*, которыми къ другимъ индоевропейскимъ языкамъ красуются имена мужескія, славянская рѣчь дала имъ легкіе, полугласныя члены— *ъ* и *ь*. При этихъ господствующихъ въ славянскомъ кругу членахъ, другіе встрѣчаются только отрывочно, и не съ плотнымъ *с*, но съ плавкими звуками *н*, *л*, или съ полугласнымъ *й* (см. ниже въ статьѣ 14-й).— Въ именахъ женскихъ, великорусское нарѣчіе особенно любило и любить *ь* вмѣсто *и*, — наприм. мать, дочь, вмѣсто древнихъ — мати, дочи; даже вмѣсто *а*, — напримѣръ: бровь, молвь, темь, слоть, вмѣсто бровà, молвà, темà, слотà. Не говорю объ отглагольныхъ женскихъ именахъ — вѣсть, знать, бить, течь, мочь и другихъ, въ которыхъ *ь* поставленъ вмѣсто *и*, принадлежащаго неопредѣленному, а иногда повелительному наклоненію глаголовъ.— Въ именахъ среднихъ, вмѣсто иноязычныхъ окончаній *an*, *on*, *ut*, *en*, въ славянской рѣчи идутъ только гласныя *о*, *е*, и — *я*, которое, по справедливому замѣчанію Давыдова (въ Москвитянинѣ, 1843) есть также членъ средняго рода.

Тоже и въ падежахъ косвенныхъ. Такъ напримѣръ, во множественномъ числѣ, древнѣйшія и полныя окончанія родительнаго падежа

овъ, евъ, измѣняющіяся въ *ой, ей*, сокращены въ *ъ и ъ*. Полное окончаніе творительнаго падежа *ами, ями*, не рѣдко сокращается у насъ въ *ми, ъми*; а въ церковномъ и нѣкоторыхъ другихъ языкахъ въ *ы, и*.

5. Въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго (II. 314) принято наоборотъ: первоначальными славянскими окончаніями сего падежа признаны *ъ* и *ь*; изъ нихъ въ послѣдствіи сочинителями грамматикъ и писцами придуманы удвоенные *ьъ, ъъ*, а отсюда наконецъ произошли *овъ, евъ, ей*. Но еслибъ окончанія *овъ, евъ*, были слѣдствіемъ позднѣйшихъ грамматическихъ изобрѣтеній, тогда они очень бы поздно распространялись и утвердились въ народныхъ нарѣчіяхъ русскихъ и западнославянскихъ. А мы видимъ, что они во всѣхъ четырехъ удѣлахъ славянскихъ существуютъ издревле. Такъ во Фризинской рукописи 10-го вѣка, во всѣхъ трехъ молитвахъ, читаемъ: *geseow*. Въ Остромировомъ Евангеліи встрѣчаемъ: *грьховъ, вратевъ*. Это конечно ошибки прогивъ церковнаго языка; но онѣ свидѣтельствуютъ, что окончанія *овъ, евъ*, въ 11-мъ вѣкѣ были привычными въ выговорѣ новгородскомъ. Въ славянщинѣ сѣверо-западной писцы всего менѣе обращались съ ерами и ерями, а кое-гдѣ совсѣмъ ихъ не знали; но тамъ всего болѣе и господствуютъ полныя окончанія *овъ, евъ*. Въ языкѣ Лужичей окончаніе *овъ* удержалось даже при именахъ женскихъ: *душовъ, женовъ, руковъ, вм. душъ, женъ, рукъ*; — подобно тому, какъ первообразное славянское окончаніе творительнаго падежа *омъ*, у Сербовъ сохранилось и при женскихъ именахъ и нѣкоторыхъ мѣстоименіяхъ: *женомъ, землѣмъ, тобомъ, вм. женою, землею, тобою*.

Тоже и въ окончаніяхъ глагольныхъ. Не говоря о первомъ лицѣ изъявительнаго наклоненія въ единственномъ числѣ, упомяну объ немъ во множественномъ числѣ: только у Поляковъ оно произносится первообразно *мы*; а у Малороссіянь, Словаковъ, Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ измѣнилось въ *мо*; у Чеховъ, Болгаръ и Руси карпатской въ *ме*; у Мазуровъ въ *ма*; а въ церковномъ языкѣ, также у Великороссіянь и Галичанъ, сократилось въ *мъ*.— Древнее окончаніе втораго лица *ши* и *си* почти у всѣхъ Славянъ перешло въ *шь* или *шъ*.— Окончаніе третьяго лица *тъ* или *ть* совсѣмъ отброшено западными Славянами, что бываетъ не рѣдко и въ нарѣчіяхъ русскихъ. Новгородцы обходятся безъ него въ обоихъ числахъ: люби, любя; возьме, возьму. Въ среднерускомъ нарѣчій это бываетъ только въ единственномъ числѣ: идѣ, поѣ. Тоже и въ южнорускомъ, особливо послѣ *е*: идѣ, спѣвае, свѣтае, и спѣва, свѣта. У многихъ Червоноруссовъ *тъ* опускается и передъ *ся*: проси-се, вм. просится.— Глагольное окончаніе *ся*, измѣняемое одними въ *се*, другими въ *си* (особенно въ среднерускомъ нарѣчій—наѣлси, надумалси; а въ верхнерускомъ даже—наѣлсы, надумалсы; въ кievской лѣтоп.—сжалиси), часто сокращается въ *сь*.—

Такимъ образомъ и окончаніе неопредѣленнаго наклоненія *ти*, удерживается южною Русью, задунайскими Славянами, Чехами; но у сѣверной Руси оно сокращается въ *ть* или же обращается въ *ць* (тсь), какъ въ языкѣ Польскомъ; у Лужичей оно переходитъ даже въ *чь* (тшь).

§ 50. Изъ приведенныхъ и другихъ случаевъ видно, какъ часто въ концѣ славянскихъ словъ бывають полугласные звуки, вмѣсто своихъ же гласныхъ, или вмѣсто согласныхъ, употребляемыхъ языками иноплеменными. *Полугласность* окончаній составляетъ одно изъ замѣчательныхъ отличій Славянской рѣчи.

Св. Кириль глубоко проникъ въ природу славянской рѣчи, когда установилъ писать *ѣ* и *ь* въ концѣ словъ, въ языкѣ церковномъ. Неправъ Караджичъ, исключившій *ѣ* изъ своей новосербской правописи. Если въ языкѣ Сербовъ только четыре согласные звука *л* и *н*, *д* и *т* (?), не утратили еще способности соединяться съ *ь*-мъ; то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы *ѣ* былъ вовсе чуждъ для остальныхъ согласныхъ. И Добровскій поступалъ несправедливо, уничтожая *ѣ* въ концѣ словъ, въ языкѣ церковномъ.

Въ рускомъ языкѣ, гортаннонебные звуки не соединяются съ ъ-мъ. Но изъ - за этого ужели слѣдуетъ отнимать у нихъ ѣ? Напротивъ, онъ тѣмъ болѣе долженъ быть представленъ имъ, какъ полугласный звукъ, исключительно для нихъ угодный. Незнаю, можно ли сказать тоже и относительно сербскихъ согласныхъ звуковъ, непринимających еря. Но еслибы ѣ при этихъ звукахъ и утратилъ уже свое прежнее полугласное значеніе: все же онъ долженъ остаться, какъ привычный для славянской письменности показатель того произношенія согласныхъ буквъ, которое противоположно отонченію ихъ посредствомъ еря.

Что касается до уничтоженія ѣ и ъ въ правописи рускаго языка, то всѣ попытки на это остались безуспѣшными и напрасными.

Всего страннѣе видѣть изгнаніе еря изъ правописи языка южнорускаго, въ *Русалкѣ Днѣстровой* (напечатанной въ Будимѣ 1837 г.), въ которой такъ горячо защищается славянская азбука противъ ложнаго мнѣнія, будто на южнорускомъ языкѣ и должно и лучше писать латинскими буквами по правописи польской. Глядя на изгнаніе еря изъ этой книжки, невольно повторишь изрѣченіе: »духъ

животворить, а письма убиваетъ.» Пусть это дѣлають съ славянскихъ языкахъ письмена латинскія, которыми и теперь еще добровольно нуждаются многіе западные Славяне, какъ во время оно *нуждахуся* ими, по выраженію древняго черноризца Храбра. Но Славянинъ, пишущій славянскими или рускими буквами, не долженъ покидать безъ надобности того, что возникло изъ древней природы славянскихъ языковъ, что будучи справедливо по своему начальному исходу, и освящено тысячелѣтнимъ употребленіемъ, обратилось въ привычную, неотъемлемую принадлежность славянской письменности.

§ 51. Вѣроятно, что еще при первомъ наслѣдованіи родоваго запаса словъ, въ славянской рѣчи, вмѣсто санскритскаго *юванъ*, латинскаго *juvenis*, выговорено было *юнь*; а вмѣсто персидскаго *хымель*, исланд. *hushall*, латинс. *humulus* — *хмель*. Въ первомъ случаѣ выпущенъ цѣлый *слогъ*; а въ последнемъ только *гласный звукъ*.

Этими двумя способами корни словъ теряли и впоследствии полноту свою. Первымъ способомъ, т. е. *опущеніемъ слоговъ*, напри- мѣръ, древнее слово *комонь*, бывшее долго и у русскихъ и у западныхъ Славянъ, сокра-

тилось въ *конь*; и эта форма вытѣснила первую. Такимъ же образомъ слова: *человѣкъ*, *говорить*, *видишь*, у многихъ Великороссіанъ сокращаются въ *челькъ*, *итъ*, *вишъ*; сладость въ *сласть*; четверть въ *четь*. По-церковнославянски: *ръхъ*, *ръста*, вмѣсто *рѣкохъ*, *рѣкоста*.

Сюда же принадлежитъ происхожденіе словъ *царь*, *царство*, изъ *цесарь*, *цесарство*, которыя сначала сокращались только въ *цьсарь*, *цьсарство*. Прежнія полнѣйшія формы этого слова видны изъ многихъ древнихъ памятниковъ русскихъ и западнославянскихъ, начиная съ Фризинской рукописи, гдѣ написано *zesarstno*.

Такимъ же образомъ у католическихъ Славянъ латинскія слова *vigilia*, *missa*, сократились въ *вилія*, *миа*. —

Показавъ склонность къ сокращенію на *окончаніяхъ* словъ и на опускаемыхъ *словахъ*, обратимся теперь къ сокращенію или опущенію *гласныхъ* звуковъ *корневыхъ*, которымъ особенно *истощалось* древнее славянское *полногласіе*.

§ 52. Слѣдуя общей склонности къ сокращенію древнихъ формъ, славянская *рѣчь* утратила свое *полногласіе* *наиболѣе* въ запад-

ной половинѣ, особенно въ удѣлѣ югозападномъ; ибо въ той половинѣ она испытала больше дробленія и внутренняго измѣненія, перейдя степень развитія. лишнюю противу восточной или русской (см. § 28), и развиваясь при непрестанномъ столкновеніи и общеніи съ нѣмецкою рѣчью, гдѣ такъ много утрачено полногласіе словъ, общихъ индоевропейскому говору.

Что въ рѣчи западнославянской, вообще говоря, сокращенныя формы словъ происходили изъ полнѣйшихъ, а не на оборотъ, въ томъ не должно сомнѣваться. Для примѣра приведу знаменитое имя Грекъ, по-лат. Graecus: по-церковнославянски оно сокращено въ *Гръкъ*, по-сербски въ *Гркъ*, — также какъ и свое собственное имя, въ языкѣ Сербовъ, обратилось въ *Срта*, — какъ имя Готовъ сокращаемо было у насъ въ *Гьти*. Подобно тому и слова: король, монахъ, передѣлались въ *краль* или *кроль*, *мнихъ*. Глаголы — писать, пытатъ (въ лат. petere), прыскать (въ санскр. пришь), фыркать, глотать (въ лат. glutire), въ чешскомъ языкѣ сокращаются въ *псати*, *птати*, *пркати*, *фркати*, *глтати*. Такъ и глаголь сосати, по-сербски 'сисати, по-чешски, южноруски и церковнославянски произносится *ссати*; то же и въ нарѣчіяхъ

бѣлорускомъ (ссаць) и среднерускомъ (ссать). Малороссіяне говорятъ: *сѡхну* и *схну*.

Что подобныя опущенія корневыхъ гласныхъ бывали и въ древнѣйшей Славянщинѣ, въ примѣръ тому укажу еще на имена: *сноха* (по-польски сынѡва), *пшеница* (по-среднеруски пашеница), очевидно происшедшія отъ словъ сынъ, пашу. Такимъ же образомъ церковныя формы *мѣчь*, *дѣнь*, *овѣсь*, произошли изъ полногласныхъ мечь, день, овесь; имена: персть, торгъ, волкъ, перешли въ *прстѣ*, *трѣ*, *влкѣ*. Принимать обратное, значить противорѣчить и общему ходу развитія славянской рѣчи, и господствующему выговору приведенныхъ словъ не только въ русскихъ, но и въ западнославянскихъ нарѣчїяхъ, а также и въ разныхъ другихъ языкахъ индоевропейскихъ.

§ 53. Для убѣжденія въ сказанномъ, взглянемъ на упомянутыя слова въ разныхъ языкахъ.

Мечь, по-сербски *мачь*, почти у всѣхъ Славянъ произносится съ полнымъ гласнымъ звукомъ *е*, древность котораго видна и изъ Фризинской рукописи (*metsi*), и изъ языковъ готскаго (*mekis*), исландскаго (*maekir*).

День почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчїяхъ произносится съ гласнымъ звукомъ послѣ *d*,— у однихъ съ *e*, какъ и во Фризинской рукописи (*den*), а у Сербовъ и нѣкоторыхъ другихъ съ *a*. Тоже и по-литовски— *diena*, по-санскритски— *динамъ*, по-латинѣ *dies*, по-исландски— *deign*.

Имя *овесъ*, по-лужицки *вовесъ* и *говесъ*, сокращено изъ *овесъ* или *авѣсъ*, которое у большей части Славянъ произносится съ полнымъ гласнымъ звукомъ послѣ *v*. Въ южнорускомъ языкѣ, какъ и въ лужицкомъ, оно произносится съ придыханіемъ: *овесъ*, въ род. пад. *вѣвса*; нѣкоторые Червоноруссы выговариваютъ — *говесъ*, другіе — *йовесъ*.

Подобно тому и слово *персть*, по-литовски *перптасъ*, у большей части Славянъ сохраняетъ полный гласный звукъ, различно измѣняемый: *порсть*, *парсть*. Тоже и слово *торъ*, по-исланд. *torg*, финс. *tori*, по-литов. *тургусъ*, по-хорватски *теръ*, у Поляковъ и другихъ *таръ*. Но у Сербовъ и Чеховъ эти два слова, подобно многимъ другимъ, сократились въ *тръ*, *пртъ*, или по-церковнославянски *тръгъ*, *пррътъ*, также какъ — *пърсь*, *псь*, *вм. персь*, *песь*.

Имя *волкъ*, въ нѣмецкомъ *wolf*, по-польски *вилкъ*, литовск: *вилкасъ*, по-лужицки *волкъ*,

по-церковнославянски, словацки и чешски сокращенно — *вѣлкъ*, *вѣкъ*. Въ южнорускомъ и бѣлорускомъ это слово произносится *вовкъ* или *воўкъ*: отсюда хорватосербская форма *вукъ*.

§ 54. Изъ этихъ и множества другихъ словъ открывается ясно, что славянская рѣчь, въ большей части своихъ западныхъ языковъ, часто мѣняетъ одинъ гласный звукъ на другой, нерѣдко перемѣняетъ его мѣсто при согласномъ звукѣ, однако выговариваетъ ихъ гласно, иногда даже доегласно. Дѣлая это, она не *вставляетъ*, не *прибавляетъ* полныхъ гласныхъ звуковъ, вмѣсто полугласныхъ *ѣ* и *ь*; но удерживаетъ ихъ, какъ звуки коренные, искони принадлежащія ей словамъ, сохраняемые и въ разныхъ другихъ языкахъ иноплеменныхъ.

Древнее славянское полногласіе въ сѣверо-западномъ удѣлѣ сохранилось болѣе, нежели въ югозападномъ. Истощеніе словъ до безгласія бываетъ только, какъ частный случай, при однихъ плавкихъ звукахъ *л* и *р*, въ языкѣ словацкомъ; въ чешскій языкъ это вошло только отчасти, и не выдерживается такъ постоянно, какъ это бываетъ у Сербовъ при звукѣ *р*. Но въ языкѣ хорутанскомъ и церковномъ, можно сказать, на всю рѣчь рас-

пространено обращеніе коренныхъ гласныхъ, особливо *о* и *е*, въ звуки подугласные. Тамъ оно бываетъ не только при *л* и *р*, но и при другихъ согласныхъ: въ церковномъ языкѣ—съ строгимъ различеніемъ дебелаго *ъ* и тонкаго *ь*; въ хорутанскомъ—съ безразличіемъ ихъ въ одномъ легкомъ или среднемъ подугласномъ звукѣ,

С Т А Т Ь Я VI.

О существенномъ отличіи русской рѣчи отъ западнославянской.

§ 55. Полногласіе, сохраненное рускою рѣчью больше, чѣмъ западнославянскою; отличительнымъ образомъ означилось при звукахъ *л* и *р*. Въ русской рѣчи эти звуки нерѣдко обставлены двумя гласными, преимущественно *о-о* и *е-е*; на примѣръ—волось, порохъ, дерево; по бѣлорускому произношенію—вблась, порохъ, дзѣрева. Это формы рускія или восточнославянскія, которыхъ почти нѣтъ въ Славянщинѣ западной. Тамъ

въ обоихъ удѣлахъ, въ словахъ этой породы, постоянно опускается одинъ, обыкновенно первый гласный звукъ, а иногда даже оба: влосъ, прохъ, или власъ, прахъ; древо, дри-во, древо, и дрво. Это формы западнославянскія, которыхъ не было сперва въ русской рѣчи, и которыя принимались въ ней уже послѣ, какъ переселенцы западные, всего больше изъ языка церковнаго. Распространяясь и водворяясь въ русской рѣчи, онѣ стѣсняли и даже вытѣсняли собою ея собственныя, народныя формы словъ. Отъ того въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ уже не слышны многія полногласныя этой породы слова, какія часто представляетъ наша древняя письменность. Одни изъ нихъ удержались только въ областныхъ нарѣчїяхъ; иныя совсѣмъ вывелись; нѣкоторыя измѣнили и даже перемѣнили свое прежнее значеніе. Такъ напримѣръ, въ древнихъ русскихъ памятникахъ, особливо въ лѣтописяхъ, часто встрѣчаются слова: мѳрочно, заборѳло, сѳромъ, хорѳрый, бѳлого, волѳга, вѳлосъ, волѳти, терѳба, даже верѳма, — вм. мрачно, забрало, срамъ, храбрый, благо, влага, власть, треба, время.

Эти и другія слова ясно свидѣтельствуютъ, что обстановка звуковъ *л* и *р* двумя гласными, въ срединѣ словъ этой породы,

ведется въ русской рѣчи издревле, и что она убавилась въ ней уже послѣ. Потому напрасно называются у насъ *новыми* слова: порохъ, сторожъ, голова, беремя; а прахъ, стражъ, глава, бремя — *старинными*.

§ 56. Многія слова этой отличительной породы отстали у насъ совсѣмъ отъ прежней своенародной формы и присвоили себѣ западную. Но много и такихъ, особливо относящихся къ домашнему быту и къ русской природѣ, которыя совсѣмъ не приняли западной формы, напримѣръ: *человѣкъ*, *селезень*, *береза*, *черепъ*, *черень*, *ворохъ*, *боровъ*, *горохъ*, *торокъ*. Нѣкоторыя изъ такихъ словъ сохранили свой собственный видъ и на европейскомъ западѣ, перейдя туда съ нашего рускаго востока — въ языкъ угорскомъ или мадьярскомъ; напримѣръ: *колода*, *калашъ* (*колосъ*), *борона*, *баразда*, *берекъ* (*берегъ*). Въ самой рѣчи западнославянской встрѣчается изрѣдка полногласіе этого вида, какъ неожиданный слѣдъ старины первобытной. Такъ, имя кустарника *деренъ*, сокращенное западными Славянами въ *дрень*, *дринъ*, по-польски *дерень*. Слово *черешня* (*cerasus*) такъ выговаривается и у Словаковъ, безъ сокращенія въ *чрешня* или *трешня*. Въ старочешскомъ

языкѣ встрѣчаются слова *перепель*, *черевъ*, *черепъ*; въ старопольскомъ — *череда*, *череня*. Имя *нóровъ* или *норóвъ*, понынѣ ведется въ южной и сѣверной Руси, хотя у насъ принялась и церковная форма *красъ*. У Поляковъ также держится еще древняя, полногласная форма — *нóрувъ* или *норувъ*; у Хорватовъ и Сербовъ — *наравъ*.

§ 57. Припомнивъ сказанное выше о древности рускаго полногласія вообще, можемъ утвердительно сказать, что обстановка звуковъ *л* и *р* двумя гласными въ срединѣ словъ ведется у Руси не съ какого нибудь 10-го или 11-го вѣка, а съ незапамятнаго времени, искони. Съ такимъ же полногласіемъ встрѣчаются многія наши слова и въ другихъ родственныхъ рѣчахъ, напримѣръ въ литовской и въ индской.

Такъ слова: *волосъ*, *колода*, *болото*, сокращенныя по-западнотславянски во *власъ*, *клада*, *блато*, подходятъ къ санскрит. *бала* (лат. *vellus*), самогитск. *каладе*, санскрит. *балала*.

Слова: *ворохъ*, *боровъ*, *сорока*, сокращенныя по-западнотславянски въ *брогъ* и *бргъ*, *бравъ*, *срока* и проч., соотвѣтствуютъ литовскому — *барагасъ*, санскритскимъ — *варяга*, *саранга*.

Западнославянское слово прохъ или прахъ, у насъ издревле произносилось *порохъ* или *пóрахъ* (пыль). Это видно изъ пѣсни о полку Игоревѣ, въ которой читаемъ : » *поро-си* поля прикрываютъ «; также изъ производныхъ *поро́ша*, *порошóкъ*, *порохня* и проч. По - санскритски это слово *парага*; по - литовски *паракасъ*. Но когда въ рускомъ языкѣ принялась западная форма — *прахъ*, то прежняя полногласная присвоилась преимущественно пороху огнестрѣльному, который въ Московской Руси еще въ 17-мъ вѣкѣ назывался *земель*.

6. Кромѣ сличенія нашихъ словъ съ другими индоевропейскими языками, какое сей часъ я представилъ, можно иногда и по другимъ соображеніямъ заключать о древности нашихъ полногласныхъ формъ. Напримѣръ, слово *мóрокъ* извѣстно издревле въ русской рѣчи, съверной и южной. Отъ него производныя : *мóрочно*, *морóчить*, *суморокъ* (у Нестора), *обморокъ*, *намороки* и т. д. Въ южнорускомъ языкѣ и теперь существуютъ слова : *мордка* (затмѣніе, затрудненіе), *замордка* (очаровательница). У западныхъ Славянъ слово *морокъ* сократилось въ *мрокъ*, *мракъ*, *мркъ*. Но глубокую древность полногласной формы его можно примѣтить въ имени *Оморока* : по ученію вавилонскаго жреца Бероза, это была женщина - тѣма, которую богъ *Бъла* расчлѣкъ надвое. — Такъ и названіе съвернаго моря *magi-maguza*, приводимое Плиніемъ въ его Исторіи Міра, указываетъ на слово *морозъ*, сокращенное западными Славянами въ *мразъ*, *мрузъ*.

Обстановку звуковъ *л* и *р* я встрѣчаю въ древнѣйшихъ языкахъ, напримѣръ санскритскомъ; нахожу, что она въ древней русской рѣчи была употребительнѣе, чѣмъ теперь; что она въ ней выдержана болѣе и правильнѣе, чѣмъ въ другихъ родственныхъ рѣчахъ; что была нѣкогда она и въ западнославянской рѣчи; а потому этотъ видъ полногласія я признаю не только древнимъ отличіемъ русской рѣчи, но и принадлежностью первобытной рѣчи славянской.

§ 58. Кто поставляетъ основными и первоначальными формами славянскихъ словъ такія негласныя формы, какъ *wlk*, *krt*, *wgw*, *srst* (шерсть), *mrk*, *drwo*; тому, конечно, приходится говорить противное, т. е., что не только въ русскихъ словахъ — дерево, морокъ, но и въ общеславянскихъ — волкъ, кротъ, вервь, шерсть, и въ западнославянскихъ — вилкъ, мрокъ, древо — гласные звуки *о*, *е*, *и*, суть прибавочные, дополнительные, вставные. Но мы уже видѣли, что такое понятіе несогласно ни съ рускою рѣчью, ни съ произношеніемъ, господствующимъ въ большей части западнославянскихъ языковъ.

Такимъ же образомъ, отправляясь отъ западныхъ формъ съ однимъ гласнымъ зву-

комъ при *л* и *р*, приходится говорить, что въ рускихъ словахъ — берегъ, дерево, береза, человѣкъ, жолобъ, золото, порохъ, корова, звуки *е* и *о* передъ *л* и *р* вставные, прибавочные.

Такъ и дѣйствительно называются они у Шафарика, главнаго нынѣ представителя западнославянской филологіи. Въ его Славянскомъ Народописаніи (на стр. 9), этотъ первый отличительный признакъ русской рѣчи выраженъ такъ: »вставное *е* и *о* между плавкими *л* и *р*, и нѣмыми согласными.» Это ошибка въ первомъ признакѣ русской рѣчи.

Почему эти звуки вставные? Не ужели потому только, что ихъ нѣтъ въ западнославянскихъ формахъ: брегъ, древо, береза, человѣкъ, жлабъ, злато, прахъ, крава?—Но въ русской рѣчи эти мнимоставные звуки ведутся съ незапамятнаго времени; и она стала обходиться безъ нихъ уже послѣ, и большею частію по примѣру и вліянію западнославянскому.

Эти гласные звуки бываютъ посредниками у *л* и *р* не только съ *нѣмыми*, но и съ другими плавкими или текучими, т. е. и съ *н*, и съ *м*, и съ *в*; на примѣръ: норовъ, морозъ, Володиміръ. Изъ этихъ трехъ словъ первый звукъ *о* исключенъ западнославянски-

ми нарѣчіями точно также, какъ исключень ими коренной звукъ *у*, изъ слова муравей, обращеннаго ими въ мравій, мравь, мрава, и т. д. А что звукъ *у* здѣсь коренной, въ томъ можно убѣдиться сравненіемъ съ другими языками; наприм. персид. муръ, исланд. тауг.

Вышеприведенное Шафариково опредѣленіе недостаточно и потому ещё, что не отдѣляетъ ясно русской формы отъ нѣкоторыхъ западнославянскихъ, напримѣръ, отъ кашубской и полабской (см. § 63).

Западнославянскія формы — мракъ, брөгъ, древо, въ такомъ же отношеніи находятся къ православыянскимъ, сохранившимся на Руси словамъ — морокъ, ворохъ, дерево, какое къ нимъ самимъ имѣютъ истощенныя формы — мркъ, бргъ, дрво; въ какомъ чешскія слова — влкъ, српъ, находятся къ общеславыянскимъ — волкъ, серпъ. Сначала стали обходиться однимъ изъ двухъ гласныхъ звуковъ, признавъ другой лишнимъ; а потомъ стали опускать и оба. Таковъ, мнѣ кажется, былъ ходъ этого дѣла въ рѣчи славыянской.

§ 59. Въ той породѣ словъ, гдѣ руская рѣчь обставляла и обставляетъ еще звуки *л* и *р* двумя гласными въ серединѣ словъ, западнославыянская рѣчь оставляетъ одинъ изъ

нихъ, а иногда опускаетъ даже оба. Такое опущеніе одного изъ двухъ гласныхъ господствуетъ во всей западной Славянщинѣ, не смотря на различіе языковъ ея. Опущеніе обоихъ гласныхъ составляетъ частное уклоненіе отъ этого общаго правила. Еще рѣже встрѣчается удержаніе обоихъ гласныхъ, какъ слабый слѣдъ старины первобытной (§ 56). Опущеніе одного изъ двухъ гласныхъ звуковъ, безъ сомнѣнія, произошло въ слѣдствіе общей наклонности къ сокращенію древнихъ формъ, для которой здѣсь, при двухъ гласныхъ, такъ удобно было удовлетвориться. Можетъ быть и здѣсь было сперва только утонченіе перваго гласнаго звука въ полугласный, т. е. вмѣсто чловѣкъ, голова, городъ, дерево, было сперва — чьловѣкъ, гълава, гърадъ, дьрево, и уже послѣ стало — чловѣкъ, глава, градъ, древо. Но въ древней церковной правописи, принадлежащія сюда слова, почти не встрѣчаются съ полугласнымъ звукомъ вмѣсто полнаго гласнаго; слѣдственно, уже и въ церковномъ языкѣ былъ вовсе непримѣтенъ первый гласный звукъ, опускаемый западнославянскою рѣчью. Онъ опускается почти постоянно въ обоихъ ея удѣлахъ. Потому можно полагать, что это произошло въ глубокой древности, вѣроятно еще при первомъ

отдѣленіи западнославянской половины отъ восточнославянскѣй или русской.

И такъ, обстановка звуковъ *л* и *р* двумя гласными— въ русской рѣчи, и опущеніе одного изъ нихъ, особенно перваго— въ рѣчи западной, въ той же породѣ словъ: вотъ древнѣйшій и главнѣйшій признакъ двухъ половинъ славянскѣй рѣчи. Онъ принадлежитъ къ *полногласію*, которое составляло первобытное свойство славянскѣй рѣчи. Онъ служитъ показателемъ общаго отношенія между основными стихіями слова, т. е. звуками гласными и согласными. Потому этотъ признакъ, по всей справедливости, можно считать и называть *существеннымъ*.

С Т А Т Ь Я VII.

О видоизмѣненіяхъ существеннаго признака въ языкахъ славянскихъ.

§ 60. Первоначальныя формы славянскихъ словъ были полнозвучнѣе и многосложнѣе; а сокращенныя явились послѣ. Тоже примѣтно и въ другихъ родственныхъ *рѣчахъ*. Тѣмъ же ходомъ шла и органическая природа,

въ образованіи своихъ *родовъ*: сперва они являлись въ полнѣйшемъ выраженіи, видами совершеннѣйшими; а подѣ-конецъ, какъ-бы усталая жизнь рода производила менѣе полные, низшіе виды. Зачѣмъ же филологія наша будетъ держать не тотъ путь, какимъ шла въ своемъ развитіи славянская рѣчь? Зачѣмъ она, при разборѣ словъ какого нибудь корня, въ первообразныя формы ему ставитъ не древнѣйшія и полнозвучныя, а недоноски и недомолвки?... Одно нарѣчіе опустило гласный звукъ; другое къ тому не выговоритъ еще нѣкоторыхъ согласныхъ; и такимъ образомъ, напримѣръ, слова: *холодъ*, *горохъ*, *верхъ* или *верѣхъ*, — произносимыя у Чеховъ: *хладъ*, *грахъ*, *врхъ*, — въ устахъ сербскихъ, не выговаривающихъ *х*, обращаются въ *ладъ*, *гри*, *връ*. Лужици и Хорваты, опускающіе начальное *в*, вмѣсто *вѣлесъ*, говорятъ — *лесъ*, *ласъ*. Нижніе Лужици, опускаая начальный *г*, и вмѣсто *голосъ*, говорятъ — *лосъ* или *восъ*. Какъ же начинать съ недомолвокъ, гдѣ утрачены уже разные звуки, принадлежащіе къ полному, первоначальному виду словъ; гдѣ иногда съ перваго взгляда нельзя и признать тѣхъ словъ, отъ которыхъ эти недомолвки ведутъ свое начало!

§ 64. Почему звуки *л* и *р* имѣютъ такую діагностическую важность въ славянской рѣчи, что на нихъ означилось первостепенное различіе двухъ половинъ славянскихъ? Этотъ вопросъ остается для меня нерѣшеннымъ. — Здѣсь я желаю осмотрѣть только видоизмѣненія тѣхъ словъ, на которыхъ обозначилось существенное различіе обѣихъ половинъ славянской рѣчи.

Для этого, не лишнимъ считаю замѣтить сначала, что *главную* разницу этимъ словамъ даетъ *число* (или присутствіе и отсутствіе) принадлежащихъ имъ гласныхъ звуковъ, напримеръ: дерево, древо и дрво. Что касается до замѣны коренныхъ гласныхъ *о* и *е* другими гласными звуками, то она составляетъ здѣсь *второстепенное* дѣло, отъ котораго зависитъ дальнѣйшее, менѣе важное разнообразіе словъ. — Въ главной разницѣ тѣхъ словъ вообще, которыя первоначально устроены были съ двумя гласными звуками, различіемъ еще два способа измѣненія.

Одинъ, болѣе общій, состоитъ въ опущеніи *второго* гласнаго звука. Становясь шаткимъ и бѣглымъ, при грамматическихъ перемѣнахъ словъ, этотъ второй звукъ совсѣмъ опускается изъ нихъ, — смотря по произволу и вкусу нарѣчій. Такимъ способомъ,

напримѣръ, слово *боберъ* (по-лужицки биборъ, по-нѣмецки *biber*, *bever*, по-латински *fiber*) сократилось въ *бобрь* и *бебрь* (по-хорутански *пибръ*, по-исландски *biŕr*).

Имя *огонь*, во всѣхъ славянскихъ языкахъ (кромѣ церковнаго и болгарскаго) удержавшее оба гласные звука — *агонь*, *огень*, *огинь*, *огань*, по-лотышски *уггунь*, — сокращено въ церковнославянское *огнь*, санскритское *agni*, латинское *ignis*, литовское *ignis*. Тоже и въ именахъ *уголь* (у другихъ славянъ — *угель*, *вугель*, *нугель*, по-латин. *angulus*), *уголь* (по-санскр. *angara*), *угорь* (по-литов. *унгурисъ*): они сократились въ *угль*, *угль*, *урь*.

Этимъ же способомъ, многія слова изъ нашей отличительной породы, сокращены въ рѣчахъ литовской и нѣмецкой, не имѣя тамъ діагностической важности. По-литовски: *гальва*, *вальдита*, (по-нѣм. *walden*, *walten*), *велку*, *варнасъ*, *берзасъ*, — *вм.* голова, *володѣти*, *волоку*, *ворона*, *береза*. Въ нѣмецкой рѣчи: по-датски *kold* (готск. *kalds*, нѣм. *kalt*, *chalt*), *gards* или *gardr*, *bart*, *mork*, *berg* — *вм.* *холодъ*, *городъ*, *борода*, *морокъ*, *берегъ*.

Но въ рѣчи славянской такое сокращеніе словъ *отличительной породы* встрѣчается рѣдко, только какъ частное или мѣстное

уклоненіе отъ господствующаго закона; именно на словахъ съ середочнымъ звукомъ *р* — (у Полабцовъ и Кашубовъ, отчасти у Болгарь, и еще рѣже у другихъ Задунайцевъ). Господствуетъ въ Славянщинѣ другой способъ измѣненія словъ этой отличительной породы. Въ западнославянской рѣчи они сокращены выпускомъ *перваго* гласнаго звука; въ русской рѣчи они удержались съ двумя постоянными гласными звуками. Въ этомъ *постоянствѣ* обонхъ гласныхъ звуковъ и состоитъ отличіе древне-русской и собственно-русской формы, въ словахъ отличительной породы. По этому признаку, слова жерло, дернь, тернь, верхъ, — хотя и произносятся у насъ по-южноруски — *жерело, дерень, терень*, по-верхнеруски — *верѣхъ*; но они не принадлежатъ къ отличительной породѣ, и имѣютъ только наружный видъ ея.

§ 62. Въ южнорускомъ языкѣ, въ словахъ отличительной породы, при обстановкѣ звука *л* двумя *о*, оба они сохраняютъ коренной видъ, не переходятъ ни въ *а*, ни въ *е*: золото, голосъ, молоко, даже чловѣкъ. Тоже при обстановкѣ звука *р* двумя *о*: корова, морозъ. Немногія изъ принадлежащихъ сюда словъ подчиняются любимо-

му южнорускимъ языкомъ обращенію *о* къ *и*; напр. порогъ и порѳгъ, борода и борѳдка.

У Сѣверной Руси, — въ нарѣчіяхъ говорящихъ на *о*, оба *о* остаются неизмѣнными. Но въ остальныхъ нарѣчіяхъ только тогда выговаривается *о*, когда на немъ приходится удареніе; въ противномъ случаѣ *о* переходитъ, по обыкновенію, въ *а*. Напримѣръ: борода — барада, порогъ — парѳгъ, порохъ — порѳхъ.

При обстановкѣ звука *р* двумя *е*, въ южнорускомъ языкѣ оба они выговариваются сполна. У сѣверной Руси часто одинъ *е*, особливо второй, обращается въ *ё* (= *ьо*). Кроме того, въ бѣлорускомъ нарѣчіи звукъ *е* безъ ударенія часто мѣняется на *я*, нерѣдко на *и*, иногда на *а*; напримѣръ: бярёза, бѣригъ, биряжѣ (береги), сирабрѳ.

Западнославянскій способъ сокращенія распространился на Руси вмѣстѣ съ языкомъ церковнымъ. Во многихъ словахъ ведется еще древнее русское произношеніе; но инья уже не могутъ быть сказаны по старобытной русской формѣ, хотя она и видна въ словахъ производныхъ. Говорится, напримѣръ: сбѳдъ, солѳдовый корень; но прилагательное имя солѳдкѣй услышите только въ южнорускомъ язы-

къ, въ бѣлорускомъ нарѣчїи и кое-гдѣ въ великорускомъ простонародїи; а въ избранномъ рускомъ языкѣ говорится уже по-церковнославянски — *сладкій*. Въмѣсто *преставился*, только въ сказкахъ и пѣсняхъ осталось *переставился*.

Отъ смѣшенїя западнославянскихъ, или ограниченнѣе говоря, церковныхъ формъ съ народными рускими, произошла та двойственность и та разница словъ, о которой говорено выше: хранить и хоронить, храмъ и хоромъ, хоромы предъ и передъ, шлемъ и шеломъ, и т. д.

§ 63. Въ западной Славянщинѣ, — сообразно южнорускому произношенїю, удерживающему *о*, — Лужичи и Поляки послѣ *л* ставятъ обыкновенно *о*: злото, глосъ. Но въ церковномъ и остальныхъ славянскихъ языкахъ послѣ *л* ставится обыкновенно *а* — злато, гласъ, — въ соотвѣтствїе нарѣчїямъ бѣлорускому и среднерускому.

Полабцы также говорили: злата, гласъ, млака или млаўка. Последнее слово сокращается въ *млоко* только Лужичами и нѣкоторыми Кашубами; а Поляки и почти все остальные Славяне выговариваютъ — *млико* и *млеко*.

Это измѣненіе звука *o* на *e*, составляетъ замѣчательнѣйшее уклоненіе отъ показанныхъ выше двухъ главныхъ формъ. Такъ въ словахъ *полонъ*, *волоку*, только Поляки ставятъ *o* — *плонъ*, *влоке* (луж. *лаку*); а у прочихъ Славянъ ставится *e*: *плѣнъ*, *влѣку*. Въмѣсто *жолобъ*, только Словаки и Чехи говорятъ *жлабъ*; а югозападные Славяне, вопреки господствующему своему выговору, говорятъ — *жлебъ*; а вмѣсто *шоломя* или *шеломя*, *шеломъ* — *шлеме*, *слѣмя*, *шлемъ* и проч. Въмѣсто *глава*, Болгары говорятъ — *глева*.

При звукѣ *r*, обставленномъ двумя *o*, въ западной Славянщинѣ господствуетъ тоже обыкновеніе. Поляки и Лужичи послѣ *r* ставятъ *o*, иногда измѣняемый въ *u*, напримѣръ *крова* или *крува*, *мрозъ* или *мрузъ*, *прогъ*. Но Чехи и Словаки склоняются и здѣсь на сторону югозападныхъ Славянъ, и наравнѣ съ ними послѣ *r* ставятъ *a*: *крава*, *мразъ*, *прагъ*.

Постоянное уклоненіе отъ этого представляется въ кашубскомъ нарѣчій и въ языкѣ полабскомъ. Тамъ, изъ двухъ гласныхъ звуковъ, у насъ постоянныхъ, удерживается не второй, какъ бы слѣдовало по общему западнославянскому обычаю, но первый, по обычаю литовскому. Кашубы, напримѣръ, вмѣсто *порогъ*, *ворона*, *сорока*, говорятъ: *паргъ*,

варна, сарка. Полабцы говорили: ворна, корво, морзь, ворта, и проч.

При обстановкѣ звука *р* двумя *е*, въ западной Славянщинѣ оставляется обыкновенно второй *е*, который произносится у однихъ *е*, у другихъ *и*; потому въ древней церковной правописи послѣ *р* въ этихъ словахъ было писано *ь*: прѣдъ, прѣжде, брѣгъ, врѣмя, дрѣво, чрѣда. Сходно съ этимъ и послѣ *л* слѣдуетъ по-западнославянски писать однообразно: млѣко, влѣку, какъ пишется плѣнь, плѣти (полоть), млѣти (молоть). Въ языкахъ польскомъ и чешскомъ звукъ *р* въ этомъ случаѣ дѣлается шерсткимъ (*рж* или *ри*), хотя послѣ него *е* перемѣняется на *о*.

Подобная перемѣна звука *е* на *о* или *а*, бываетъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, напримѣръ: вмѣсто дрѣво (= древо и дриво), въ нижнелужицкомъ — дрово, въ полабскомъ драва, въ болгарскомъ драво. Въ поднарѣчьяхъ сербскихъ говорятъ еще — дерво, дарво.

§ 64. Такимъ образомъ порода словъ, которая въ русской рѣчи искони отличена обстановкою середочныхъ звуковъ *л* и *р* двумя гласными, въ западнославянской рѣчи уравнивается съ другою породою, которая и въ рус-

кой и въ другихъ рѣчахъ имѣеть только одинъ гласный звукъ, при середочныхъ *л* и *р*.

Лишь немногія слова (см. § 56) первой породы въ западныхъ нарѣчіяхъ попадаютъ изрѣдка въ своей древней двухгласной формѣ. Обыкновенно же они остаются тамъ съ однимъ гласнымъ звукомъ; *вм.* волосъ (санскр. бала), селезенка, порошокъ (санскр. парага), короткій, среда, стерегу, — *в*лосъ или *в*ласъ, слезень или слезена, прохъ или прахъ, кроткій или краткій, среда, стрегу; но нигдѣ нѣтъ — *в*лсъ, *с*лзена, *п*рхъ, *к*рѣкій, *с*рда, *с*тргу.

Слова второй породы во многихъ западнославянскихъ нарѣчіяхъ часто теряють свой гласный звукъ; слеза, перстъ, кротъ, сердце, серна, верба и проч. обращаются въ слза, прстъ, крѣтъ, сердце, срна, врба. (При этомъ у Сербовъ, на мѣстѣ *л* и опускаемаго гласнаго звука, становится *у*: суза, вукъ).

Одинокость гласнаго звука при *л* и *р*, въ этой породѣ словъ, есть собственная и высшая степень ихъ полногласія. Они и въ русской рѣчи не бываютъ съ другимъ гласнымъ;'

7. Исключается отсюда передѣлка нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ на рускую статью; напримѣръ у Нестора: „и вложиша и (В. Кн. Владиміра) въ корсту мороморлану“ — *вм.* мраморлану.

нигдѣ не говорятъ : волокъ, селеза, короть, вереба, вж. волкъ, слеза, кротъ, верба. Можно сказать, что слова этой породы средо имѣютъ *одинъ* гласный звукъ при *л* и *р*; между тѣмъ какъ слова первой породы возникли съ *двумя* гласными, и уже послѣ стали съ однимъ.

При такомъ уравненіи первой породы словъ со второю, и нѣкоторыя слова ея подверглись тому же опущенію гласнаго звука, отъ котораго *л* и *р* въ срединѣ словъ остаются обнаженными. Напримѣръ дерево, древо, дрво; ворохъ, брогъ, бргъ; молонья, млня, муна. Это бываетъ рѣдко на словахъ первой породы, — какъ исключеніе изъ правила, подобное тому, какое въ области двудольныхъ растений представляетъ повилика (*cuscuta*), имѣющая безъъменодольный ростокъ вмѣсто двудольнаго. —

Указавъ на это уклоненіе въ западнославянской рѣчи, можно замѣтить еще другое уклоненіе: опущеніе основныхъ звуковъ *л* и *р*, съ удержаніемъ только слѣдующаго за ними гласнаго. Это бываетъ еще рѣже, и почти исключительно на словахъ начинающихся съ *ч*. Вмѣсто черево, череда, черешня, сокращаемыхъ въ чрево, чреда, чрешня, — по-верхнекраински говорится: чева, чеда, чешна.

Вм. *человѣкъ*, сокращенно *чловѣкъ*, по-сербски — *човѣкъ*. Сюда же подходит сокращеніе *елова* молоко въ *млоко* и *моко*, въ нарѣчій *кашубскомъ*. Это тоже, что конь *вм. комонь*, т. е. этимъ измѣненіемъ разсматриваемая порода полногласныхъ словъ входитъ въ общую колею сокращенія словъ выпускомъ цѣлыхъ *словъ* (§ 51).

§ 65. Нисхождение различныхъ породъ на однѣ и тѣже несовершенныя, уклоненныя формы, ни сколько не опровергаютъ дѣйствительности породъ; также, какъ уклоненія словъ отъ существеннаго ихъ признака не опровергаютъ его значительности. То и другое представляетъ намъ и природа, въ своихъ непрестанныхъ уклоненіяхъ отъ образцовыхъ формъ, въ столь частыхъ сближеніяхъ и переходахъ предметовъ ея отъ одного разряда къ другимъ. А ея предметы менѣе чѣмъ слова подвержены произволу, и крѣпче прикованы къ одной опредѣленной мысли. Если же и природа, даже неорганическая, является не всегда математически-точною; то *человѣческому слову* тѣмъ свойственнѣе не быть математически-точнымъ въ разнообразіи своихъ образцовыхъ формъ; потому и признаки, которыми обозначаются ихъ предметы, необ-

ходимо допускають исключенія. Наука сознаетъ это; и у нея — »нѣтъ правила безъ исключенія.« Впрочемъ это правило можно допускать только въ такихъ признакахъ, которыми опредѣляется дѣйствительное средство предметовъ, а не произвольное, искусственное ихъ размѣщеніе. —

Признакъ каждаго предмета въ природѣ ясенъ только при полномъ его выраженіи, только на высшей степені образованія. Разные отдѣлы природы сходятся и сливаются другъ съ другомъ не высшими степенями и полнѣйшими видами, а низшими и неполными; не средоточіями своими, а окончаностями, — гдѣ затемняется уже первоначальная ясность признака, подобно тому, какъ лучи свѣта слабѣютъ по мѣрѣ удаленія отъ своего исходища. Тоже и съ звуками въ словахъ. При наблюденіи ихъ разнообразія, въ грамматическихъ и діалектическихъ перемѣнахъ, надо имѣть въ виду полнѣйшія и первоначальныя формы словъ, и по нимъ различать породы, а не по уклоненіямъ и недомолвкамъ, гдѣ нерѣдко сходятся на-одно слова разныхъ породъ. Выходя изъ такихъ неполныхъ формъ, гдѣ уже утрачены и перемѣнены разные звуки, легко можно относить слова не туда, куда они принадлежать, — подобно тому, какъ

зоологи относили длиннорылаго медвѣдя къ разряду *беззубыхъ* звѣрей, причисляли его къ *тихоходамъ*, составляли изъ него *особый родъ* (*prochilus, chondrorhynchus*), — и все потому только, что этотъ *хищный* звѣрь достался зоологическому наблюденію уже съ выпавшими передними зубами.

С Т А Т Ь Я VIII.

Дополнительныя замѣчанія.

§ 66. И такъ полногласіе въ корняхъ словъ есть общее и древнѣйшее свойство всѣхъ русскихъ нарѣчій, удержанное ими вообще болѣе, чѣмъ западнославянскими. Утрата полногласія въ нихъ происходила частію по общей склонности индоевропейскихъ рѣчей сокращать свои полныя, первобытныя формы словъ; частію по особенному вліянію на нихъ языка церковнославянскаго, болѣе многихъ сократившаго гласные звуки въ срединѣ словъ. Отличительнымъ образомъ полногласіе означилось на той породѣ словъ, въ срединѣ которыхъ плавкіе звуки *л* и *р* обставляются у насъ двумя гласными, преимущественно *о-о* и *е-е*.

Русская форма этой породы словъ, удерживающая оба гласные звука, есть полная и первобытная. Западнославянская форма этихъ же словъ отличается опущеніемъ одного изъ двухъ гласныхъ, обыкновенно перваго. Этою неполною, второобразною формою, западая половина славянской рѣчи отмѣнилась отъ восточной или русской, конечно, еще при первомъ отъ нея отдѣленіи или обьособленіи; и въ этомъ опущеніи заключается ея *существенное* отъ нея отличіе. Неполная форма этой породы словъ распространилась и въ русской рѣчи, со времени нашего христіанства, когда виѣстѣ съ нимъ водворился у насъ церковный языкъ, имѣвшій болѣе всѣхъ вліянія на преобразование русской рѣчи. Тогда произошла въ ней постепенная утрата полной, первобытной формы словъ разсматриваемой породы, — подобно тому какъ въ западославянской рѣчи, изъ господствующей въ ней второобразной формы (съ однимъ гласнымъ звукомъ), происходили иногда дальнѣйшія недомолвки, — на примѣръ, формы безъ гласнаго звука.

§ 67. Что обстановка двумя гласными середочныхъ *л и р* есть не общее условіе этихъ звуковъ въ русской рѣчи, но первобытная и

отличительная принадлежность особой породы словъ, это видно изъ того, что въ той же русской рѣчи, при этой породѣ словъ, есть другая порода, гдѣ тѣже плавкіе звуки *л* и *р* въ корняхъ словъ устроены съ однимъ гласнымъ, какъ и въ западнославянской и въ другихъ рѣчахъ индоевропейскаго говора. Таковы, напримеръ—*волкъ*, *городъ*. Хотя эти слова и созвучны съ *болокъ*, *городъ*, сокращенными по-польски во *влокъ*, *гродъ*; но они принадлежатъ къ двумъ разнымъ породамъ, которыя при діалектическомъ развитіи славянской рѣчи измѣнялись каждая по-своему, и только нѣкоторыми словами изрѣдка смѣшивались. Это явленіе бываетъ вездѣ, гдѣ смежаются другъ съ другомъ разные отдѣлы,— какъ въ рѣчахъ, такъ и въ царствахъ природы. Сліяніе породъ или разрядовъ, ихъ пограничными слоями, не отрицаетъ ихъ отдѣльности, ни въ наукѣ, ни на самомъ дѣлѣ. Наука, также какъ и поэзія, преимущественно ищетъ образцовыхъ формъ; межеумки ей не помѣха въ этомъ дѣлѣ.

Полная форма словъ второй породы образуется *однимъ* гласнымъ звукомъ при *л* и *р*; они сокращаются въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ опущеніемъ этого одного гласнаго звука, наприм. *влкъ*, *гродъ*; но они нигдѣ не перепол-

няются вторымъ гласнымъ звукомъ; вѣм. волкъ, гордъ, не говорится *волокъ, городъ*. Это бываетъ только въ концѣ словъ, для благозвучія, напримѣръ въ прилагательныхъ (пóлонъ вѣм. полнь); и такой дополнительный гласный звукъ обыкновенно выпадаетъ при первомъ случаѣ.

Но въ словахъ первой породы оба гласные держатся постоянно въ цѣломъ склоненіи: вóлокъ, вóлока, волока́; гóродъ, гóрода, городá.

Въ своей полной, двугласной формѣ, слова этой *отличительной* породы встрѣчаются изрѣдка и въ санскритскомъ языкѣ, и въ литовскомъ; попадаютъ мелькомъ и въ нѣкоторыхъ языкахъ западнославянскихъ; но нигдѣ не сохранились они въ такой цѣлости, какъ въ народной русской рѣчи. Особенное изобиліе ихъ въ нашей древней письменности свидѣтельствуетъ о ихъ первородствѣ въ русскихъ нарѣчіяхъ.

Такимъ образомъ, особенно эту породу словъ, для цѣлой системы индоевропейской, русская рѣчь представляетъ многія первобытныя и еще неизношенныя формы.

§ 68. Означивъ главное отличіе русской рѣчи отъ западнославянской сочетаніемъ звуковъ *оло*, *оро*, *ере*, въ срединѣ словъ известной породы, и полагая въ этомъ *существенный* признакъ, — мы должны искать и другихъ примѣтъ, для пополненія этого признака. При этомъ надо соблюдать, чтобы *второстепенныя* отличительныя примѣты принадлежали *всей* русской рѣчи и отличали ея отъ обоихъ западныхъ удѣловъ; т. е. чтобы отрицательная сторона примѣты принадлежала *всей* западной половинѣ славянской рѣчи. И чѣмъ маловажнѣе будетъ примѣта сама по себѣ, тѣмъ точнѣе она должна быть выдержана въ цѣломъ отдѣлѣ, который ею обозначается. Въ противномъ случаѣ, она уже не отличительная примѣта, и ею не для чего засорять общаго признака русской рѣчи, — тѣмъ болѣе, что дѣйствительное средство въ природѣ часто означается одною отличительною чертою.

При такомъ условіи изъ 9-ти примѣтъ русской рѣчи, приведенныхъ у Шафарика (Сл. Нар. с. 9), послѣдніе 7 не идутъ къ нашему дѣлу, — во первыхъ потому, что онѣ невыдержаны строго во всей русской рѣчи; во вторыхъ, онѣ встрѣчаются не въ однѣхъ русскихъ, но и въ нѣкоторыхъ западнославянскихъ нарѣ-

чiяхъ. Впрочемъ и у самаго Шафарика онѣ приспособлены для отличенiя русской рѣчи, не столько въ цѣломъ кругу славянскомъ, сколько въ такъ называемомъ юговосточномъ или антскомъ разрядѣ, въ которомъ она, вмѣстѣ съ задунайскими языками, отличена уже прежде отъ разряда сѣверозападнаго, другими четырью примѣтами.

Такимъ образомъ, въ дополненiе къ главному отличiю русской рѣчи, изъ 9-ти примѣтъ, приведенныхъ Шафарикомъ, можно взять только вторую, выраженную у него такъ: »начальное *o* вм. *e* (*je*): одинъ, озеро, осетръ, олень, осень»— вм. единъ, езеро, есетръ, елень, есень.

§ 69. Этотъ пятокъ словъ дѣйствительно отличаетъ нашу рускую рѣчь отъ западной; ибо начальный коренной звукъ *o*, мѣняющiйся въ нашихъ нарѣчiяхъ на *a*,—у Славянъ западныхъ перешелъ въ *e*, изрѣдка въ *я*, и нигдѣ не остался тамъ подъ видомъ *o* или *a*. Такой раздѣлъ западной рѣчи съ нашею, въ этихъ словахъ, по перемѣнѣ начального *o* на *e*, стѣитъ того, что бы принять его въ отличительный признакъ,— тѣмъ болѣе, что здѣсь встрѣчаются тѣ же звуки, какiя принадлежатъ къ составу главнаго признака, и таже перемѣна

кореннаго *o* на *e*, какую мы видѣли уже при измѣненіи словъ отличительной породы (молоко, полонъ — въ млѣко, плѣнъ).—

Вообще можно сказать, что въ славянской рѣчи, изъ гласныхъ звуковъ, господствующимъ *кореннымъ* звукомъ въ началѣ словъ оказывается *o*, — такъ, что въ русской рѣчи нѣтъ собственно своихъ именъ, начинающихся съ *a*, и только два-три имени, начинающіяся съ *e*.

Русская рѣчь удерживаетъ постоянноѣ коренной славянскій звукъ *o* въ началѣ словъ, и по своему діалектическому свойству переводитъ его только въ *a*, — по подобію санскритскаго языка. Западная рѣчь также сохраняетъ еще коренной славянскій *o* безъ перемѣны на *e* во многихъ словахъ: орель, осель, овца, оса, овесь.

Въ другихъ словахъ начальный *o* передѣланъ въ *e* — только нѣкоторыми нарѣчіями западнославянскими: наприм. осина, или осика по-хорутански есика; ольха или ольша, по-словацки — ольша и ельша. Здѣсь явный переходъ отъ господствующей славянской формы съ *o* (по-латинѣ *albus*), — къ нѣмецкой съ *e*: *elsche*, *else*, *els*. Но въ сказанныхъ пяти словахъ только русская рѣчь удержала коренной *o* (*a*); а западнославянская вся отка-

залась отъ *o*, и приняла вмѣсто его *e*. Легкое исключеніе представляется въ сѣверо-западномъ углѣ, гдѣ Н. Лужичи вм. *e* ставятъ *я*, въ словахъ ядинъ, язёръ. Слова: елень, езеро, единъ, въ русской рѣчи суть формы заимствованныя изъ церковнаго. Можетъ быть, по тому же вліянію, и словцо *одва* передѣлано у насъ въ *едва*.

Такимъ образомъ, въ приведеннымъ пяти словахъ не руская рѣчь поставила начальное *o* вмѣсто *e*; но западная рѣчь передѣлала старославянское начальное *o* въ *e*, — подобно тому, какъ слова: ноготь (по-санскрит. нака), ротъ, лобъ, рожь, мохъ, ложка, бочка, корма, борзый и т. д., въ разныхъ западнославянскихъ нарѣчьяхъ передѣланы въ ногеть и негеть, реть, лебъ, режь, мехъ, лежка, бечка, керма, берзый. Эти перемѣны въ славянскомъ кругу тоже, что въ цѣломъ индоевропейскомъ округѣ передѣлка словъ — орать, овца, осель, новъ, и другихъ — въ *egen*, *ewe*, *esel*, *new*, произведенная въ кругу нѣмецкомъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

РАЗБОРЪ ПРИМѢТЬ, КОТОРЫМИ РУСКУЮ РѢЧЬ
СОЕДИНЯЮТЪ СЪ ЮГОЗАПАДНОЮ.

СТАТЬЯ IX.

О двухъ важнѣйшихъ примѣтахъ Добровскаго.

§ 70. Обозрѣвая систему славянскихъ нарѣчій, мы видѣли, почему она не могла остановиться на причисленіи русской рѣчи къ какому либо западному удѣлу; но должна была предоставить ей особое мѣсто въ кругу славянскомъ. — Копитаровское соединеніе русской рѣчи съ сѣверозападною не имѣло у насъ успѣха; но ея соединеніе съ югозападною или задунайскою рѣчью остается и понынѣ господствующимъ. Такой успѣхъ системы Добровскаго много зависѣлъ отъ того, что законодатель славянской филологіи, установивъ два разряда на-

рѣчій, подвелъ подъ нихъ два ряда отличительныхъ примѣтъ. Получивъ впервые систему, имѣвшую весь видъ основательности, и не имѣвшую ничего себѣ подобнаго, наша филологія не могла не увлечься ею; и примѣты Добровскаго повторились во многихъ книгахъ, какъ филологическія заповѣди. Полное изложеніе этихъ примѣтъ, въ числѣ десяти, заимствуется изъ Грамматики славянскаго языка. * Вотъ оно :

Въ 1-мъ разрядѣ:	Во 2-мъ разрядѣ:
1. раз : разум.	роз : розум.
2. из : издати.	вы : выдати.
3. вставное л	— — —
корабль	кораб
земля	земя
поставлен	поставен

8. Есть и другое, *исполное* изложеніе примѣтъ Добровскаго, въ числѣ десяти. — Ганка нѣкоторое время предпочитала его первому изложенію, и приводила его безусловно, наприм. въ Грамматику или *Млусницъ* польскаго языка, изданной въ Прагѣ 1839. —

Въ этомъ неполномъ изложеніи такая стѣсна :

8. родительн. — *аго* — *его*.

дательн. — *ому* — *ему*.

9. *птица*. *птаж*.

Въ 6-й примѣтъ оставлено только слово *звѣзда*; а *цвѣтъ*, *пепель*, *студенецъ* и *десница* — выключены совсѣмъ изъ списка примѣтъ.

4. — — —	вставное <i>д</i> (передъ <i>л</i>)
сало, крило	садо, кридо
правило	правидло
молитися	модлитися
5. пеци, мощи	пеци, моци
пещ, мощ	пец, моц
(печ, моч)	
6. звѣзда, цвѣтъ	гвѣзда, квѣтъ
7. ть (той)	тен
8. пенел	попел
9. птица	птак
студенец	студинца
10. десница	правница.

§ 71. Впрочемъ у насъ на Руси примѣты Добровскаго были приняты не безусловно. Востоковъ первый наложилъ на нихъ руку, еще до распространенія ихъ въ полномъ видѣ. Въ своемъ достопамятномъ *Разсужденіи о славянскомъ языкѣ* (1820 г.), Востоковъ отвергъ примѣты *раз, из, птица*, и сказалъ, что *главнѣйшую особенность* втораго разряда составляютъ двѣ вставки неупотребительныя въ рускомъ языкѣ, именно: » вставка *ж* при стеченіи *р* съ тонкими гласными, и вставка *д* передъ производнымъ окончаніемъ *л*. «
Общею примѣтою рускаго и задунайскихъ языковъ, въ отличіе отъ сѣверозападныхъ, Востоковъ признавалъ » вставку *л* послѣ губныхъ *б, п, в, м*, отонченныхъ. «

Согласно съ этимъ, изъ всѣхъ примѣтъ Добровскаго, слѣдовало бы принять только *два*: третью и четвертую.

Что касается до вставки *ж* послѣ *р* (отъ которой происходитъ шерсткѣй звукъ *rz*), то она не могла приняться въ число примѣтъ втораго разряда; ибо составляетъ особенность не всего разряда, а только языковъ польскаго и чешскаго, съ едва примѣтнымъ ея остаткомъ въ нарѣчїяхъ лужицкихъ.

Шафарикъ поступилъ согласно съ мнѣніемъ Востокова: онъ отложилъ отъ восьми примѣтъ Добровскаго и удержалъ только *два*: третью и четвертую.

По такому предпочтенію, эти *два* примѣты я называю *важнѣйшими*. Онѣ важнѣе всѣхъ остальныхъ и сами по себѣ. Но отвѣчаютъ ли онѣ своему назначенію?...

§ 72. Первая изъ нихъ у Шафарика опредѣлена такъ: »прибавочное *л*, вмѣсто смягчающаго *й*, послѣ губныхъ *в*, *п*, *б*, *ж*»; а во второмъ разрядѣ: »*л*, вмѣсто смягчающаго *й*, послѣ губныхъ не прибавляется«. —

Не стану здѣсь доказывать, что такое опредѣленіе невѣрно. Объ этомъ подробно говорить буду особо (въ статьяхъ 12-15-ой). Здѣсь вопросъ не о свойствахъ и не о происхожденіи зву-

ка л послѣ губныхъ; а о томъ, какого достоинства примѣту онъ составляетъ въ филологической систематикѣ?

Вмѣсто трехъ словъ, которыми у Добровскаго пояснена сія примѣта, у Шафарика (Сл. Нар. с. 8)—приведено ихъ 16. Но чѣмъ больше такихъ словъ, тѣмъ больше голосовъ противъ вставнаго звука л, какъ примѣты филологической.

Изъ именъ женскихъ у Шафарика приведены въ примѣръ — земля, капля, кровля; и при нихъ, какъ формы втораго разряда — земля (земе), капъ, кровь. Но въ языкѣ рускомъ употребительны — земля и земь, кровля и кровь; у Бѣлоруссовъ говорится — зямля и земя; въ среднерускомъ нарѣчїи болѣе говорится конопи, нежели конопли. Очевидно, что въ русской рѣчи совмѣщаются формы обоихъ разрядовъ.

Тоже и съ именами мужескими. Формы втораго разряда — корабъ, жеравъ, въ великорускомъ народѣ употребляются предпочтительнѣе, чѣмъ назначенныя первому разряду — корабль, журавль. Эти послѣднія формы у Бѣлоруссовъ вовсе неупотребительны; тамъ говорятъ или — корабъ, журавъ, или одинаково съ Малороссїянами — корабель, журавель.

Въ глаголахъ звукъ *л* послѣ губныхъ выдерживается строго только въ языкѣ южно-русскомъ: люблю, люблять, полюбленъ. Въ московскомъ нарѣчїи звукъ *л* не прибавляется передъ звукомъ *я* переходнымъ или такъ-называемымъ носовымъ: люблю, влюбленъ, любятъ, любя. Но въ нарѣчїи среднерусскомъ обходятся безъ *л* и передъ *ю* (когда оно безъ ударенія?): сыпють, лóвюють, любючїи.

Въ числѣ глаголовъ у Шафарика назначены первому разряду—»поставляти, погубляти»; а второму—»ставити, губити.» Но языку рускому свойственны и тѣ и другїе.

Очевидно, что руская рѣчь, по частому неупотребленію звука *л* послѣ губныхъ, сходится часто съ сѣверозападною рѣчью. Слѣдственно, вставной звукъ *л*, въ отношенїи къ русской рѣчи, составляетъ примѣту очень невѣрную.

Не даетъ онъ вѣрной примѣты и для различенїя двухъ западныхъ удѣловъ.

Въ сѣверозападномъ, вопреки филологическому запрещенію, звукъ *л* иногда прибавляется послѣ губныхъ. Поляки, сходно съ Малороссїянами, говорятъ: гробля (такъ у Нестора), кропля, чапля, шабля; а не гробя, кропя, чаня, шабя. Кашубы, вмѣсто грабѣ, говорятъ—граблѣ. Словаки также говорятъ:

кропля, сабля. Въ лужицкомъ языкѣ— робль, а не робь (воробей).

Въ удѣлѣ югозападномъ, вопреки филологическому назначенію, звукъ *л* послѣ губныхъ перѣдко опускается. Болгаре, напримѣрь, говорятъ — земля, сабя, лове, ловень; а не земля, сабля, ловлю, ловлень. Сербы говорятъ жеравь, а не жеравль.

Если же и вставка и невставка *л* послѣ губныхъ — ни одному изъ четырехъ удѣловъ славянской рѣчи не даетъ вѣрной отличительной примѣты, то не-для-чего и оставлять долѣе звукъ *л* послѣ губныхъ между примѣтами перваго разряда.

§ 73. И такъ, изъ примѣтъ Добровскаго, первому разряду остается только одна важнѣйшая, относящаяся опять къ звуку *л*, т. е. невставка *д* передъ *л*. —

Въ приложеніи къ рускимъ нарѣчіямъ сія примѣта достаточна; ибо вставка *д* передъ *л* несвойственна нарѣчіямъ рускимъ.

Всѣ Рускіе говорятъ — молитва, кадило, мыло, сало, ель; а не молитва, кадзидло, садло, едла. Слова: сѣдло, падло, сюда не идутъ; ибо звукъ *д* въ этихъ словахъ не вставной, а *коренной*.

Въ южнорускомъ языкѣ слова: павидло, ковадло (вм. ковало), можно считать приемышами изъ языка польскаго.

Подобное исключеніе въ языкѣ рускомъ составляютъ слова: оседлость, оседлый, образованныя по польской формѣ. Сравнивъ ихъ съ южнорускимъ словомъ *осѣля* (жилье), можно видѣть, что въ нихъ звукъ *д* вставной.

Немногія исключенія неопровергають примѣты важной. Потому можно бы сказать, что по невставкѣ *д* передъ *л* руская рѣчь принадлежитъ къ первому разряду. Но эта невставка не соблюдается въ югозападномъ удѣлѣ, именно, въ языкѣ хорутанскомъ. Уже и въ молитвахъ фризинской рукописи 10-го вѣка встречаемъ: *модлити, модлимъ, вседли* (вселить). Нынѣ въ хорутанскомъ языкѣ поднарѣчіе зильское (на рѣкѣ Зилѣ въ Каринтіи) особенно отличается вставкою *д* передъ *л*, во многихъ словахъ; напримѣръ: *кридло, шидло, мотовидло, кресадло* (по-южноруски *кресало* или *кресиво*, т. е. *огниво*); а верхнекраинское нарѣчіе такъ привыкло къ вставному *д*, что удерживаетъ его, не смотря на обращеніе *л* въ *с*: *садво, мотовидво, и т. д.* (Срезневскій, въ Ж. М. II. Пр. 1843).

Сѣверозападный удѣлъ съ своей стороны нерѣдко измѣняетъ вставку звука *д* пе-

редь *л*. Такъ въ языкѣ польскомъ говорится— седло, оседлиць, село, селянка. Подобное опущеніе вставнаго *д* встрѣчается часто и въ нарѣчіяхъ словацкихъ.

Очевидно, что эта «*главнѣйшая* особенность» сѣверозападной рѣчи не выдерживается въ ней строго; а между тѣмъ она свойственна и рѣчи югозападной. Слѣдственно она не раздѣляетъ собою двухъ западныхъ удѣловъ.

Невставка звука *д* передь *л* выдерживается только въ русской рѣчи, а не во всемъ первомъ разрядѣ, и не отдѣляетъ отъ него рѣзкою чертою втораго разряда.

И такъ, пора уже отказать первому разряду Добровскаго и въ этой филологической опорѣ.

§ 74. Отъ рассмотрѣнной вставки *д* передь *л*, я отличаю другой случай вставнаго *д*: когда оно является не послѣ *гласныхъ*, какъ въ примѣтѣ Добровскаго, но послѣ *согласныхъ*. Это *д*; по моему замѣчанію, всегда бываетъ на мѣстѣ гласнаго звука, опущеннаго изъ полногласной формы словъ.

Передь *л* оно встрѣчается рѣдко — въ словѣ жолобъ, которое по-сербски произносится *жлебъ* и *ждлебъ*.

Чаще появляется оно передъ *р*. Такъ въ сербскомъ же языкѣ слова: жерело, жеребець, журавъ, обращаются въ *ждриело*, *ждребаць*, жеравъ и *ждравъ*. Слово жеребъ или жеребей, по-хорутански *ждрибъ*.

Послѣ *з* вставное *д* встрѣчается въ глаголитскихъ рукописяхъ (издрѣштити, раздрѣштити); также въ Остромировомъ Евангелии, и въ другихъ старинныхъ русскихъ писаніяхъ, наприм. у св. Кирила Туровскаго: издринути, неиздреченный, раздрѣшитель, раздрушитель. Здѣсь вставное *д* стоитъ на мѣстѣ *о*, принадлежащаго предлогамъ *изо*, *разо*, которые сокращаются въ *изъ*, *раз*, точно такъ, какъ встарину сокращали *но* въ *нъ*, наприм. въ Пѣсни Игорю.

Подобная вставка *д* свойственна и южно-русскому языку обоихъ нарѣчій; наприм. *уздрѣти* вм. *узрѣти*, *скороздри* (скорозрѣлые плоды) — отъ глагола *зрѣю*, *зрѣть* вм. *зорѣти*, какъ осталось у Хорутанъ и у нѣкоторыхъ Сербовъ. Павскій (Ф. Н. I. 64) признаетъ вставнымъ *д* передъ *р* и въ словѣ *здравъ*; но здѣсь *д* *коренное*: *здравъ* сокращено изъ *здоровъ*, по-польски *здоровъ*, по-луж. *стровъ*.

Впрочемъ не только послѣ *ж* и *з* является это вставное *д*, но изрѣдка и послѣ *н*. Въ великорусскомъ выговорѣ вм. имени *нравъ*, со-

кращеннаго изъ норовъ— *идравъ*. Тогоже значенія *д* въ глаголь *индивить* вм. инеевътъ, отъ слова иней.

Этою же вставкою Нѣмцы, — а не *мы* Рускіе, — сдѣлали *балдrianъ* изъ *valeriana* (поруски — маунъ).

Какъ звукъ *д* передъ *р* ставится послѣ *з*, такъ сродникъ его *т* ставится послѣ *с*. Это бываетъ и въ южнорускомъ выговорѣ, наприм. страженіе, строкъ, стрѣчный; и въ великорускомъ: *страмъ* вм. *срамъ* (сокращен. изъ *соромъ*); и въ болгарскомъ: *страмъ*, Страцининъ. Въ сѣверозападномъ удѣлѣ этимъ отличается выговоръ Словаковъ и Чеховъ; напримѣръ: по- словацки — *стрибро*, *среда*, по-чешски — *стрибро*, *стршеда*, вм. *серебро*, *середа*.

Изъ сказаннаго видно, что вставные *д* и *т*, являющіеся послѣ согласныхъ, на мѣстѣ выкиднаго гласнаго, особенно передъ *р*, бываютъ и въ русской рѣчи, и въ западнославянской; но не постоянно, и не отличительнымъ образомъ.

СТАТЬЯ X.

О двухъ примѣтахъ, прибавленныхъ Шафарикомъ.

§ 75. Принявъ два разряда Добровскаго, Шафарикъ не удовольствовался его примѣтами. Избравъ изъ нихъ только *два* важнѣйшія, онъ прибавилъ къ нимъ еще *два* отъ себя: одну тогоже свойства, т. е. основанную на отдѣльныхъ звукахъ и относящуюся ко многимъ словамъ; другую, заимствованную отъ одного слова. Такимъ образомъ явились два новые узла соединенія русской рѣчи съ югозападною; именно:

- а) опущеніе *д* и *т* передъ *л* и *н*;
- б) звукъ *м* въ словѣ *мотрѣти*, и производныхъ — *смотрѣти* и проч.

Въ противоположность этому, для сѣверо-западнаго разряда, положено слѣдующее:

- а) *д* и *т* передъ *л* и *н* не опускаются;
- б) *п* въ словѣ *патрити* (*смотрѣть*).

Не лишнимъ считаю замѣтить, что первая изъ этихъ примѣтъ ограничивается одними *глагольными* окончаніями, въ образованіи которыхъ *д* и *т* такъ рознятся отъ прочихъ

согласныхъ звуковъ. Безъ этого замѣчанія, не смотря на пояснительные примѣры, заимствованные Шафарикомъ отъ однихъ глаголовъ, примѣта его не совсѣмъ ясна, — какъ видно изъ того, что Срезневскій опровергаль ее, между прочимъ, словами: сѣдло, метла, стыдно.

Для большей ясности, различимъ въ этой примѣтѣ двѣ части: одну, относящуюся къ *л*; другую, относящуюся къ *н*.

Первая часть напоминаетъ четвертую примѣту Добровскаго, съ которою она и соединена была у Востокова (въ Разсужденіи о слав. языкѣ). Но въ четвертой примѣтѣ Добровскаго звукъ *д* — *вставной*; а здѣсь звукъ *д*, и однородный съ нимъ звукъ *т* — *коренные*.

§ 76. Опущеніе коренныхъ *д* и *т* передъ *л*, введенное Шафарикомъ въ число примѣтъ юговосточнаго разряда, относится только къ *прошедшему времени* глаголовъ. У Рускихъ и у Славянъ югозападныхъ говорится обыкновенно: палъ, кралъ, вель, шель, цвѣлъ; а у Славянъ сѣверозападныхъ — падлъ, крадлъ, ведлъ, шедлъ, цвѣтъль.

Сѣверозападной рѣчи свойственно сочетаніе и другихъ согласныхъ съ окончаніемъ

лъ; на примѣръ: везлъ, умерлъ, реклъ. Но русская рѣчь почти отказалась отъ такого окончанія на два согласныхъ звука, въ единственномъ числѣ мужескаго рода. Она обходится только однимъ изъ двухъ согласныхъ звуковъ. Обыкновенно удерживается звукъ коренной, на прим. везъ, умеръ, рекъ; пришлый *л* допускается въ остальныхъ формахъ: везъ—везла, везло, везли. Но когда кореными бываютъ *д* и *т*, тогда они вовсе исключаются; а въ употребленіе идетъ окончательный *л*: шель, шла, шло, шли; цвѣлъ, цвѣла, цвѣло, цвѣли.

Въ южнорускомъ и бѣлорускомъ выговорѣ окончаніе *лъ* перемѣняется на *въ*; но въ женскомъ и среднемъ родѣ, и въ числѣ множественномъ, удерживается *л*; на примѣръ: шовъ—шла, шло, шли; цвѣвъ—цвѣла, цвѣло, цвѣли. Это свидѣтельствуетъ, что окончаніе прошедшаго времени *въ* произошло изъ *лъ*, и что звукъ *л* есть собственный этому окончанію, въ русской рѣчи. Такъ и у Словаковъ: одни говорятъ—пришоль; другіе—пришовъ, давъ, пославъ и проч. Окончаніе *въ*, произносимое въ южнорускомъ языкѣ полугласно (= *ÿ*), у Сербовъ переходитъ въ полный гласный звукъ *о*; вмѣсто *зналъ* или *знавъ*, по-сербски *знао*.

Лужичи, не смотря на свою принадлежность къ сѣверозападному удѣлу, говорятъ не шедль, а *шовъ, шва, шво*; и только во множественномъ числѣ оставляютъ *л—шли*. Въ этомъ глаголѣ и языкѣ польскій опускаетъ *д* передъ *л*: шедль, шла, шло, шли. По-чешски: шель, а не шедль.

На это, конечно, можно-бы смотрѣть какъ на исключеніе. Но и въ югозападномъ удѣлѣ хорутанскій языкъ представляетъ довольно постоянное уклоненіе отъ опущенія *д* и *т*, назначеннаго юговосточному разряду: крадвъ, падвъ, цвѣтвъ, крадва, падва, цвѣтва (= крадль, падль, цвѣтль); а не кравь, павь, цвѣвъ. Здѣсь, въ окончаніи прошедшаго времени, *л* перемѣняется на *в* еще больше, чѣмъ въ южнорускомъ языкѣ; ибо Хорутане вообще болѣе чѣмъ Малороссіяне перемѣняютъ *л* на *в*.

Есть и въ южнорускомъ языкѣ глаголы, въ которыхъ *д* передъ *л* не выключается; напримѣръ: обрыдъ, обрыдла, обрыдло, обрыдли,

Старинная славяноруская письменность представляетъ иногда примѣры, что звукъ *д*, какъ и другіе согласные, передъ окончаніемъ *лъ*, удерживаются и въ мужескомъ родѣ единственнаго числа. Такъ въ Несторовой лѣто-

писи по Лаврентьевскому списку встрѣчается *шедль* вм. *шелъ*.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что *опущеніе* коренныхъ *д* и *т* передъ *л*, — не смотря на его ограниченность однимъ прошедшимъ временемъ глаголовъ, — не соблюдается въ цѣломъ юговосточномъ или антскомъ разрядѣ.

§ 77. Вторая часть Шафариковой примѣты, относящаяся къ звуку *н*, еще менѣе удовлетворительна.

Въ первомъ разрядѣ приведены въ примѣръ: *вяну* или *вену*, *свѣтну*, *взблесну*, вмѣсто—*вядну*, *свѣтну*, *взблестну* (Сл. Нар. с. 8): Но въ послѣднемъ глаголѣ (также, какъ *свисну* вм. *свистну*) звукъ *т* опускается не для того, чтобъ избѣжать сочетанія *т* съ *н*; а отъ стеченія трехъ согласныхъ, во избѣжаніе котораго и сѣверо-западная рѣчь иногда опускаетъ *т* передъ *н*; на примѣръ, въ польскомъ *błysnę*, *swiśnie*.

Звуки *д* и *т* опускаются нерѣдко передъ *н* (также, какъ и согласные *г*, *к*, *п*). Въ южнорускомъ языкѣ глаголѣ *тну*, а въ русскомъ языкѣ глаголы: *болтнуть*, *катнуть*, *кутнуть*, *метнуть*, *мотнуть*, *хвастнуть*, *шатнуть*, — свидѣтельствуютъ, что сочетаніе

ти принадлежит русской рѣчи не какъ исключеніе.

Тоже и сочетаніе *ди*; напримѣръ въ глаголахъ: боднуть, наводнить, затруднить.

Что стеченіемъ *д* и *т* съ *н* руская рѣчь не затрудняется, то видно и на глаголахъ: поднять, отнять. Въ нихъ *н* не выключается, а вставляется послѣ *д* и *т*.

Югозападная рѣчь представляетъ не мало подобныхъ отступленій отъ назначеннаго ей опущенія *д* и *т* передъ *н*. По-хорутански говорится — вену и ведну; мотни, а не мони. По-сербски — метнути, боднути, а не менути, бонути. Въ староболгарскихъ стихахъ, приведенныхъ въ Славянскомъ Народописаніи (с. 160), изъ рукописи 1390 года, читаете:

»Како баба прѣскаче трапъ,
И прѣскаче я и мимоходить,
И не боиться да ся паднетъ.»

По примѣтѣ, назначенной Шафарикомъ для перваго разряда, слѣдовалобы не *паднетъ*, а *панетъ*, — какъ вмѣсто вяднетъ — говорится *вянетъ*.

§ 78. Върнѣ обозначается первый разрядъ второю примѣтою Шафариковою — *мо-*

трѣти, *смотрѣти*. Это слово не иначе употребляется и на Руси и у Славянъ задунайскихъ, какъ со звукомъ *м*.

Въ нынѣшнемъ южнорускомъ языкѣ почти неупотребителенъ глаголь *смотрѣти*, и замѣняется глаголами *дивитися*, *глядѣти*; но по названію рѣки Смѣтричь и по нѣкоторымъ другимъ мѣстнымъ именамъ, можно думать, что этотъ глаголь былъ употребителенъ и въ языкѣ южнорускомъ.

Въ западноруской письменности встрѣчается — опатренье и т. п. Но это займы изъ языка польскаго, неперешедшіе въ народную рѣчь.

Славяне сѣверозападные, вмѣсто звука *м*, въ этомъ глаголѣ, употребляютъ *п*: патрити, патршиць, и т. д.

Такой раздѣлъ губныхъ звуковъ *п* и *м*, по двумъ разрядамъ Добровскаго, есть примѣчательная случайность, которою слѣдовало воспользоваться въ филологіи. Случайностью я называю потому, что такой раздѣлъ произошелъ не изъ какого нибудь опредѣленнаго употребленія губныхъ звуковъ, а нечаянно. Въ другихъ словахъ эти два звука смѣ-

9. Безприбавочная форма *мотрѣти* употребительна въ великорускомъ простонародьи. Сербы также говорятъ *мотрити*.

няютъ другъ друга безъ особеннаго распре-
дѣленія по нарѣчіямъ. Такъ наприм. Малорос-
сіяне говорятъ бджола и пчола; Великороссіяне
пчела и мчела, птица и мтица; а въ западносла-
вянской рѣчи встрѣчаются втица, фтица и т. д.

§ 79. Изъ рассмотрѣнныхъ доселѣ четы-
рехъ примѣтъ антекаго разряда, только по-
слѣдняя соблюдается въ немъ строго, безъ упо-
требленія сѣверозападной формы. Потому,
изъ этихъ примѣтъ, для соединенія русской
рѣчи съ задунайскою, лучшею и единственно
вѣрною служить — поставленіе звука *ж*, и не-
употребленіе звука *п*, въ глаголь *смотреть*.
Узелъ соединенія конечно слабый; но болѣе
крѣпкихъ едва ли и ожидать можно, если уже
не нашли ихъ Добровскій и Шафарикъ. При-
чина та, что антскій или юговосточный раз-
рядъ есть *искусственный*; слѣдственно такой,
которому свойственны примѣты случайныя,
показывающія наружное сходство, и для ко-
торого почти невозможны примѣты суще-
ственные, выражающія внутреннее сродство.

Неудовлетворительность примѣтъ нель-
зя здѣсь замѣнить ихъ множествомъ: искус-
ственный разрядъ въ немъ пенуждается.
Если изъ нѣсколькихъ данныхъ примѣтъ, ни
одна взятая отдѣльно не обозначаетъ со-

бою вѣрно всего разряда, то напрасно и слагать ихъ въ одинъ признакъ. Совокупность такихъ примѣтъ надежна развѣ въ смыслѣ старинной басни о связкѣ прутьевъ, т. е. пока не разберутъ ихъ.

Если и дѣйствительное сродство въ разрядѣ естественномъ можетъ быть выражаемо одною существенною примѣтою; то искусственный разрядъ тѣмъ болѣе можетъ удовлетвориться одною примѣтою случайною, лишь бы она обозначала его вѣрно, не допуская исключеній.

Естественный разрядъ зависитъ отъ сродства, наблюдаемаго и изображаемаго наукою; а разрядъ искусственный зависитъ отъ признака, назначаемаго наукою. Потому естественный разрядъ, до открытія въ немъ существеннаго признака, можетъ оставаться въ наукѣ совсѣмъ безъ признака, не теряя отъ того своей значительности. Но разрядъ искусственный безъ признака существовать не можетъ.

Дѣленію славянской рѣчи на два разряда по Добровскому слѣдуютъ теперь, не столько по его истинному и неизмѣнному достоинству, сколько по привычкѣ къ нему, и по именитости незабвеннаго аббата. Оно есть

памятникъ, принадлежащій къ исторіи науки, но не согласный съ ея настоящею потребностью и дальнѣйшимъ усовершеніемъ.

С Т А Т Ь Я XI.

О восьми примѣтахъ Добровскаго, непризнанныхъ Шафарикомъ.

§ 80. Разобравъ двѣ важнѣйшія примѣты Добровскаго, обратимъ вниманіе на остальные, которыя, хотя уже отвергнуты Шафарикомъ, но въ свое время также способствовали успѣху своей системы. Для нея, и въ значеніи искусственной системы, прилично бы оставаться съ примѣтами собственными; а между ними конечно найдутся такія, что могутъ еще послужить ей. Но еслибъ и всѣ онѣ оказались уже неспоеобными къ дальнѣйшему служенію; все же должны мы не забвенію предать ихъ, какъ отверженцовъ, но почитать поминовеніемъ, какъ тружениковъ, которые составляли опору и красоту разрядовъ Добровскаго. — Проведя рускую рѣчь

еще разъ " по этимъ знаменательнымъ словамъ и звукамъ, мы отдадимъ имъ послѣдній долгъ, и въ то же время пояснимъ нѣсколько рускую рѣчь въ ея отношеніи къ западнославянской.—

По свойству разрядовъ, для которыхъ ирисканы примѣты Добровскаго, у нихъ нѣтъ общаго основанія и внутренней связи; между ними есть различіе только по ихъ частнымъ основамъ.

Первая половина ихъ состоитъ изъ частицъ и звуковъ, повторяющихся во многихъ словахъ; вторую составляютъ цѣлыя, отдѣльные слова. Примѣты первой половины, особливо звуковыя, сами по себѣ важнѣе другихъ; но въ приложеніи къ искусственнымъ разрядамъ неудовлетворительнѣе. Примѣты однословныя сами по себѣ менѣе важны; но для обозначенія искусственныхъ разрядовъ онѣ способнѣе первыхъ.

Поэтому напередъ можно сказать, что если между остальными примѣтами Добровскаго есть такія, которыя могутъ еще послужить

10. Рускія парѣчія по примѣтамъ Добровскаго были уже разсматриваемы мною, въ «Исслѣдованіи о Рускомъ языкѣ» напечатанномъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1838. Кн. 3.

его системѣ, то онѣ найдутся въ числѣ примѣтъ однословныхъ.

§ 81. Первые двѣ примѣты, основанныя у Добровскаго на предлогахъ *раз-роз*, *из-вы*, прежде всѣхъ были признаны недостаточными (§ 71). И въ самомъ дѣлѣ, онѣ не даютъ права причислять рускую рѣчь къ одному разряду съ югозападною; и по нимъ скорѣе можно соединить ее съ сѣверозападною.

Такъ частица *роз*, присвоенная второму разряду, въ южнорускомъ языкѣ постоянно употребляется со звукомъ *о*. Тоже и у Великороссіянь, говорящихъ на *о*.

У тѣхъ Великороссіянь, у которыхъ *о* безъ ударенія произносится какъ *а*, и частица *роз* (въ томъ же случаѣ) переходитъ въ *раз*: *рѳзыскъ* и *разысканіе*, *рѳздыхъ* и *раздѳлье*, *рѳзвальни* и *развѳль*.

По общему правилу удерживать букву *о*, произносимую какъ *а*, и здѣсь слѣдовало бы писать — *розысканіе*, *роздѳлье*, *розваль*; а слогъ *раз* писать - бы только тогда, когда онъ съ удареніемъ; наприм. *рѳзница* и *рѳзница*.

Бѣлорусское нарѣчіе, замѣняющее звукъ *о* безъ ударенія *а*, по частицѣ *раз* принадлежитъ болѣе къ первому разряду.

Что касается до слова *разумъ*, которымъ у Добровскаго пояснена сія примѣта, то Бѣлоруссы говорятъ *рѣзумъ*, въ подражаніе Малороссіянамъ и Полякамъ; но въ производныхъ удерживаютъ *а*: разумный, разумѣю, и т. д. У Великороссіянь, говорящихъ на *о*, примѣчается обратное: въ подражаніе церковному языку, они выговариваютъ *разумъ*; но въ производныхъ словахъ удерживаютъ *о*: розумный, розумѣю, и т. д.

§ 82. Если принять, что предлогъ *вы*, въ противоположности съ *из*, составляетъ примѣту втораго разряда; то руская рѣчь принадлежитъ болѣе къ нему, нежели къ разряду первому. Въ языкѣ южнорускомъ постоянно употребляется *вы*; а частица *из* или *зъ* (какъ и въ языкахъ сѣверозападныхъ) однозначительна съ предлогомъ *со* или *съ*: знову, изновъ = снова; зъѣвъ, изъѣвъ = съѣлъ. По этой принадлежности южнорускому языку предлога *вы* вмѣсто *из*, и въ Пѣсни Игорю встрѣчаемъ: выторже (исторгъ), выѣде. Тамъ однако встрѣчается и частица *из*, *ис*; напримѣръ: »изрони злато слово«; или »истягну умъ крѣпостію«. Но это уже по вліянію церковнаго языка, формы котораго въ Пѣсни Игорю, какъ и во многихъ другихъ древнихъ

памятникахъ , перемѣшаны съ народными русскими.

Частица *из* вм. *вы*, посредствомъ языка церковнаго, водворилась особенно въ избранномъ русскомъ языкѣ, и находясь тамъ вмѣстѣ съ частицею *вы*, даетъ разницу словамъ въ значеніи или въ тонѣ; напримѣръ: *выбѣжать*, *избѣжать*; *выдать*, *издать*; *вырѣзать*, *изрѣзать*; *выѣденный*, *изѣденный*. А что въ русскомъ языкѣ слова: *выходъ*, *выборъ*, *выбрать*, *выгнать* — природныя; а *исходъ*, *изборъ*, *избрать*, *изгнать* — приемыши славянскіе, въ томъ едва ли можно сомнѣваться.

§. 83. Двѣ звуковыя примѣты, основанныя у Добровскаго на присутствіи и отсутствіи *л* послѣ губныхъ и *д* передъ *л*, мы уже разсмотрѣли; и видѣли, что по одной изъ нихъ (по звуку *л*) руская рѣчь подходитъ подъ оба разряда; а по другой (по звуку *д*) хотя и отличается она отъ сѣверозападнаго удѣла, но не можетъ быть сопряжена съ задунайскимъ; ибо ни въ одномъ западномъ удѣлѣ сія примѣта не соблюдается строго.

Пятая примѣта Добровскаго основана на употребленіи звуковъ *щ*, *ч*, *ц*, въ однихъ и тѣхъ же словахъ, такъ что въ первомъ разрядѣ идутъ *щ* и *ч*, а во второмъ *ц*. Но въ рус-

скихъ нарѣчійхъ. *ч* и *ц* такъ часто смѣняютъ другъ друга, что еслибъ этотъ раздѣлъ звуковъ по двумъ разрядамъ былъ вѣренъ, то руская рѣчь подходила бы подъ оба разряда. Впрочемъ, если ограничиться даже только тѣми примѣрными словами, которыя приведены у Добровскаго, то и въ нихъ эта примѣта оказывается недостаточною.

Глаголы *пеку*, *могу*, въ неопредѣленномъ наклоненіи, въ языкѣ церковномъ равно сходятъ на *ц*: *пеци*, *моци*; а въ русскомъ языкѣ они сходятъ на *ч*: *печь*, *мочь*. Но въ языкѣ южнорускомъ эти глаголы совершенно уклоняются, какъ отъ перваго разряда, такъ и отъ втораго, поставляющаго звукъ *ц*: (*пеци* и *пецтъ*, *моци* и *моцтъ* — у Словаковъ и Чеховъ; *пець* — у Поляковъ). По-южноруски говорится — *пекти*, *могти*. Бѣлорусы также говорятъ *пѣци*, *маѣци*.

Въ удѣлѣ сѣверозападномъ есть свои уклоненія отъ назначеннаго ему звука *ц*; наприм. по-верхнелужицки говорятъ — *пеку*, *печъ*, а не *пецъ*.

Очевидно, что пятая примѣта Добровскаго не обозначаетъ вѣрно своихъ разрядовъ.

Южнорускій языкъ и въ другихъ подобныхъ глаголахъ постоянно удерживаетъ коренные звуки *г* и *к* въ неопредѣленномъ на-

клоненіи, прибавляя къ нимъ *ти*: бѣти, берегти, прягти, стерегти, стригти, волокты, сѣкти, текти, товкти (толочь). Но въ первомъ лицѣ настоящаго времени и въ наклоненіи повелительномъ эти глаголы въ южно-русскомъ языкѣ перемѣняютъ *г* на *ж*, *к* на *ч*: бѣжу, бѣжи, бережу, бережи; печу, печи, течу, течи, сѣчу, сѣчи, и проч. (а не *теку*, *пеку*, — какъ показано въ Корнесловѣ Шимкевича).

Такой особенноти причастно, хотя и не вполнѣ, бѣлоруское нарѣчіе: биражу, биражи, бирагци; сяку, сячи, сѣчь. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, бѣлоруское нарѣчіе колеблется между великорусскимъ и малорусскимъ.

§ 84. Изъ отдѣльныхъ словъ, служащихъ у Добровскаго филологическими примѣтами, главнѣйшими можно считать тѣ, которыя находятся въ обоихъ изложеніяхъ примѣтъ (см. § 70); таковы: *звѣзда - гвѣзда, тѣ (тотъ) - тенѣ, птица - птакъ*.

11. Тоже самое въ южно-русскомъ языкѣ и послѣ *б*: скребу, скребти, гребу, гребти (а не *гребти*, какъ показано въ Корнесловѣ: это церковнославянская и сербская форма); по-великоруски грести, гресть; по-бѣлоруски гресць, сходно съ польскимъ гресць.

По слову *звѣзда*, руская рѣчь можетъ быть относима къ первому разряду; ибо она къ этому словѣ постоянно удерживаетъ начальнѣй звукъ *з*, и незамѣняетъ его звукомъ *г*.

Тоже и въ удѣлѣ югозападномъ. Однако тамъ въ языкѣ болгарскомъ говорится *звѣзда* (Шаф. Сл. Народ. 43); слѣдственно антскій разрядъ сею примѣтою не обозначается вѣрно.

Сѣверозападный удѣлъ отличается неупотребленіемъ звука *з* въ началѣ этого слова. Оно произносится тамъ обыкновенно съ звукомъ *г* (*h* и *g*): *гвѣзда*, *гвязда*, по-кашубски *гвѣзда*. Однако въ верхнелужицкомъ нарѣчїи вовсе опускается *г*: *вѣзда*, какъ и во многихъ другихъ словахъ, начинающихся съ *г*. Въ языкѣ Полабцовъ звукъ *з* обращенъ въ *д*: *дѣзда*, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что еслибы въ болгарскомъ языкѣ не употреблялось *звѣзда*, — то это имя былобы одною изъ лучшихъ примѣтъ для разрядовъ Добровскаго.

§ 85. Въ шестой примѣтѣ къ слову *звѣзда* прибавлено еще *цвѣтъ* - *квѣтъ*.

Этимъ словомъ можно различать два западнославянскіе удѣла; но руская рѣчь под-

ходить подь оба. По-южноруски — *кельтъ* и *кельтка*, а у Червоноруссовъ говорятъ еще *цельтъ* и *цельтка*. Бѣлоруссы также говорятъ *кельтка*.

Въ великорусскихъ нарѣчiяхъ, хотя обыкновенно употребляются *цельтъ*, *цельтокъ*, *цельтикъ*; однако говорится и *кельтъ*, и еще *твьтъ* (напр. у Новгородцовъ). Эта послѣдняя форма (твѣтъ) есть посредствующая между двумя другими; ибо звукъ *к* переходитъ въ *ц* (=тс) и *ч* (тш) черезъ *т*.

Соотвѣтствiе между *к* и *т* видно изъ ихъ взаимной смѣны. Слово *тльсто*, по-бѣлоруски *цльста*, въ разныхъ мѣстахъ Украины и Червонной Руси произносится *кисто*. Такое употребленiе *к* вм. *т* еще примѣтнѣе въ Покутьи (Буковинѣ), гдѣ и слова *тѣло*, *тѣмя*, произносятся *кило*, *киме*. У Полабцовъ было наоборотъ, *т* вм. *к*: *тиза* (кожа), *теса* (коса), и проч.

§ 86. Съ разсмотрѣннымъ словомъ (цвѣтъ-квѣтъ) можно сблизить девятую примѣту Добровскаго — *птица-птакъ*, — по звукамъ *ц* и *к*, находящимся здѣсь въ концѣ, а тамъ въ началѣ. Сею примѣтою тоже можно различать два западные удѣла: въ югозападномъ — *цвѣтъ*, *птица*; въ сѣверозападномъ —

квѣтъ, птакъ. Но въ русской рѣчи совмѣщаются обѣ формы и этого слова: птица и птахъ.

Отъ южнорусской формы — *птахъ* произошла сѣверозападная форма *птакъ* (по-словацки *птакъ* и *фтакъ*), переменною *х* на *к* (какъ въ сербскомъ языкѣ *женикъ* вм. женихъ). Но въ уменьшительныхъ обѣ формы смѣшиваются: въ южнорусскомъ — *птахъ*, *пташокъ*; въ польскомъ — *птакъ*, *пташекъ*, въ нижне-лужицкомъ — *пташкъ*, въ чешскомъ *птачекъ*, въ словацкомъ — *птачокъ*. Въ кашубскомъ нарѣчьи удерживается *х* и въ положительной формѣ — *птохъ* и *втохъ*.

Въ русскихъ нарѣчьяхъ это слово расплодилось во многіе виды, которые, по моему мнѣнію, произошли отъ кореннаго, уже не существующаго отдѣльнымъ — *потъ* или *пота*. Ихъ можно привести къ слѣдующимъ родамъ.

1. *Птахъ* и *птакъ*; въ женс. р. *птаха*. Они выговорены вм. *потахъ*, *потѣха*, — что подтверждается санскритскою формою *патага*.

2. *Птица*, по-южнорусски *птиця*; выговорено вм. *пѣтица*, почему и писано было *пѣтица*, наприм. въ Евангеліи Остромирѣвомъ.

3. *Пѣтка*: эта форма, извѣстная по древнимъ русскимъ писаніямъ, начиная съ устава

Владимірова, — употребительна и нынѣ у Великороссіянь, говорящихъ на о. Уменьшительна — *пѣточка*. Сюда принадлежитъ форма, употребительная въ нарѣчіяхъ бѣлорускомъ и среднерускомъ — *птушка*, вм. *пѣтушка*.

4. Уменьшительная форма средняго рода — *пѣтя, пѣтятко*. Она свойственна южно-русскому языку, и остается донынѣ въ живомъ употребленіи въ поднарѣчій закарпатскомъ. Берында въ своемъ Лексиконѣ пояснялъ этою формою, какъ туземною, церковнославянское слово *птенець*.

§. 87. Седмою примѣтою у Добровскаго поставлено мѣстоименъ *тъ* (=той), во второмъ разрядѣ — *тенъ*. Руская рѣчь не знаетъ звука *н* въ этомъ словѣ: по-южноруски и верхнеруски говорится — *той*, по-бѣлоруски, иногда и по-южноруски — *тей*, а по-московски — *тотъ* (=санскрит. *татъ*). Въ задунайской Славянщинѣ также говорится *той, тай* (*тонъ* попадаетъ изрѣдка только въ древнихъ рукописяхъ, наприм: во Фризинской).

У сѣверозападныхъ Славянъ звукъ *й* въ этомъ мѣстоименіи переведенъ въ *н*; вм. *тей, той* — *тенъ, тонъ*.

Изъ этого видно, что седмая примѣта Добровскаго — вѣрнѣе всѣхъ предыдущихъ обозначаетъ свои разряды.

§. 88. Изъ остальныхъ примѣтъ Добровскаго рассмотримъ только *пепель*. Назначенная второму разряду форма *пепель* есть первообразная, по своему предлогу *по*, указывающему на происхождение этого имени отъ глагола *полать* (пылать), по-южноруски *палати*; или отъ формы тогоже корня — *палити* (жечь).

Имя *пополь* или *пепель* произошло отсюда, какъ *пожирь* (по-южноруски *пожежа*) отъ своего глагола; потомъ оно измѣнилось въ *пепель*, какъ слова огонь, ноготь, локоть, у нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ измѣняются въ огонь, ногеть, локеть.

Форма *пепель* удержалась не только у сѣверозападныхъ Славянъ, но также у южной и бѣлой Руси; она встрѣчается и въ писаніяхъ св. Кирила Туровскаго (см. Памят. Рос. Слов. XII вѣка, изд. К.Калайдовичемъ, 1821. стр.63).

У Славянъ задунайскихъ это имя измѣнилось въ *пепель*, *пепевъ*, *пепео*; произносится оно съ *пе* и у многихъ Великороссіянъ, напр. у Новгородцовъ.

Очевидно, что по этому слову русская рѣчь не принадлежитъ къ первому разряду, а подходитъ подъ оба.

§ 89. Изъ всего сказаннаго о примѣтахъ Добровскаго видно, что только *три* изъ нихъ выдержаны въ русской рѣчи такъ, какъ онѣ назначены *первому* разряду, именно: *невставка* *д* передъ *л*, *звѣзда* и *той* (тотъ). Потому, для соединенія русской рѣчи въ одинъ разрядъ съ югозападною, моглибы послужить только эти три примѣты; а всѣ остальные не идутъ къ дѣлу, ибо противорѣчатъ такому соединенію. По однимъ изъ нихъ, русская рѣчь соотвѣтствуетъ *обоимъ западнымъ* разрядамъ, а по нѣкоторымъ подходитъ *больше къ сѣверозападному*, нежели къ задунайскому, особливо языкъ южнорускій.

Но изъ сказанныхъ трехъ примѣтъ, *невставка* звука *д* передъ *л*, и слово *звѣзда*, недостаточны для того, чтобы обозначить собою весь антскій разрядъ и отдѣлить его отъ разряда сѣверозападнаго. Потому, изъ всѣхъ примѣтъ Добровскаго, удовлетворительно оказывается только одна — *седмая*. Придавъ къ ней на подмогу Шафарикову примѣту *смотреть*, получимъ слѣдующій отличительный признакъ двухъ разрядовъ Добровскаго.

Въ 1-мъ разрядѣ : а) неупотребленіе звука *н* въ мѣстоименъ *той, тей, тотъ*; б) употребленіе звука *м* въ глаголѣ *мотрѣть, смотреѣть*.

Во 2-мъ разрядѣ : а) употребленіе звука *н* вмѣсто *й* въ мѣстоименъ *тонъ, тенъ* (=той, тей); б) употребленіе звука *п* вм. *м* въ глаголѣ *патрити* (=мотрити).

Вотъ тѣ филологическія узы, которыми югозападная рѣчь необманчиво сопрягается съ рускою въ одинъ разрядъ, называемый по Добровскому — антскимъ, по Шафарыку — юговосточнымъ. Ему, какъ *искусственному* разряду, достаточно этого; и нѣтъ никакой надобности украшать его другими примѣтами, сколько нибудь существенными. Ибо чѣмъ важнѣе примѣта сама по себѣ, тѣмъ болѣе она вопреки этого разряда.

Задунайская или югозападная рѣчь съ Рускою сопряжена не столько своимъ ближайшимъ съ нею сродствомъ, сколько языкомъ церковнославянскимъ. Содѣлавшись молитвеннымъ и письменнымъ языкомъ Руси, онъ проникъ въ ея общежительную рѣчь, а особливо въ избранный *рускій языкъ*.

На формы и слова, перешедшія изъ церковнаго языка въ рускій, филологія стала смотрѣть не только какъ на природныя рускія,

но и какъ на древнѣйшія рускія. Имѣя ихъ въ виду, и обращая вниманіе болѣе на нашу письменный языкъ, чѣмъ на народный, она вывела неправильное заключеніе о ближайшемъ сродствѣ русской рѣчи съ задунайскою, и соединила ихъ въ неправильный *антскій* разрядъ, разрознивъ черезъ то два удѣла западнославянскіе.

Но югозападная рѣчь, по своему внутреннему сродству, ближе къ сѣверозападной, и составляетъ съ нею одну *рѣчь западнославянскую*.

Наша восточная или *русская рѣчь* равно близка къ обоимъ западнымъ удѣламъ. Она соотвѣтствуетъ имъ обоимъ, взятымъ вмѣстѣ; но не составляетъ середины между ними, — также точно, какъ наше русское племя составляетъ не средину между сѣверозападными и югозападными Славянами, но соотвѣтствуетъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

СТАТЬЯ XII.

О вставномъ звукѣ л вообще, и объ отношеніи губныхъ звуковъ къ ерю.

§ 90. Представивъ разборъ двенадцати примѣтъ, которыми рускую рѣчь хотѣли связать въ одинъ разрядъ съ югозападною, я разсмотрю еще особо одну изъ этихъ примѣтъ: *вставной* звукъ л послѣ губныхъ. Его достоинство діагностическое показано выше, въ § 72-мъ; здѣсь я имѣю въ виду его происхожденіе и значеніе. —

Нерѣдко встрѣчается косноязычіе, при которомъ звукъ л выговаривается какъ *й* или *ь*, или совсѣмъ невыговаривается; наприм. земля, воя, чейовѣкъ, юди, вопъй, вой,—вмѣсто земля, воля, челоуѣкъ, люди, вопль, волъ.

Такое личное произношеніе принимается иногда въ народную рѣчь, и случайныя недомолвки косноязычія обращаются въ постоянныя формы словъ. Такъ нѣкоторые иллирскіе Славяне (Корчуляне) усвоили себѣ опущеніе или обращеніе въ *й* звука л послѣ

гласныхъ; и вмѣсто постеля, кошуля, говорятъ: постеля, кошуя (Сл. Народ. с. 58).

Наклонность къ такому произношенію примѣтна и въ рускомъ языкѣ, въ которомъ—по наблюденіямъ Павскаго — слово чешуя выговорено вмѣсто *чешуля*; а. ратай, ушкой — вмѣсто *раталь, ушкуль*. Очевидно, что въ приведенныхъ и подобныхъ случаяхъ окончаніе *я* послѣ гласныхъ произошло изъ *ля*.

Тѣже Иллирцы, которые вмѣсто постеля говорятъ постеля, и нѣкоторые другіе задунайскіе Славяне, произносятъ *земля* вмѣсто земля. Сѣверозападные Славяне еще постоянно пропускаютъ звукъ *л*, употребительный у насъ послѣ *губныхъ* звуковъ. Здѣсь, также какъ и въ вышеприведенныхъ случаяхъ, окончаніе *л* можно считать происшедшимъ изъ *ля*. Но какъ звукъ *л* послѣ губныхъ считается обыкновенно *вставнымъ*, въ словахъ этого разряда; то и происхожденіе окончаній принимается здѣсь обратное: окончаніе *ля* считается происшедшимъ изъ *л*, черезъ прибавку къ нему *л*. Сперва это *л* считали прямо вставнымъ или прибавочнымъ для благозвучія; слова земля, корабль и прочая производили изъ *земля, корабль*. Но теперь, для производства этихъ словъ, предполагается сначала стеченіе двухъ *тонкихъ придыханій*— *ь* или *й*,

и поставляется общимъ правиломъ, что при такомъ стеченіи послѣ губныхъ, во избѣжаніе онаго, первый ъ передѣлывается на эвфоническое л. Такимъ образомъ слова земля, ловля, капля, принимаются выговоренными вмѣсто *земья, ловья, капья* (=земья, ловья, капья); вошь — ви. *вошь* или *вопъи*; а люблю, ловлю, ви. *любью, ловью* (=любью, ловью).

§ 91. Какъ ни благоустроено такое изъясненіе въ филологической теоріи Павскаго, но я не нахожу его истиннымъ. Несправедливымъ оно кажется мнѣ уже потому, что дѣйствительныя формы словъ выводятся изъ вымышленныхъ, и недомолвки коспоязычія поставляются въ основныя формы языка. Такія слова, какъ земля, ловья, капья, очевидно суть искусственныя, нарочныя недомолвки. Въ языкѣ онѣ могутъ явиться только какъ случайныя уклоненія отъ готовыхъ словъ — земля, ловля, капля, гдѣ данное уже л обращается въ ъ, а не наоборотъ. Станемъ руководствоваться дѣйствительными формами славянской рѣчи, и увидимъ, что стеченіе двухъ *ерей* послѣ губныхъ звуковъ, будто всегда предшествующее образованію эвфоническаго л, есть только воображаемое. Такого предвари-

тельнаго образованія двухъ *ерей* нѣтъ въ языкѣ нашемъ, да и ненадо: ибо вставное *л* можетъ являться послѣ губныхъ звуковъ, не образуясь изъ *еря*; а то *л* послѣ губныхъ, которое называется эфоническимъ, происходитъ обыкновенно не изъ *еря*.—

Правило о переходѣ перваго *еря* въ *л* основано у Павскаго на *нестерпимости* двухъ-ерянаго стеченія для губныхъ звуковъ. Но эта нестерпимость есть только логическій выводъ, а не дѣйствительная принадлежность языка.

Первымъ началомъ этому правилу полагается нестерпимость *одного еря* для губныхъ звуковъ; но здѣсь и первая ошибка. Ибо у Великороссіянъ губные звуки, хотя и неимѣютъ особеннаго расположенія ни къ открытому ни къ сокрытому ерю; однако съ тѣмъ и другимъ соединяются часто, иногда по неволѣ, а болѣе того по волѣ.

На этомъ первомъ началѣ основано слѣдующее уместованіе: «если и одинъ *ь* нестерпимъ для губныхъ звуковъ, то два тѣмъ болѣе» (Ф. II. I. 59). Казалось бы такъ; но въ самомъ дѣлѣ это наоборотъ. Для губныхъ звуковъ, въ великорускомъ выговорѣ, весьма терпимъ одинъ *ь*, а два *еря* терпимы еще больше. Въ южнорускомъ выговорѣ,— гдѣ у губныхъ зву-

ковъ сколькожъ нетерпимости къ одному *ерю*, сколько въ великорускомъ у звуковъ гортанно-небныхъ, — открывається еще яснѣе несправедливость вышеприведеннаго *лү*мозаключенія.

Не будучи вѣрнымъ въ своей теоретической основѣ, правило *двухъерянаго стеченія* неудовлетворительно и въ приложеніи практическомъ; ибо искомыя дѣйствительныя формы словъ, изъ предположенныхъ вымышленныхъ формъ — по этому правилу — не выходятъ сами собою, безъ искусства филологическаго. Это искусство заставляетъ губные звуки избѣгать *двухъерянаго стеченія* даже и тогда, когда они спокойно при немъ остаются.

Таковъ именно у Павскаго *первый* способъ избѣгать *двухъ ерей* — разведеніемъ ихъ по разнымъ слогамъ и полуслогамъ: бь-ю, пь-ю, вь-ю.

Вторымъ способомъ назначена у Павскаго замѣна перваго еря бѣглымъ *е*; наприм. воробей вмѣсто *воробь* или *воробьй*.

Передѣлка перваго еря въ эвфоническое *л* назначена какъ *третій* и послѣдній способъ избѣгать *двухъерянаго стеченія* (Ф.Н.І.95).

Какую значительность въ русской рѣчи имѣютъ *двухъеряное стеченіе* и эти три способа избѣгать его, — о томъ будетъ говорено въ слѣдующихъ статьяхъ; а здѣсь разсмотрѣ-

римъ отношеніе губныхъ звуковъ къ *одино-
кожу ерю*.

§ 92. Въ Филологическихъ Наблюденіяхъ (I. 125) сказано, что рускій выговоръ «ни въ какомъ случаѣ, ни въ срединѣ словъ, ни въ концѣ, не хочетъ терпѣть еря при *б, в, м, н, ф,* и всегда произноситъ его твердо, какъ *ъ*» на прим. вмѣсто голубь, червь, кровь— голупь, черфь, крофь.

Но такой выговоръ этихъ словъ на *ъ* принадлежитъ не всѣмъ Великороссіянамъ. По господствующему московскому, и по среднерускому выговору, въ упомянутыхъ именахъ мужскаго рода, и въ подобныхъ именахъ женскихъ, на прим. глубь, рябь, скорбь, топь, бровь, темь, — стоящій при нихъ *ъ* произносится обыкновенно также явственно, какъ и въ польскомъ языкѣ, гдѣ говорится: корабь, журавь, щавь, или точнѣе — корапъ, журафъ, щафъ; а не корабъ, журавъ, щавъ.

По слабой привязанности къ *ерю*, губные звуки, въ великорускомъ выговорѣ, легко мѣняютъ его на *ерь*. Но это не можетъ еще назваться *нетерпимостью*; ибо это далеко не то, что у гортаннонебныхъ звуковъ, которые вовсе не соединяются съ открытымъ *ь-мъ*. Однако въ нарѣчіяхъ великорускихъ и эти звуки соединя-

ются свободно съ *л*; а въ среднерускомъ нарѣчїи звукъ *к*, не только принимаетъ къ себѣ *я* вмѣсто *а*, но допускаетъ даже *ю*, безъ всякой необходимости и принужденія; наприм. тройка, дочка, миленькая, только (только), чайкю. (Впрочемъ на такую особенную расположенность въ звукѣ *к* къ тонкимъ гласнымъ, можно смотрѣть какъ на ту причудливость, которая у физиологовъ называется *идіосинкразіей*.)

§ 93. Что касается до еря сокрытаго въ гласныхъ звукахъ, называемыхъ *тонкими*; то въ рускомъ языкѣ нестерпимымъ для губныхъ считался одинъ звукъ *ю* (= *ьу*). Какъ исключеніе изъ этого правила, проводились глаголы *каймю*, *клею*. Павскій, помѣстивъ звукъ *м* въ двухъ разрядахъ: и междугубными, и между полусогласными (т. е. плавкими), говоритъ, что «звукъ *м*, въ случаѣ нужды, пользуется правомъ полусогласныхъ.» (Ф. Н. Ш. 164) Представлялись еще слова *голубь*, *червь*, въ дательномъ падежѣ—*голубю*, *червю*. Но объ нихъ сказано, что здѣсь губные звуки терпятъ *ю*— «съ большимъ принужденіемъ.» (Ф. Н. Ш. 126)

Такая же нестерпимость для губныхъ въ Филологическихъ Наблюденіяхъ приписывается и тонкому *я* (= *ья*), въ отличіе отъ такъ называемаго носоваго *я*, которое, по теоріи

Павскаго, будучи = *en*, не содержитъ въ себѣ *еря*, и потому вполне терпимо губными. Однако губные звуки и съ обыкновеннымъ тонкимъ *я* (= *ya*) часто соединяются прямо, не прибѣгая къ вставному *л*.

Положимъ, что въ глаголъ *мяукать* (польски *miaukać*) звукъ *м* воспользовался правомъ полусогласныхъ; а въ окончаніяхъ падежей—*голубя*, *голубямъ*, *голубями*, тонкое *я* терпится съ большимъ принужденіемъ.

Но вотъ окончательный слогъ *янинъ*, въ нашемъ племенномъ имени *Славянинъ*. . . . Въ Филологическихъ Наблюденіяхъ (II. 149) для этого имени »нѣтъ никакой защиты.» Однако защитою ему служатъ полторасти или двѣсти лѣтъ¹² употребленія его у насъ, и та непринужденность, съ какою мы приняли его вмѣсто древняго имени »Словѣнинъ».—Подобно тому и вмѣсто *Арменинъ*, у насъ говорится *Армянинъ*, а не *Армянинъ*. Съ одинаковымъ удобствомъ произносятся у насъ: *Славянка*, *Варшавянка*, и *Кіевлянка*. Церковнымъ писаніемъ мы пріучились выговаривать по задуманскому произношенію—*Римляне*; но также

12. По замѣчанію Калайдовича, имя *Славянинъ* встрѣчается еще въ третьемъ изданіи медіатки Смотрицкаго, напечатанномъ въ Москвѣ 1648 г.

легко могли бы мы усвоить и сѣверо-западный выговоръ—*Римляне*; сами же собою мы, вѣроятно, назвали бы жителей Рима *Римцами*, также какъ жителей Крыма, Муромъ, называемъ Крымцами, Муромцами. Передѣлка губныхъ звуковъ въ *бл*, *пл*, *вл*, *мл*, передъ окончаніемъ *янинъ*, проистекаетъ не изъ собственной потребности языка нашего; а составляетъ въ немъ только подражательную привычку, по которой у насъ вмѣсто Сербъ или Сербинъ писали Серблянинъ; вмѣсто древняго по-нынѣ употребительнаго въ народѣ имени Кіянинъ, стали говорить Кіевлянинъ. (Такъ нѣкоторые Червоноруссы, напримѣръ въ Русалкѣ Днѣстровой, вмѣсто Славяне пишутъ—Славляне.)

По тому же свойству языка, и окончаніе прилагательныхъ именъ *яный* свободно допускается къ звукамъ губнымъ: румяный, соломяный, лубяный, черепяный, деревяный. По предположенію Павскаго (Ф. Н. II. 149) здѣсь *я* составилось изъ *ен*, т. е. деревяный выговорено вмѣсто деревенный.

Слова здоровякъ, червякъ, тюфякъ, хомякъ, армякъ, показываютъ, что и окончательный слогъ *якъ* свободно допускается у насъ губными. Что же здѣсь привести въ оправданіе теоріи? Развѣ предположить, что и здѣсь

выговорено здоровякъ вмѣсто здоровенкъ?...

Но зачѣмъ намъ допускать такія предположенія, когда въ приведенныхъ окончаніяхъ *яинъ, яный, якъ*—звукъ *я* обыкновенный тонкій, сложенный изъ *ь* съ *а*,—почему и у Поляковъ онъ пишется *ia*, а не *e*, наприм. *Slowianin, gumianu, Krakowiak*.

Изъ приведеннымъ примѣровъ видно, кажется, что тонкое *я* (= *ъа*) очень часто терпится губными; и если возьмемъ во вниманіе, что тонкіе звуки *e, ё, и*, вполне терпимы губными; то конечно должны будемъ сказать, что въ русскомъ языкѣ у губныхъ звуковъ нѣтъ нетерпимости къ *ерю*, ни къ *открытому*, ни къ *сокрытому* въ тонкихъ гласныхъ.

§ 94. Въ языкѣ южнорускомъ звукъ *я*, какаго бы онъ ни былъ значенія, одинаково нелюбимъ губными, наравнѣ съ *ю* и *е*. Тамъ, изъ всѣхъ тонкихъ гласныхъ звуковъ, свободно допускается губными только *ь*, и всякое вообще тонкое *и* (= *й, î, ô, ê, û*). Открытый *ь* въ южнорускомъ языкѣ также нелюбимъ губными, почему обыкновенно замѣняется *ъ-мъ*. Словомъ сказать, тамъ у *губныхъ* звуковъ столько нетерпимости къ сочетанію одноерьюму, сколько въ великорускомъ выговорѣ у *гортаннонебныхъ*. Эти послѣдніе звуки, въ

южнорускомъ выговорѣ, несоединяются даже и съ *ь*, и когда приходитъ оно въ склоненіи именъ, то звуки *з, х, к*, ставятъ вмѣсто себя *з, с, ц* (какъ и въ бѣлорускомъ); а передъ *е* въ звательномъ падежѣ смѣняются звуками *ж, ш, ч*. Они тогда только выдерживаютъ острое *и*, когда въ него обращаются гласные *о, у*; напримѣръ *гѣсть, хѣтъ, кѣнь, огурокъ*. Такимъ образомъ оправдывается пословица »охота пуще неволи!«

И такъ *одинокій ь*, какъ открытый такъ и сокрытый, оказывается нестерпимымъ для губныхъ звуковъ не въ великорускомъ, а въ южнорускомъ выговорѣ; за то тамъ двухъ-ерное стеченіе при губнымъ звукахъ терпимо и любимо еще болѣе, чѣмъ въ великорускомъ.—

С Т А Т Ь Я XIII.

О производствѣ женскихъ именъ съ окончаніемъ ля послѣ губныхъ звуковъ.

§ 95. Какая »извѣстная форма словопроизводства непременно требуетъ,» (Ф. Н. I. 39) чтобы для образованія именъ *земля, капля,*

и тому подобныхъ, возникли сначала двухъеръ-
 нныя формы ¹³ *земья, капья* (= земля, капья)?

Геній нашего языка, говоритъ Павскій:
 »любить отмѣчать имена родовыми знаками.«
 По его требованію, вмѣсто капь, трень, гребь,
 ловь, мы, прибавляя членъ женскаго рода
а, говоримъ: капля, трепля, гребля, ловля.

Что въ этихъ именахъ слогъ *ля* замѣня-
 етъ собою родовой членъ *а* и съ нимъ однозна-
 чителенъ, это неоспоримая истина. Но дѣло
 въ томъ, что изъ члена *а*, прибавленнаго, на-
 примѣръ, въ коренной формѣ *земь*, нельзя
 произойти не только предполагаемой двухъ-
 ерной формѣ *земья* (=земья), но и дѣйстви-
 тельно существующей въ разныхъ языкахъ
 одноерной формѣ *земя* (=земья).

Въ Филологическихъ Наблюденіяхъ спра-
 ведливо замѣчено, что имена постеля, пѣсня,
 и имъ подобныя, образовались изъ коренныхъ
 постель, пѣснь, черезъ прибавку къ нимъ ро-
 доваго *а*, который отъ сліянія съ *еремь* обра-
 тился въ *я*. Отсюда сдѣлано наведеніе и на
 другія имена; и прибавка родоваго члена *а*
 принята общею формою словопроизводства.

13. Замѣтить должно, что въ Филологическихъ Наблюденіяхъ
 ъ и ѣ всегда принимаются за одно и то же; потому
 ѣѣ и ѣѣ всегда идутъ тамъ заодно.

Но это напрасно; ибо отношеніе къ ерю у губныхъ звуковъ иное, чѣмъ у звуковъ *л* и *н*. Слова: постель, яблонь, пѣнь, баснь, потому обращаются въ постеля, яблоня, пѣсня, басня, что въ славянской рѣчи язычные звуки *л* и *н* болѣе всѣхъ согласныхъ любятъ *ь*; а потому они удерживаютъ при себѣ *ь* и по принятіи члена *а*. Но въ именахъ, кончащихся на губной звукъ съ *ь-мъ*, бываетъ иначе: принимая родовой членъ *а*, они всегда отбрасываютъ *ь*. Потому вмѣсто *ь*, послѣ всѣхъ губныхъ, бываетъ только *а*, а не *я*.

На это можно смотрѣть, какъ на законъ дѣйствующій во всей славянской рѣчи, ¹⁴ въ слѣдствіе котораго говорится: темъ и тьма, тама, тема, въ бѣлорускомъ и польскомъ цѣма, и нигдѣ нѣтъ *тьма*. Или: молвъ и молва, мова, млува, и нигдѣ нѣтъ *молва*. Тоже и въ другихъ словахъ кончащихся на *вь*: бровь,

14. Не имѣя въ виду этого закона, Дубенскій въ своемъ изданіи Пѣсни о полку Игоревѣ (М. 1844, с. 37), сочинилъ для нея слово *стазъ* или *стазля*, — вмѣсто *стазба*, какъ принималъ всѣ единогласно, и какъ должно принимать. Это все равно, еслибы вмѣсто изба, рѣзба, сказать *избля*, *рѣзбля*. Предложенное тамъ же производство слова *стазба* изъ *стадъба*, черезъ *стадзба*, также невозможно, какъ невозможно у насъ словамъ *свадъба*, *ходъба*, перейти въ *свазбля*, *хозбля*.

по - южноруски брoвa, у другихъ Славянъ обр-ва, оберва и т. д. Для зкуковъ *б* и *п* припомнимъ: кобъ и старочешское—коба; цепь и южно-русское — цeпá; перéсыпь и перéспа; польск. конопь, по - верхнелужицкй конопа.

Очевидно, что непосредственно изъ *земь*, *капъ*, *гребь*, *ловь*, черезъ прибавку *а*, произошли бы: *зема* (= санскритс. сима), *капа*, *гребя*, *лова*, а не земля, капя, гребя, лова. Тѣмъ менѣе этимъ способомъ моулибы возникнуть: земля, капья, гребья, ловья; ибо если отъ прибавки членнаго *а*, неостается и *одного* еря послѣ губныхъ, то какъ же произойдетъ ихъ *два*? Нельзя допустить этого, особенно по той теоріи, гдѣ два еря признаются нестерпимыми для губныхъ болѣе чѣмъ одинъ.... Да и начто вводить въ словопроизводство такія формы, которыя нетолько чужды русской и западно-славянской рѣчи; но еслибы даже и явились у насъ какъ нибудь, то остались бы безнолезными: ибо по свойству русскихъ нарѣчій, ни въ одномъ изъ нихъ, слова *земья*, *капья*, не обратились бы въ земля, капля.

§ 96. Если бы въ нарѣчїяхъ великорускихъ возникло слово *земья*, то оно весьма бы осталось безъ передѣлки *ь* на *л*, на томъ же основаніи, какъ и созвучныя слова *семья*,

скамья, остаются непередѣланными въ сем-ля, скамля. Точно такъ и другія женскія имена существительныя — ятровья, коробья, и прилагательныя — бабья, вдовья, холопья, не передѣлываются въ ятровля, коробля, бабля, вдовля, холопля. Тоже и въ именахъ средняго рода, наприм. раздумье, здоровье, безрыбье, копье.

Въ рускомъ выговорѣ виолнѣ терпимы, даже любимы двухъеръныя окончанія послѣ всѣхъ губныхъ звуковъ. Потому, напримѣръ въ Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ первыхъ страницъ его, встрѣчаются: жребьи, Ефивопя, Сируфья, абье, братолюбье, трупье, вопъеть, високоумье, срамословье. Протяженіе *ерл* въ *и* (копіе, здравіе), и опущеніе *еря* (кóпе, здрòве) принадлежатъ собственно западнославянскому выговору. Для рускаго языка это только двѣ крайности, какъ роскошь и бѣдность, изъ которыхъ онъ при случаѣ выберетъ, разумѣется, первую. Но употребленіе звука *л* вмѣсто *ь* послѣ губныхъ былобы такая рѣдкость, какой и не слыхано, кажется, въ сѣверной Руси. Еслибы оно принадлежало рускому языку, то помянутыя слова выговаривались бы въ немъ со звукомъ *л*: раздумле, здоровле, безрыбле, копле. Но такой выговоръ составляетъ особенность язы-

ка сербскаго, въ которомъ дѣйствительно говорится: копле, здравле, безумле, рыбле, кравля, и т. д. Тамъ и своенародное имя Сербы или Серби передѣлано въ *Србли*.

Но эта особенность сербскаго языка не имѣетъ мѣста въ языкѣ рускомъ. Она принадлежитъ къ мѣстнымъ, частнымъ явленіямъ въ кругу славянскомъ.

§ 97. Такія двухъерьяныя формы, какъ земля, капья, гребья, могли бы явиться въ языкѣ южнорускомъ, еслибъ довелось ему принимать одноерьяныя формы — земля, капя, гребя; ибо въ немъ губные звуки не любятъ соединяться ни съ какимъ я. Чтобъ избѣжать этого одноерьянаго стеченія, губные звуки, въ южнорускомъ языкѣ, отъ тонкихъ гласныхъ отдѣляются обыкновенно вставнымъ *еремъ*, отъ чего происходитъ стеченіе двухъерьяное. Такъ, вмѣсто имя, вымя, мясо, вяну, пять, Малороссіяне говорятъ обыкновенно: имья, вымя, мясо, вяну, пять. Изъ этого видно, что въ южнорускомъ языкѣ для губныхъ звуковъ двухъерьяное стеченіе терпимѣе и удобнѣе, чемъ сочетаніе одноерьяное, и служитъ противъ него средствомъ. Тонкому придыханію, вѣющему на нихъ изъ

гласнаго звука, они противопоставляютъ такое же тонкое придыханіе.

Однако, по свойству южнорускаго выговора, слово *земья* моглобы перейти только въ *земля*; а *капья*, *гребья*, должныбы остаться *безъ перемьны*. Между тѣмъ эти слова и у Южной Руси выговариваются не иначе, какъ *земля*, *капля*, *гребля*, одинаково съ Велико-росіянами. Это значить, что сказанныя слова въ русской рѣчи образовались не изъ *земья*, *капья*, *гребья*.

§ 98. Свойство южнорускаго выговора, по которому слово *земья* моглобы перейти только въ *земля*, а не въ *земля*, есть слѣдующее.

Звуки *б* и *п*, вполнѣ и постоянно губные, небывающіе никогда плавкими, имѣютъ полную терпимость къ двухъерънному стеченію, и свой вспомогательный *ь* оставляютъ всегда въ полугласномъ видѣ, не замѣняя его никакимъ согласнымъ звукомъ. Выговору позволительно обратить его только въ *з*; напр. вмѣсто *лубье*, *пьять*, — *лубье*, *пьять*. Но звуки *м* и *в*, не будучи постоянными губными, и нерѣдко бывающіе плавкими, не всегда оставляютъ при себѣ и двухъерънное стеченіе. Въ такомъ разѣ звуки *м* и *в*, вмѣсто вспо-

могательнаго *еря*, ставятъ соотвѣтственный себѣ язычный звукъ.

Звуку *м* между язычными соотвѣтствуетъ *н*. Они близки между собою, и по плавкости, и по способности обращаться въ носовой звукъ; и въ славянскихъ языкахъ, нерѣдко *н* перемѣняется на *м*.

Потому звуку *н* всего ближе быть вспомогательнымъ для *м*, при его освобожденіи отъ стеченія двухъервнаго. И дѣйствительно, вмѣсто имья, вымя, мясо, память, въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи говорятъ: *имня*, *вымя*, *мясо*, *памнать*. Тоже и у Галичанъ, которые перемѣняя *я* на *е*, говорятъ: *имне*, *вымне*, *мнесо*, *памнетъ*.

Что касается до звука *в*, то у него много взаимности съ *л*, вмѣсто котораго онъ такъ часто употребляется въ южнорускомъ языкѣ. Потому вспомогательному *ерю* послѣ *в*, всего ближе замѣняться звукомъ *л*, также какъ послѣ *м* онъ замѣняется звукомъ *н*. Это и дѣйствительно бываетъ въ поднарѣчій галицкомъ, гдѣ вмѣсто здоровье, говорятъ *здоровле*. Вотъ зачатокъ того прибавочнаго *л*, которое въ сербскомъ языкѣ является вмѣсто *ь* и *и*, послѣ всѣхъ губныхъ звуковъ.

Едвали не этимъ ограничивается въ русской рѣчи весь переходъ перваго *ь* въ *л*, по-

слѣ губныхъ, изъ дѣйствительнаго двухъерънаго стеченія : послѣ *в*, и то почти какъ исключеніе, а не общее правило! —

§ 99. Вышеприведенное употребленіе звука *и* послѣ *м*, въ языкѣ южнорускомъ, составляетъ какъ бы переходъ къ бѣлорускому выговору, гдѣ звукъ *м*, при двухъерномъ стеченіи, отказывается вовсе отъ свойства губныхъ, и становится на ряду съ язычными *л* и *н*. Тамъ эти звуки при двухъерномъ стеченіи удвояются: вмѣсто *зелье*, *молонья*, *свинья*, говорится *зелье*, *маланья*, *свинья*. Точно такъ и вмѣсто *вымя*, говорится *вьмя*. Потому изъ слова *земья*, по бѣлорускому выговору, могло бы выйти не *земля* или *змя* (какъ говорятъ Бѣлоруссы), но *зьмя*.

Удвоеніе звуковъ *л* и *н* при двухъерномъ стеченіи принадлежитъ и языку южнорускому, въ которомъ слова — *роля*,¹⁵ *зелье*, *веселье*, *коханье*, *спочиванье*, и проч., выговариваются: *рѡльля*, *зѣльле*, *весѣльле*, *коханье*, *спочиванье*; или же, перемѣняя *е* на *я*, *зѣльля*, *коханья*, и т. д.

15. *Роля* (пашня) слово издревле употребительное въ южнорускомъ языкѣ, какъ видно наприм. изъ Кіевс. Лѣтописи: „не время нынѣ погубити смерды отъ роля“. Польски и по-чешски *роля*.

Что значить такое удвоение?— Язычные звуки *л* и *н* болѣе всѣхъ согласныхъ склонны къ соединенію съ *ь-мъ*; потому имъ всего болѣе свойственно расположеніе и къ непосредственному сочетанію съ тонкими гласными. Стеченіе двухъерное составляетъ тому помѣху; и кажется, по этой причинѣ оно нелюбимо звуками *л* и *н*. Для непосредственнаго сочетанія съ тонкими гласными, они должны или вовсе опустить первый *ь*; или, удержавъ его при себѣ, повторить себя лишній разъ передъ тонкимъ гласнымъ звукомъ. Въмѣсто *зѣльле*, *коханьне*, можно бы сказать просто — *зѣле*, *кохане*; но такія окончанія южнорускій языкъ предоставилъ западнославянскимъ, и обходится ими только въ Червонной Руси;¹⁶ а въ письменномъ западнорускомъ языкѣ они употреблялись, кажется, изъ подражанія польскому. Но при язычныхъ звукахъ *д* и *т*, допускаются оба способа: и удвоеніе согласныхъ,¹⁷ наприим. *судьдя*, *пѣдборѣдья*, *смѣття* (вм.

16. Въ малороссійскомъ выговорѣ это бываетъ очень рѣдко, какъ исключеніе; наприим. *Уляна* вм. *Ульяна*.

17. Въ малороссійскомъ нарѣчій, къ такому удвоенію склонны и такъ-называемые зубные звуки. Слова: *зѣбже*, *пѣддаше*, выговариваются *зѣбжжя*, *пѣдташше*; *князья*, *волосья*, *стручья* — *князьяя*, *волосьяя*, *стручьяя*. Это служить показателемъ, что

судья, подбородье, сметье); и опущеніе еря, на прим. *дякъ, попада, кутя, счастья* (вм. *дьякъ, попадая, кутья, счастье*). Оба способа ведутъ къ одной цѣли; но между словами они раздѣлены силою употребленія.

Въ южнорускомъ языкѣ (за исключеніемъ звука *р*, который выдерживаетъ двухъерное стеченіе, также какъ и въ великорускомъ) язычные звуки особенно любятъ одноерное сочетаніе, и потому не любятъ стеченія двухъернаго. Губные наоборотъ: не любя одноернаго сочетанія, любятъ стеченіе двухъерное. Здѣсь становится очевиднымъ, какъ не впадать то умтвованіе, (по-видимому правильное), что „если и одинъ *ь* нестерпимъ для губныхъ, то два тѣмъ болѣе.“

§ 100. Изъ вышесказаннаго видно, что имена *земля, капля*, и имъ подобныя, ни въ великорускомъ, ни въ южнорускомъ, ни въ бѣлорускомъ выговорѣ, не могли произойти изъ предполагаемыхъ двухъерныхъ формъ:

такъ — называемымъ зубнымъ звукамъ, въ южнорускомъ языкѣ, свойственно расположеніе и къ ерю, и къ тонкимъ гласнымъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ это расположеніе уже убавилось; но во всей силѣ оно осталось при окончательномъ звукѣ *ц*, по которому южнорускій языкъ такъ разошелся съ великорускимъ.

земля, капля, — и что въ нихъ звукъ *л* не эвфоническій. Потому не удивительно, если даже для Павскаго было трудно отличать производственное *л* отъ эвфоническаго, при губныхъ звукахъ. (Ф. Н. П. 178.)

Нельзя также допустить, чтобъ эти имена произошли изъ *земля, капля*, и т. д., посредствомъ простой вставки *л* послѣ губныхъ. Такія формы, какъ показано выше (§ 95), не могли образоваться непосредственно изъ коренныхъ *земь, капь*; потому не могли онѣ и предшествовать формамъ, кончающимся на *ля*. И такъ если звукъ *л* въ этихъ именахъ не вставной; то мы предоставимъ окончательному слогу *ля* (послѣ губныхъ) принадлежащее ему право, и будемъ смотрѣть на него, какъ на особое окончаніе именъ, которому звукъ *л* принадлежитъ собственно и первоначально, какъ звуки *б, к*, принадлежатъ своимъ производственнымъ слогамъ — *ба, ка*.

§ 101. Въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго, гдѣ такъ подробно разсмотрѣны производственные слогы, сказано, что слогъ *ля* у насъ не составилъ собою особенной породы именъ; производственнымъ этотъ слогъ послѣ губныхъ признанъ только въ словѣ *грабли*; а въ трехъ словахъ (*оглоб-*

бля, цапля и сопля) оставленъ подъ сомнѣніемъ, впрочемъ съ замѣчаніемъ, что и ихъ можетъ быть должно подвести подъ категорію именъ — земля, трепля, капля, и многихъ имъ подобныхъ. Такимъ образомъ окончанію *ля* послѣ губныхъ, во всѣхъ почти разсматриваемыхъ нами именахъ, дано и значеніе и происхожденіе членное.—

а) Съ этимъ нельзя и не согласиться (исключивъ только образованіе *ля* изъ *а* черезъ *ѣа*); ибо слогъ *ля*, наприм. въ именахъ земля, капля, цапля, — дѣйствительно имѣетъ такое же, чисто членное значеніе, какое въ женскихъ именахъ обыкновенно имѣетъ *а*.

б) Но при этомъ нельзя и того не признать, что въ отглагольныхъ именахъ — травля, ловля, торговля, купля, трепля, гребля, и еще нѣкоторыхъ, — слогъ *ля* такойже производственный, какъ слогъ *ка* — въ именахъ качка, крошка, чистка, возка, носка, скачка, или послѣ губныхъ: зимовка, плавка, ковка, рубка, топка, ломка. Здѣсь слогъ *ля* столько же означаетъ собою «отвлеченность дѣйствія и явленія», какъ и слогъ *ка*. Сюдаже принадлежитъ и церковно-славянское слово кормля (кормъ).

в) Слогъ *ля*, въ именахъ кровля, гребля (въ значеніи плотины), показываетъ уже

не отвлеченность, и не дѣйствіе, а производимый предметъ. Тоже и въ именахъ: капля, кропля (въ южнорускомъ), сопля.

г). Наконецъ слогъ *ля*, признанный и у Павскаго производственнымъ, въ значеніи орудія — въ словѣ грабли. Сюда подходятъ и слова оглобля, сабля (въ южнорускомъ и другихъ — шабля), хотя ихъ происхожденіе не совсѣмъ ясно.

Вотъ *четыре* разности именъ со слогомъ *ля* послѣ губныхъ. —

Что одинъ и тотъже окончательный слогъ бываетъ въ именахъ разнаго значенія, это обыкновенное дѣло: тотъже слогъ *ка*, означаетъ иногда совмѣстно дѣйствіе и орудіе; или дѣйствіе и производимый предметъ (напр. краска, сѣчка, сопка, рѣзка, мочка); иногда даже лицо (торговка, сидѣлка; въ южнорускомъ — свѣтилка, перекупка). Важнѣе то, что слогъ чисто членнаго значенія, образуя имена изъ глаголовъ, пріобрѣтаетъ значеніе производственное.

§ 102. Къ именамъ *кореннымъ* слогъ *ля* (послѣ губныхъ) прилагается какъ *членъ*, не придающій собою никакого особеннаго, новаго понятія. Здѣсь онъ вполне однозначителенъ съ членомъ *а*, и его собою замѣняетъ.

Потому въ славянскихъ языкахъ тоже слово встрѣчается и съ *а*, и съ *ля*.

Коренное имя женскаго рода *земь* или *земь*, въ этомъ безприбавочномъ видѣ, принадлежитъ языкамъ рускому, словацкому и чешскому, а также языку зендскому. Отсюда въ персидскомъ языкѣ образовалось *земинь*, по-санскритски — *сима*. Въ славянской рѣчи форма *зема* обойдена, можетъ быть, для различія отъ слова *зима*; и вмѣсто члена *а* принять членъ *ля*. Такимъ образомъ *земля* принадлежитъ къ тойже степени образования, какъ персидское *земинь* и санскритское *сима*: слогъ *ля*=*инь*=*а*.

Точно такъ и слово *конопля* образовано членомъ *ля*, изъ кореннаго имени *конопь* (въ польскомъ) или *конопъ* (въ хорутанскомъ, хорватскомъ). Но въ верхнелужицкомъ нарѣчїи это слово употребительно съ членомъ *а*, т. е. *конопа*, — также, какъ слово мрова, образовавшееся тамъ изъ кореннаго мровъ или мравъ, вмѣсто муравъ; но у Хорутанъ это послѣднее имя приняло членъ *ля*: мровля, мравля.

Имя *цапля* выговорено вмѣсто *чапля* (такъ оно произносится въ южнорускомъ и бѣлорускомъ, въ польскомъ и сербскомъ). Оно образовалось, безъ сомнѣнїя, изъ кореннаго име-

ни *чанъ*, которымъ у Чеховъ зовется близкая къ цаплѣ птица бусель. Такого же образованія и Сербское имя *дропля* (дрохва) — отъ кореннаго славянскаго имени *дропъ*, по-польски *дропь*, по-чешски *дробъ* (по-шведски trapp).

§ 103. Членъ женскаго рода *а* прилагается къ именамъ въ русской рѣчи также, какъ и въ языкахъ санскритскомъ, латинскомъ. Ему соотвѣтственъ въ мужескомъ родѣ членъ *ъ*; обращаемый иногда въ *ь*. Такимъ образомъ имя *гѣлубъ*, у большей части Славянъ употребительное съ *ъ*-мъ, въ среднерускомъ и церковнославянскомъ съ *ь*-мъ — *гѣлубь*; въ латинскомъ съ *а* — *columba*. Латинское имя *раво*, у большей части Славянъ произносимое *павъ*, или по-польски — *павь*, въ женскомъ родѣ — *пава*.

Точно такъ и женскому члену *ля* въ мужескомъ родѣ соотвѣтствуетъ членъ *ель*, употребительный иногда послѣ губныхъ, въ нарѣчійхъ славянскихъ. Слово конопля, вмѣсто женскаго члена, въ великорускомъ нарѣчійхъ принимаетъ иногда мужескій: *конопель*. Забытое у насъ коренное имя *щавъ* (по-польски *щавь*, по-словацки *штавъ* и *штава*), въ русскихъ нарѣчійхъ произносится съ членомъ *ель* — *щавель* (по-чешски *штавель*). Указа-

тельные члены *ъ* и *а*, какъ справедливо принимается въ Филологическихъ Наблюденіяхъ (II. 181), означаютъ тоже, что мѣстоименья *онъ*, *она*. Тоже значеніе имѣютъ члены *il*, *la*, употребительные въ языкахъ иноплеменныхъ: во всѣхъ видахъ своихъ они составляютъ измѣненіе латинскаго мѣстоименья *ille*, *illa*. При сравненіи съ ними нашихъ членныхъ слоговъ *ель*, *ля*, самъ собою возникаетъ вопросъ: не составляютъ ли они попытку славянской рѣчи прилагать и къ своимъ именамъ членное мѣстоименье *ille*, *illa*?.. Рѣшить этотъ вопросъ предоставляю любителямъ сравнительнаго языкознанія.

§ 104. Какъ изъ слога *ля* послѣ гласныхъ опускается иногда звукъ *л* (постеля—постея); такъ иногда бываетъ и послѣ губныхъ, именно послѣ *м*. Слово земля у многихъ Славянъ произносится *земля*; слово кормля измѣняется по-польски въ *кормя*, по-чешски въ *крмя*. Такія формы безъ *л* составляютъ собою уклоненія или недомолвки полныхъ формъ, и происходятъ изъ нихъ, а не наоборотъ. Мы видѣли уже (§ 95), что онѣ не могли образоваться непосредственно изъ коренныхъ; потому напрасно и принимать ихъ предшествующими и основными — для вторичныхъ,

полныхъ формъ, образовавшихся прямо изъ коренныхъ, принятіемъ члена *ля*. Еслибы эти полныя формы производились изъ *земя* и т. п., черезъ вставку *л*, какъ объяснялъ Добровский; то откуда же слогъ *ля* послѣ губныхъ въ сѣверозападномъ удѣлѣ (см. § 72), которому по утверждению Добровскаго-же несвойственно вставное *л* послѣ губныхъ? —

§ 105. Къ тому же разряду уклоненій принадлежатъ и двухъеръныя недомолвки косноязычія: *земья*, *капья*. Ихъ можно разсматривать какъ переходъ отъ полныхъ формъ съ членомъ *ля*, къ недомолвкамъ съ *я*. Въ народномъ употребленіи такихъ словъ почти нѣтъ — развѣ *коробья*, если оно выговорено вмѣсто *корбля* (по-чешски *корбель*, *корба*).

Что касается до имени *ятровья* (отъ *ятровь*), то оно сюда примыкаетъ болѣе по вышнему виду; а по происхожденію оно принадлежитъ къ прилагательнымъ: *ятровій*, *ятровья*. Такой переходъ прилагательныхъ въ существительныя виденъ и на другихъ именахъ, означающихъ отношенія родственныя или семейныя: въ южнорускомъ и верхнерускомъ — *дядина* (жена дяди), въ польскомъ — *сынѡва* (сноха).

§ 106. Грамматическою примѣтою разсмотрѣннаго нами слога *ля* можно положить то, что въ родительномъ падежѣ множественнаго числа онъ измѣняется въ *ель*, а не въ *ей*. Тогда будетъ отличіе и отъ созвучныхъ окончаній (постеля, постелей), и отъ своего творительнаго падежа (землей вм. землю). Впрочемъ народное употребленіе не соблюдаетъ этого строго; и еще Ломоносовъ (въ § 165-мъ своей Грамматики) замѣчалъ, что вмѣсто *цапель*, *капель*, говорятъ и *цаплей*, *каплей*.

С Т А Т Ь Я XIV.

О производствѣ мужескихъ именъ съ окончаніями ель и ей послѣ губныхъ звуковъ.

§. 107. По теоріи Павскаго, имена *корабль*, *журавль* и имъ подобныя, производятся изъ *корабъь*, *журавъь*, получаемыхъ прибавкою родоваго *ь* (= *ъ*) къ производственному *ь* (= *и*); а имена *воробей*, *соловей*, изъ *воробъь*, *соловъь*, въ которыхъ *ь* полагается

также производственнымъ и передѣланнымъ изъ *и*. Въ именахъ перваго ряда этотъ *ь* передѣлывается на эвфоническій *л*; а въ именахъ втораго ряда онъ обращается въ бѣглый *е*.

Первымъ основаніемъ такого словопроизводства служитъ предположеніе, что *ерь*, которымъ кончатся имена мужескія, всегда происходитъ изъ *и*. При такомъ предположеніи, этотъ *ь* хотя служитъ для именъ не болѣе какъ указательнымъ членомъ, однако считается производственнымъ. Черезъ это теорія получаетъ возможность прибавлять къ одному *ерю* еще другой, дабы получить то двухъерное стеченіе, въ которомъ она полагаетъ рѣшительную мѣру побуждать губные звуки къ передѣлкѣ перваго *ь* на *л* или на *е*.

Такимъ образомъ, по теоріи Павскаго, для именъ перваго ряда предполагаются сначала — *кораби*, *журави*; изъ нихъ производятся нестерпимыя *корабь*, *журавь*; изъ этихъ получаютъ еще болѣе нестерпимыя — *корабьь*, *журавьь*; и отсюда уже — искомыя *корабль*, *журавль*. Однако построеніе это все таки не останется прочнымъ: рускій выговоръ послѣ губныхъ уничтожаетъ и *ь* и принятое для него *л*; и замѣняя ихъ однимъ

ъ-мъ, произносить *коранъ*, *журафъ*, вмѣсто корабль, журавль. (Ф. Н. 1. 126).

Очевидно, что такимъ словопроизводствомъ *геній* рускаго языка ставится въ разладѣ съ рускимъ *выговоромъ*, и сложный трудъ генія уничтожается однимъ дебелимъ придыханіемъ — *еромъ*.

§ 108. Предположеніе, что *ь* въ концѣ мужескихъ именъ всегда стоитъ вмѣсто *и*, доказывается (въ Филологическихъ Наблюденіяхъ II. 31) слѣдующимъ объясненіемъ словъ *огнь* и *гость*. „Изъ санскр. агни, лат. ignis, образовалось наше слово *огнь*; изъ лат. hostis, старонѣм. gasti, также образовалось слово *гость*. Очевидно, что тутъ наша буква *ь* стоитъ на мѣстѣ *і*. Тоже должно предполагать и въ словахъ: *день*, *царь*, *князь*, *конь*, *гусь*, *червь*, *гвоздь*, и проч.“

При сравненіи двухъ первыхъ словъ съ латинскими, конечно очевидно, что въ нихъ нашъ *ь* стоитъ на мѣстѣ *is*. Но невидно, почемубы наши слова *огнь* и *гость* образовались изъ приведенныхъ иноязычныхъ; и изъ которыхъ именно: изъ санскритскаго и старонѣмецкаго, или изъ латинскихъ?...

Съ такимъ же правомъ можно сказать наоборотъ, что родоначальными формами этихъ

словъ были рускія, къ которымъ латинскій языкъ прибавилъ *is* вмѣсто *ь*. А кто любитъ родоначаліе скандинавское, тотъ можетъ производить ихъ отъ скандинавскихъ словъ *ogn*, *gast*.

Для производства *еря* изъ *и*, можно еще сказать то, что слова: дѣверь, звѣрь, куколь, елень, образовались изъ литовскихъ *deweris*, *zweris*, *kukalis*, *elnis*; а лось — изъ грузинскаго *losi*. Тутъ вездѣ *ь* стоитъ на мѣстѣ *i*!

Но съ такимъ же правомъ можно произвести и лосось — изъ литовскаго *lasassa*; день, конь, зять, линь — изъ литовскихъ же *diena*, *kuinas*, *zentas*, *lynas*. А послѣ этого можно сказать, что нашъ *ь* происходитъ изъ *а*; и въ подтвержденіе того можно подвести даже изъ санскритскаго: *dinam*, *déwaga*, *pata* — день, дѣверь, путь; изъ старонѣмецкаго *ganza* (посанскритски *ганша*) — гусь; изъ латинскаго *columba*, *ancora* — голубь, якорь; наконецъ изъ ирландскаго *gasda* — гость. Тутъ вездѣ нашъ *ь* стоитъ на мѣстѣ *а*!

Что касается до слова *царь*, то у насъ оно есть прямое сокращеніе слова *caesar* (§ 51) Въ словѣ *князь*, и въ созвучныхъ съ нимъ *витязь*, *пѣнязь*, окончаніе *зь* есть тоже, что нѣмецкое *g*. Звукъ *г* у насъ долженъ былъ, или принять *ь*, и тогда вышлобы *княгь*; или же

вмѣсто себя поставить *з*, — что онъ и сдѣлалъ, оставшись въ собственномъ видѣ только въ женскомъ имени *княгиня*. Окончаніе *язь* тождественно съ вѣмецкимъ *ing, ung*, и по теоріи Павскаго (II. 126).

Изъ сказаннаго открывается, что тѣмъ же путемъ сравненія, изъ тѣхъ же самыхъ иноплеменныхъ языковъ, выходитъ различное соотвѣтствіе мужскаго *еря*: въ однихъ словахъ онъ = *α*, въ другихъ = *i, is*, въ третьихъ = *us* (хмель = *humulus*); а въ иныхъ совсѣмъ нѣтъ соотвѣтственнаго ему окончанія, ибо нѣтъ сходныхъ съ словъ.

И такъ производство мужскаго *еря* изъ *и* есть филологическая натяжка. Его соотвѣтствіе съ латинскимъ и литовскимъ окончаніемъ *is* не имѣетъ отношенія къ его происхожденію въ рѣчи славянской. Оно не можетъ быть обращено въ общее правило потому также, что представляетъ собою частный случай, не исключаящій другихъ.

§ 109. Если *ь* именамъ мужскаго рода, по справедливому наблюденію Павскаго, служить не болѣе какъ *указательнымъ членомъ*; то зачѣмъ давать ему незаслуженное имъ званіе *производственнаго*? — Иное дѣло *членъ*, получившій производственное значеніе: состав-

ляя собою окончаніе производственное, онъ продолжаетъ быть и членомъ.

Не будучи производственнымъ, и не имѣя за собою никакого особеннаго иноязычнаго происхожденія, *ерь* въ концѣ именъ мужескихъ, есть самородный славянскій звукъ, являющійся на мѣсто *ера*, съ тѣмъ же чисточленнымъ значеніемъ,—точно такъ же, какъ окончательный *ь*, отличающій женскія имена, не рѣдко замѣняется въ нихъ *ь-мъ*; какъ и гласные звуки *о*, *е*, въ концѣ именъ средняго рода и нарѣчій, нерѣдко смѣняются другъ другомъ. Можетъ быть въ первоначальной славянской рѣчи и былъ раздѣлъ *ера* и *еря* между мужескими и женскими именами; но съ убавленіемъ способности принимать *ь*—у разныхъ согласныхъ звуковъ, тотъ первоначальный раздѣлъ рушился, и звукъ *ь*, принадлежащій собственно мужескимъ именамъ, замѣнялся въ нихъ *ь-мъ*, весьма часто безъ видимаго основанія и достаточной причины.

§ 110. Если въ мужескихъ именахъ *ерь* однозначителенъ съ *ь-мъ*; то рускому языку нѣтъ никакого повода прибавлять къ одному членному *ерю* еще другой такойже *ь*, и вмѣсто *одноерянаго* окончанія получать нестерпимое *двухъеряное*. Еслибы неудобными показа-

лись, наприм. *корабль*, *журавль*; то рускому языку недлячего измѣнять ихъ сперва въ *корабль*, *журавль*, и уже потомъ выговаривать *корабль*, *журавль*, уничтожая цѣлыхъ два построения. Для чего ему здѣсь къ одному *ерю* прибавлять еще другой? Развѣ для того только, чтобъ было что передѣлать въ *эвфоническое л*, подлежащее также неизбѣжному уничтоженію отъ *дебелаго ера*? (см. § 107).

Мнѣ кажется, что окончаніе *ь* и производство изъ него *ль* есть только филологическій призракъ. Если для образованія звука *л* въ словахъ *корабль*, *журавль*, и бѣглаго *е* въ словахъ *воробей*, *соловей*, предъуставляютъ *ь*, придумывая небывалыя въ живомъ языкѣ двухъеръныя формы *корабльь*, *журавльь*; тогда для производства тѣхъ-же словъ, существующихъ въ русской рѣчи съ бѣглымъ *е*, т. е. *корабель*, *журавель*, пришлось бы предположить трехъеръныя формы: *кораблььь*, *журавлььь*...

§ 111. По моему мнѣнію, въ именахъ *корабль*, *журавль*, и имъ подобныхъ, звукъ *л* принадлежитъ особому окончанію мужескаго рода *ель*, которое соотвѣтствуетъ женскому окончанію *ля* (§ 103).

Мужеское окончаніе *ель* большею частью имѣть значеніе *членное*, какъ *ъ* или *ь*. Таково оно въ именахъ растений *щавель*, *конопель*, и животныхъ *голавель* (рыба), *журасель*, которыя образованы этимъ окончаніемъ изъ коренныхъ именъ: *щавъ*, *конопъ*, *голавъ*, *журавъ*.

Но окончаніе *ель* бываетъ и *производственнаго* свойства, наприм. въ именахъ оруднаго значенія: *рубель*, *щабель* (во множ. ч. *щабли*).

§ 112. Грамматическая примѣта этого окончанія состоитъ въ томъ, что въ немъ звукъ *е* — *бѣглый*, опускаемый въ косвенныхъ надежахъ: *стебель*, *стебля*, *стебли*. Этимъ оно отличается отъ другихъ созвучныхъ окончаній, — съ которыми оно смѣшано въ Филологическихъ Наблюденіяхъ (II. 175) въ качествѣ производственнаго.

Бѣглый звукъ *е* изъ окончанія *ель* можетъ быть опускаемъ и въ именительномъ надежѣ. Тогда это окончаніе, теряя свой полный видъ, сокращается въ *ль*. Такимъ способомъ изъ *стебель* произошло *стебль*, и т. д.

Опущеніе звуковъ *е* и *о* есть обыкновеннѣйшій способъ сокращать полногласныя фор-

мы славянскихъ словъ. Этому сокращенію въ рускомъ языкѣ помогъ всего болѣе языкъ церковный; и я думаю, что уже по его вліянію и примѣру, нѣкоторыя изъ помянутыхъ словъ стали у насъ употребляться съ сокращеннымъ окончаніемъ *ль*, вмѣсто полнаго: *голавль*, *журавль*, *корабль*, *комль*, вм. *голavelь*, *журавель*, *корабель*, *комель*. Нѣкоторыя слова и утвердились у насъ съ однимъ сокращеннымъ окончаніемъ, отказавшись отъ полнаго: *рубль*, *воплъ*, *кремль*.

§ 113. По вышепомянутому косноязычному произношенію, по которому вмѣсто *земля* выговаривается *земья*, полное окончаніе *ель* обратится въ *ей*, и вмѣсто *стебель*, *щавель*, будетъ выговорено — *стебей*, *щавей*. Къ числу постоянныхъ недомолвокъ, произведенныхъ такимъ выговоромъ, я отношу имена *соловей*, *воробей*, *муравей*, *жеребей*, и считаю ихъ выговоренными вмѣсто *соловель*, *муравель*, *воробель*, *жеребель*.

Слогъ *ей* въ этихъ именахъ имѣетъ членное значеніе, почему онъ и въ Филологическихъ Наблюденіяхъ, хотя разсматривается между слогами производственными и называется *производственнымъ*, однако не считается въ числъ особенныхъ *производственныхъ* слоговъ,

и въ таблицѣ поставленъ между ними съ вѣдѣтельнымъ знакомъ (Ф. Н. II. 39).

Изъ приведенныхъ четырехъ словъ, первое и второе понышѣ встрѣчаются со слогомъ *ель*, безъ перемѣны *л* въ *й*. У Червонорусовъ употребляется форма *муравель*; Поляки говорятъ не *вробей*, а *вробель* или *врубель*; Краинцы *врабель*; а Лужичи опуская *в* произносятъ *робель* и *робль*; известна и полабская форма — *ворбликъ*. Сѣверо-западные Славяне, по свойству рѣчи своей, не обратили бы *ей* въ *ль* и *ель* послѣ губныхъ. Они въ этомъ окончаніи удержали звукъ *л*, какъ собственный и первоначальный этому окончательному слогу.

По тому же косноязычному выговору, сокращенныя формы словъ — *вробль*, *стебль*, *журавль*, были бы произнесены *вробьй*, *стебьй*, *журавьй*. Но такія формы не принимались, кажется, въ народную рѣчь, и составляютъ случайную недомолвку, принадлежащую косноязычю личному. Вводить ихъ въ обыкновенное, естественное словопроизводство — недлячего.

§ 114. Въ языкѣ церковнославянскомъ окончаніе *ей* измѣнено въ *ій*, и слова *вробей*, *соловей*, *муравей*, *жеребей*, *передѣ*

лались во *вrabій*, *славій*, *жравій*, *жребій*; а Сербы вмѣсто славій говорятъ *славуй*.

Подобное употребленіе *ій* вмѣсто *ей* представляютъ и другія слова; напр. церковно-славянское *сій* вмѣсто *сей*, южнорусское *чій* вмѣсто *чей*, бѣлорусское *иній* вмѣсто *иней*.

По теоріи Павскаго принимается обратный ходъ: отъ церковнославянскихъ *вrabій*, *славій*, производятся сначала *вrabьій*, *славьій*, а отсюда *воробей*, *соловей*; ибо полагается общимъ правиломъ, что у насъ слогъ *ей* предѣланъ изъ *ій*, — и что мы, не терпя окончанія *ій*, передѣлываемъ его на удобнѣйшее окончаніе *ей*, переводя *і* въ *е* всегда черезъ *ь* (Ф. Н. II. 42).

По древнимъ памятникамъ новгородской письменности видно, что Новгородцамъ не нравилось окончаніе *ій*, напр. въ личныхъ именахъ. Но они не прибѣгали къ переводу звука *і* въ *е* черезъ *ь*; чужое окончаніе *ій* они замѣняли прямо своимъ доморощеннымъ *ь-мь*, и вмѣсто *Феодосій*, *Аркадій*, писали нерѣдко *Феодось*, *Аркадь*. Такимъ же образомъ и для измѣненія *ій* въ *ей*, которое такъ любимо въ великорускомъ выговорѣ, не нужно предполагать посредничества окончанія *ьі*: вмѣсто *соловій* могло быть выговорено прямо *соловей*, безъ перевода черезъ *со-*

ловый, также какъ вмѣсто Володиміръ говорили и писали *Володимеръ*, безъ предварительной переходной формы *Володимьръ*.

§ 115. Примѣчательно, что имена воробей и другія, принявшія у насъ слогъ *ей* вмѣсто *ель*, по разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ утвердились съ различными окончаніями. Такъ первообразное слово *воробъ*, вмѣсто *ель* и *ей*, во многихъ славянскихъ языкахъ приняло окончаніе *ецъ*: по - бѣлоруски *варабѣцъ*, по чешски и словацки *вѣрабѣцъ*, а по - сербски *вѣрабацъ*; илиже, съ переменною начальнаго *в* на *г*: по - южноруски *горобѣцъ*, по хорутански — *грабѣцъ*; а Новгородцы вмѣсто воробей говорятъ *воробышиъ*. Вмѣсто муравей Словаки говорятъ *мравецъ*, а Новгородцы *мурашиъ* (см. еще § 102).

Шимкевичъ это разнообразіе окончаній объясняетъ любовью славянскихъ языковъ къ названіямъ *уменьшительнымъ*, и слова воробей, содовой, щавель, относитъ къ уменьшительнымъ (въ Корнесловѣ, II. 160). Но изъ сказаннаго выше объ окончаніяхъ *ей* и *ель* видно, что они въ этихъ словахъ чистаго *членаго* значенія, а не уменьшающаго качества.

Что касается до первообразной формы четырехъ словъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, то

воробъ и *соловъ* кажется уже вышли изъ употребленія; но *муравъ* существуетъ еще подъ формою *мравъ* — у Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ. Имя *жеребъ* употребляется у Малороссіянянъ и у Новгородцовъ; наконецъ и у Дубровничанъ, но съ измѣненіемъ въ *ждрибъ* (по § 74).

§ 116. По предложеннымъ замѣчаніямъ о происхожденіи окончанія *ль* послѣ губныхъ, можно заключать, что оно бываетъ собственно въ тѣхъ существительныхъ именахъ, къ которымъ прилагался уже слогъ *ель*. Еслибы звукъ *л* былъ здѣсь *вставной*, для отдѣленія губныхъ отъ *еря*, какъ полагалъ Добровский; то имена *голубъ*, *червь*, конечно не остались бы безъ прибавки *л* — въ языкѣ церковномъ, въ которомъ особенно требуется такая вставка *л* послѣ губныхъ передъ *ерель*. Изъ того, что слова *голубъ*, *червь*, существуютъ въ церковномъ языкѣ не передѣланными въ *голубль*; *червьль*, можно заключать, что эти слова въ славянской рѣчи не были подъ формою *голубель*, *червьель*.

Въ очень немногихъ существительныхъ именахъ, окончательный звукъ *л* послѣ губныхъ, можетъ быть признанъ за *вставной* или вспомогательный. Сюда преимущественно

но принадлежатъ тѣ имена, которыя перешли въ существительныя изъ прилагательныхъ, или же образовались по ихъ подобію. Таковы наприм. у насъ имена городовъ — Ярославль (=Ярославовъ) и проч. Это окончаніе *ль*, происходящее изъ *ь*, и соответствующее нашему *овъ*, составляетъ собственность церковнославянскую: Авраамль (=Авраамовъ) вмѣсто Авраамъ, и т. д.

Къ рускому языку такія окончанія привились отъ языка церковнаго, и въ народномъ выговорѣ они обыкновенно невыговариваются сполна. Вмѣсто Ярославль, охотнѣе говорится *Ярославъ*. Точно такъ и слово *рубль*, по-польски *рубель*, въ народномъ рускомъ выговорѣ обращается въ *рубъ*. Но въ словахъ *голубъ*, *жеравъ*, *корабъ*, рускій народъ произноситъ свои древнія, безприбавочныя формы, которыя господствуютъ во всей славянской рѣчи.

§ 117. Выше замѣчено, что не только у Великороссіянъ, но и у другихъ Славянъ, господствующимъ окончаніемъ мужескихъ именъ служитъ *ь*, иногда замѣняемый *ь-мъ*; но съ тѣмъ вмѣстѣ существуетъ иногда и членъ *ель*, *ль*: жеравъ, жеравь, — и журавель, журавль.

Тоже представляется и относительно другаго окончанія—*инъ, чинъ* или *енъ, енъ*, которое по моему мнѣнію есть *членъ*, въ словахъ *камень, кремень, пламень* (~~съ~~ *поломень*). Эти слова въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются и безъ прибавки члена *енъ*, съ однимъ *г-мь*: *камъ*— въ нарѣчіяхъ кашубскомъ и дубровницкомъ; *крешемъ* (= *кремъ*) въ нарѣчій кашубскомъ; *пѣломъ* (= *пламъ*) у Новгородцовъ.

Сюда я отношу и слово *ячень*, составляющее соотвѣстность славянской рѣчи. Корнемъ этого слова Павскій признаетъ *яч* (= *ак*), а окончаніе *мень* принимаетъ за производственный слогъ, сравнивая слово *ячень* съ латинскимъ словомъ *аситен*— остріе (Ф. Н. П. 155). Но съ какой стати Славянамъ называть свой хлѣбный злакъ чужимъ для нихъ *нарицательнымъ* именемъ? Еслибъ они и захотѣли назвать ячень, по остямъ или усамъ его колоса, то называли бы остякомъ, усаномъ, или инымъ подобнымъ именемъ, какъ названы шиповникъ, бодякъ. Притомъ же, въ предполагаемомъ корнѣ *яч*, звукъ *я* переходной или такъ-называемый носовой¹⁹; слѣдственно слогу, *яч* трудно

19. Это очевидно изъ польскаго *енмень*, и полабскаго *лимень* (пшуть *jausnung*, но вѣроятно по-ошибкѣ

произойти (особенно по теории Павскаго) изъ латиногреческаго корня *ак*; ибо тамъ, въ началѣ и средицѣ словъ, нашему переходному *я* соотвѣтствуютъ обыкновенно *ан*, *ен*, *ин*. Корнемъ слова *ячмень* я признаю особое славянское имя *ячѣмъ*, въ род. пад. *ячмá*. Это имя безъ слога *ень* или *инь* употребительно въ сербскомъ языкѣ, гдѣ оно выговорено *ѣчамъ*, какъ вм. *ярѣмъ* — *ѣрамъ*.

Во всѣхъ этихъ словахъ, также и въ имени *ремень* (по-швед. *rem*), слогъ *ень*, по-южноноруски произносимый *инь*, есть окончание не производственное, а *членное*, тоже что окончательный *ъ*.

Въ церковнославянскихъ формахъ *пламы*, *камы* (по-сербски *камень* и *ками*), звукъ *ы* выговоренъ вмѣсто *ен*. Въ среднемъ родѣ этому члену соотвѣтствуетъ у насъ *я* переходное, — вмѣсто котораго многіе изъ Рускихъ, но еще постояннѣе югозападные Славяне, ставятъ *е*. Такимъ образомъ имена *пламень*, *стремель* или *стремень*, въ среднемъ родѣ — *пламя*, *стремля*, или *пламе*, *стреме*. Въ такомъ

вм. *jačmenj*). Въ Остромировомъ Евангеліи это слово написано съ *ѣ*, а не *д*; но живой выговоръ здѣсь важнѣе буквы, зависѣвшей отъ руки писца.

же отношеніи находятся *племя* и старинное великорусское *племень* (муж. рода).

Употребленіе именъ — съ прибавочными членами *ень*, *ель*, и безъ оныхъ, примѣчается и въ языкахъ другихъ рѣчей индоевропейскаго округа, напр. въ языкѣ исландскомъ: *jarl*, *hird*, и *jarlin*, *hirdin*. Слогъ *in* тамъ прибавляется тоже какъ *членъ*, и подтверждаетъ собою членное значеніе нашего окончанія. Такимъ образомъ и членное окончаніе *ень*, *инь*, надо отличать отъ производственнаго *ень*, хотя этого и не сдѣлано еще въ Филологическихъ Наблюденіяхъ.

СТАТЬЯ XV.

О вставномъ звукѣ *л* въ глаголахъ.

§ 118. Наравнѣ съ именами „*л*“ въ окончаніяхъ глаголовъ — звукъ *л* послѣ губныхъ по теоріи Павскаго, считается намѣстникомъ *еря*. Глаголы люблю, еплю, ловлю, шумлю, принимаются выговоренными вмѣсто *любью*, *спью*, *ловью*, *шумью*, во избѣжаніе *двухъ*

ерьнаго стеченія. Такому производству противорѣчатъ глаголы *быю*, *пыю*, *выю*, съ древнихъ временъ употребительные у насъ вмѣсто *бию*; *пию*, *вию*. Эти примѣры свидѣтельствуютъ, что если въ русской рѣчи дѣйствительно возникаютъ окончанія глаголовъ двухъ-ерьныя, то они и остаются въ этомъ видѣ, безъ перемѣны *еря* на *л*.

Для такихъ глаголовъ, въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго (I. 99) придуманъ особый способъ избѣгать двухъ ерей — *разведеніемъ* ихъ по разнымъ слогамъ и *полуслогамъ*: *бь-ю*; *пь-ю*; *вь-ю*. Но такого разведенія не бываетъ въ живомъ выговорѣ; да оно несогласно и со свойствомъ языка русскаго — „любящаго сокращать *и* на *ь*.“ (Ф. Н. II. 201).

Тогда, какъ большая часть Славянъ, напр. вмѣсто *быю*, вытягиваютъ *бию*, *бие*, *биемъ*, *біемъ* и т. д.; рускій языкъ добровольно обращаетъ издревле окончаніе *ию* въ *ью*. Онъ нарочно два слога сжимаетъ въ одинъ; а ему предлагаютъ разводить на *полуслоги*...

Притомъ же рускій выговоръ, по теоріи Павскаго — „ни въ какомъ случаѣ, ни въ срединѣ словъ, ни въ концѣ, не хочетъ терпѣть *еря* при губныхъ, и всегда произноситъ его твердо, какъ *ь*: *быю*, *пыю*, *выю*.“ (Ф. Н. I. 125).

Если такъ, то, при всегдашнемъ уничтоженіи *еря еромъ*, никогда не останется *двухъ ерей* послѣ губныхъ; слѣдственно, никогда не могутъ имѣть мѣста придуманныя Павскимъ раздвоенныя формы *бь-ю*, *пь-ю*, *вь-ю*, болѣе трудныя для рускаго выговора, нежели цѣльныя формы *бю*, *пю*, *вю*. Зачемъ же вводить въ теорію такой способъ, какого не можетъ быть на самомъ дѣлѣ!

§ 119. При разборѣ именъ женскихъ (§ 98) уже показано, что въ языкѣ южнорускомъ звукъ *ь* можетъ переходить въ *л* только послѣ одного губнаго звука *в*; слѣдственно, звукъ *л*, употребляемый южнорускимъ языкомъ въ глагольныхъ окончаніяхъ послѣ *вствхъ* губныхъ безразлично, свидѣтельствуетъ, что онъ происходитъ тамъ не изъ *еря*, и что глаголы *люблю*, *сплю*, *ловлю*, *шумлю*, не могутъ быть производимы изъ *любью*, *спью*, *ловью*, *шумью*. Эти послѣднія формы въ русской рѣчи могутъ возникать только изъ первыхъ, какъ недомолвки личнаго косноязычія, а не наоборотъ.

Въ глагольныхъ окончаніяхъ звукъ *л* послѣ губныхъ есть просто *вставной*, а не возникающій изъ *еря*. Мы не говоримъ *любю*, *спю*, *ловю*, *шумю*, потому, что губнымъ звукамъ

у насъ непривычно соединеніе съю. Мы говоримъ *люблю, сплю, ловлю, шумлю*, потому, что въ глаголахъ — вспомогательнымъ звукомъ для губныхъ служитъ *л*, какъ въ другихъ случаяхъ *в, ж, ш*. †

Въ языкѣ южнорускомъ губные звуки не любятъ соединяться ни съ *ю*, ни съ *я*. Поэтому тамъ звукъ *л* употребляется для соединенія губныхъ и съ *ю*, и съ *я*. Малороссіяне говорятъ — не только *люблю, сплю, ловлю, шумлю*; но и въ третьемъ лицѣ множественнаго числа: *люблять, сплять, ловлять, шумлять*.

Нѣкоторые Червоноруссы, по примѣру сѣверо-западныхъ Славянъ, основныя формы глаголовъ *любю, спю, ловю, шумю*, произносятъ безъ вспомогательнаго *л*; т. е. звуки *ю* и *я* тамъ равно терпимы для губныхъ звуковъ, въ окончаніяхъ глагольныхъ. — Великорусскій выговоръ господствующаго нарѣчія, послѣдовавъ церковнославянскому языку, воставилъ средину между этимъ выговоромъ и господствующимъ южнорусскимъ. У него вставное *л* требуется губными передъ *ю* — *треплю, треплютъ; дремлю, дремлютъ*; передъ стойкимъ *я* ^(та) — *поставлять, устремлять*; передъ *е* — *поставленъ, устремленъ*. Но передъ звукомъ *я* (*л*) переходнымъ или но-

совымъ, губные звуки обходятся безъ вспомо-
гательнаго *л* — *любятъ, любя, любящій*.
Тоже допускается иногда звуку *м* передъ
ю, именно въ глаголахъ *каймю, клеймю,*
тмю. Но въ другихъ великорусскихъ нарѣ-
чїяхъ, это допускается и другимъ губныхъ зву-
камъ; напримѣръ въ нарѣчїи среднерусскомъ,
гдѣ говорятъ — *сыплютъ и сыплютъ, лѣ-*
вятъ и лѣвють. Такимъ образомъ и въ ве-
ликорусскомъ выговорѣ оба *я*, въ отношеніи
къ губнымъ звукамъ, уравниваются иногда и въ
глаголахъ.

§ 120. Итакъ звукъ *л* послѣ губныхъ
въ окончанїяхъ глаголовъ, и тотъ же звукъ
въ окончанїяхъ именъ существительныхъ, хо-
тя и *подобны* другъ другу, но *различны* и
по значенію, и по происхожденію. Въ глаго-
лахъ звукъ *л* дѣйствительно есть вспомога-
тельный, для отдѣленїя губныхъ отъ тонкихъ
гласныхъ, — есть звукъ прибавочный или
вставной, въ томъ смыслѣ, какъ принимали его
Добровскій, Востоковъ и Копитаръ. Но въ
именахъ существительныхъ звукъ *л* послѣ
губныхъ, по моему мнѣнію, принадлежитъ
особымъ окончательнымъ слогамъ: женскому
ля, и мужескому *ель*, сокращаемому въ *ль*, —
которые обыкновенно прилагаются къ име-

намъ какъ члены, но бываютъ и производственными.

Сродство, по которому звукъ *л* избирается губными въ окончаніяхъ глагольныхъ, безъ сомнѣнія составляетъ причину и тому, что слоги *ель* и *ля* прильнули къ именамъ, кончащимся на губные звуки.

Замѣченный въ глаголахъ, вставной звукъ *л* былъ распространенъ филологами на всѣ имена — только по подобію этихъ двухъ явленій, которыя приняты были за одно и тоже.

Ученіе Павскаго, что звукъ *л* послѣ губныхъ, и въ именахъ и въ глаголахъ, есть *эвфоническій*, происходящій изъ *еря*, во избѣжаніе двухъерьянаго стеченія, — я отношу также къ числу филологическихъ неудачъ. Шафариково понятіе, что этотъ звукъ *л* въ именахъ и глаголахъ полагается вмѣсто *смягчающаго ѣ*, совпадаетъ съ ученіемъ Павскаго.

П О П Р А В К И.

<i>Стр.</i>	<i>Напечатано :</i>	<i>Читай :</i>
	<i>строка</i>	
37	13 болѣе — —	менѣе
92	18 <i>Српа</i> — —	<i>Срба</i>
160	14 нѣтъ — —	нѣтъ
и 66	1 сколько — —	столько
172	7 острое <i>и</i> — —	тонкое <i>и</i>
173	7 ловля. — —	ловля. ,,
123	15 есень. — —	есень ,,
154	6 <i>звѣзда</i> — —	<i>звѣзда</i> , и <i>звѣзда</i>
204	1 снизу <i>яисмень</i> —	<i>яисмень</i>

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0315317021

PG
15
.M3

